

Костёр
6
ИЮНЬ
1969

ЛЕНИНГРАД — НАБЕРЕЖНАЯ НЕВЫ

Фото Р. Мазелева

Колосёр
6
ИЮНЬ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Экипаж Ил-18**
репортаж Г. ГЕОРГЕ 2
- Гарпунер**
рассказ Ю. ЛЕУШЕВА 9
- Совет друзей 16**
- Мальчик и жар-птица**
повесть В. КАНИВЦА 19
- Страна Поэзия 35**
- Рассказы про слова**
Л. УСПЕНСКОГО 38
- Автограф Человека-невидимки**
репортаж В. ОСИНСКОГО 40
- Зазеркалье**
повесть Л. КЭРРОЛЛА 42
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, фото, рисунки 50
- Уголок веселого архивариуса 52**
- Уголёк**
журнал для малышей 53
- Provonto e reprovonto**
интервью И. ВОЙТЕНКО 55
- Твой рисунок**
письмо юным художникам 57
- Морская газета 58**
- Бьют барабаны Арчебека 61**
- Школа „Спринт“ 62**

ДОЖДЬ

Дождь, дождь,
А я несусь по лужам.
Дождь, дождь,
Ты так сейчас мне нужен.
Дождь, дождь,
Твой шум и смех мой рядом,
Дождь, дождь,
Не утихай, не надо.
Как хорошо на свете,
Что рядом мчится ветер,
Что вместе мы поем,
И пахнет все дождем.

Галина Иванова, 8 класс,
г. Елец.

ЭКИПАЖ ИЛ-18

Г. Георге

Люди проталкиваются через турникет, оглядываются, машут, что-то кричат.

Те, кто остался, тоже машут и тоже кричат, а некоторые даже плачут. Шум такой стоит, сутолока...

Мы проходим через соседний турникет. Нас никто не провожает, не машет рукой.

Впрочем, нет. Машет. Издалека, оттуда, куда мы идем. Это Юрий Петрович, механик, он здесь уже часа два, все проверил и все осмотрел и ждет у трапа.

* * *

Мое любимое место в третьем ряду справа. Здесь как-то в августе я летела из Мос-

квы в Норильск. Все пассажиры были в болоньях, в легких пальто — это были старые норильчане. И только рядом со мной сидел мужчина в собачьей шубе — кинооператор из Сочи, он впервые отправлялся на север.

Но сегодня я не сяду в третьем ряду у иллюминатора. Даже в самом удобном первом ряду не сяду.

Через пустой салон — наших пассажиров еще не приглашали на посадку — иду к кабине. Открываю дверь с надписью «Посторонним не входить».

* * *

Какая кабина маленькая! Окно невысокое, но очень

Фото Е. Сняверя

широкое. Удобно такое для обзора.

Справа у входа кресло, маленький стол, передатчики и телеграфный ключ. Конечно, это место радиста.

Напротив такой же столик. Карты, бортовой штурманский журнал, аэронавигационная линейка, множество приборов. К ним подходит Прокопий Константинович, штурман.

Одно кресло посреди кабины. И пульт, с которого управляют двигателями. Здесь летит механик.

Юрий Петрович опустил спинку своего кресла на сиденье. Получился большой табурет. Мы сели на него вдвоем. Так и у меня появилось в кабине место.

Прямо у окна места командира корабля и второго пилота.

Самое почетное—кресло командира корабля. Летчики называют его чуть-чуть с большой буквы: Левое кресло—так вот оно пока пустое. Сейчас придет Леонид Моисеевич Лесовой, сядет в него, и мы полетим.

Но вошел молодой летчик Миша, Михаил Владимирович Игнатович, слушатель Высшего авиационного училища. Вошел Миша и... занял левое кресло! Оказывается, он сегодня будет командиром корабля, а Леонид Моисеевич—вторым пилотом и инструктором.

* * *

— Механик готов к запуску!

— Штурман готов!

— Радист готов!..

Командир нажимает кнопку, и начинает реветь первый двигатель. Потом второй, третий, четвертый.

Штурман последил по при-

борам за оборотами, температурой, переговорил по радио с диспетчером аэропорта, и тот дал команду вырывать.

Вырываем. Становимся на старте.

Диспетчер предупреждает: «На полосе повнимательнее—есть снежок», сообщает последнюю сводку ленинградской погоды и разрешает взлет.

Самолет мчится по полосе.

— Сто тридцать, — говорит штурман. Это мы мчимся с такой скоростью.

— Сто пятьдесят, — говорит штурман.

— Двести сорок.

— Отрыв!

Нет, никогда в пассажирском салоне я не знала этого прекрасного момента! Что там увидишь в маленьком иллюминаторе! Что там почувствуешь, жуя конфетку?!

Неощутимые до этого крылья сейчас стали нужными и сильными. Не стучал больше под колесами бетон. Небо наполнило окно. И наша пятиде-

сятичетырехтонная громада быстро, легко, плавно вошла в это утреннее ясное небо.

Миша повернулся ко мне и крикнул: «Смотрите, «Аврора!» — и показал куда-то вниз. А я ахнула: как, в такой ответственный момент он еще «Аврору» замечает, и сама никак не могла увидеть ее — попробуй-ка с воздуха отыскать игрушечную!

А пока я разглядываю похожий на макет город, пока удивляюсь и радуюсь, в кабине происходят перемены. Стажер и командир уже спокойно откинулись на спинки кресел и разговаривают. Вот в чем дело — работает автопилот.

Штурман пишет на пластмассовом листке:

Петрозаводск 9.54

Онега 10.18

Архангельск 10.33

А сейчас? Он смотрит на часы. Говорит: «Кобона». Раскрывает карту. Показывает. Черная точка у голубого пятна. На Ладого Кобона, у Дороги жизни.

ШТУРМАН

Мы летели 23 февраля, в День Советской Армии. И диспетчеры всех портов, над которыми мы пролетали, обязательно нас поздравляли. Нам было очень приятно. А всех приятнее, наверное, Прокопию Константиновичу, потому что он много лет служил в военной авиации, а в годы войны готовил летчиков на Дальнем Востоке. Ученики Прокопия Константиновича сражались, может быть, и здесь, у Кобоны...

Штурман выбирает путь лайнера. Если хорошо выберет—скорее закончится рейс—меньше израсходуется горючего.

Зная вес самолета, скорость и направление ветра, штурман говорит, сколько взять горючего на борт. Он рассчитывает схемы взлета, снижения, захода на посадку.

Прокопий Константинович делает расчеты быстро и удивительно точно. Мы проходим над городами минута в минуту, как он написал на пластмассовой карте. В бортовом штурманском журнале есть графы «Предваритель-

ный расчет полета» и «Выполнение полета». Штурман до полета заполнил первую графу, а после полета—вторую. Мы сверили цифры, и они почти все совпали. Не совпало время: до Архангельска мы долетели на пять минут быстрее. Что это хорошо, я уже знала. А вот много это или мало? Для зимнего времени, оказывается, немало.

Когда потом, уже в Москве, на аэродроме Шереметьево мы обедали, кто-то сказал:

— Ну что, Константиныч, с последним рейсом?

Да, этот рейс был для Прокопия Константиновича последним. Старый штурман переходил на другую работу.

Что чувствовал он в последнем полете? Вспоминал ли свой первый полет на маленьком По-2? Думал ли, что безошибочность его расчетов — от горьких времен войны, когда, ориентируясь только на выкладки, он бомбил вражеские объекты? А может, просто

— Какая высота? — спрашиваю.

— Восемь тысяч.

Мы летим уже третий час. Под нами восемь километров. Не слышно на земле шума наших моторов. Не видно нас. Ни полоски от нас, ни точки. Нас как будто вовсе нет.

РАДИСТ

«Борт семьсот двадцатый! Ответьте!»

И Анатолий Данилович Леонтьев сразу отвечает: «Я — семьсот двадцатый. Проходим Петрозаводск».

Радист рассказал мне о том, что ему самому давно привычно: земля не покидает ни одну машину, сколько бы ни летело их в воздухе. Поднялись с аэродрома — и сразу стал наблюдать за нами диспетчер. Он наш советчик, помощник наш. Он будет провожать, пока не удалимся так далеко, что плохо станет нас слышно и трудно наблюдать по приборам. Но тут же он передаст нас диспетчеру другого порта, к которому мы сейчас ближе. Отлетели далеко от Ленинграда,

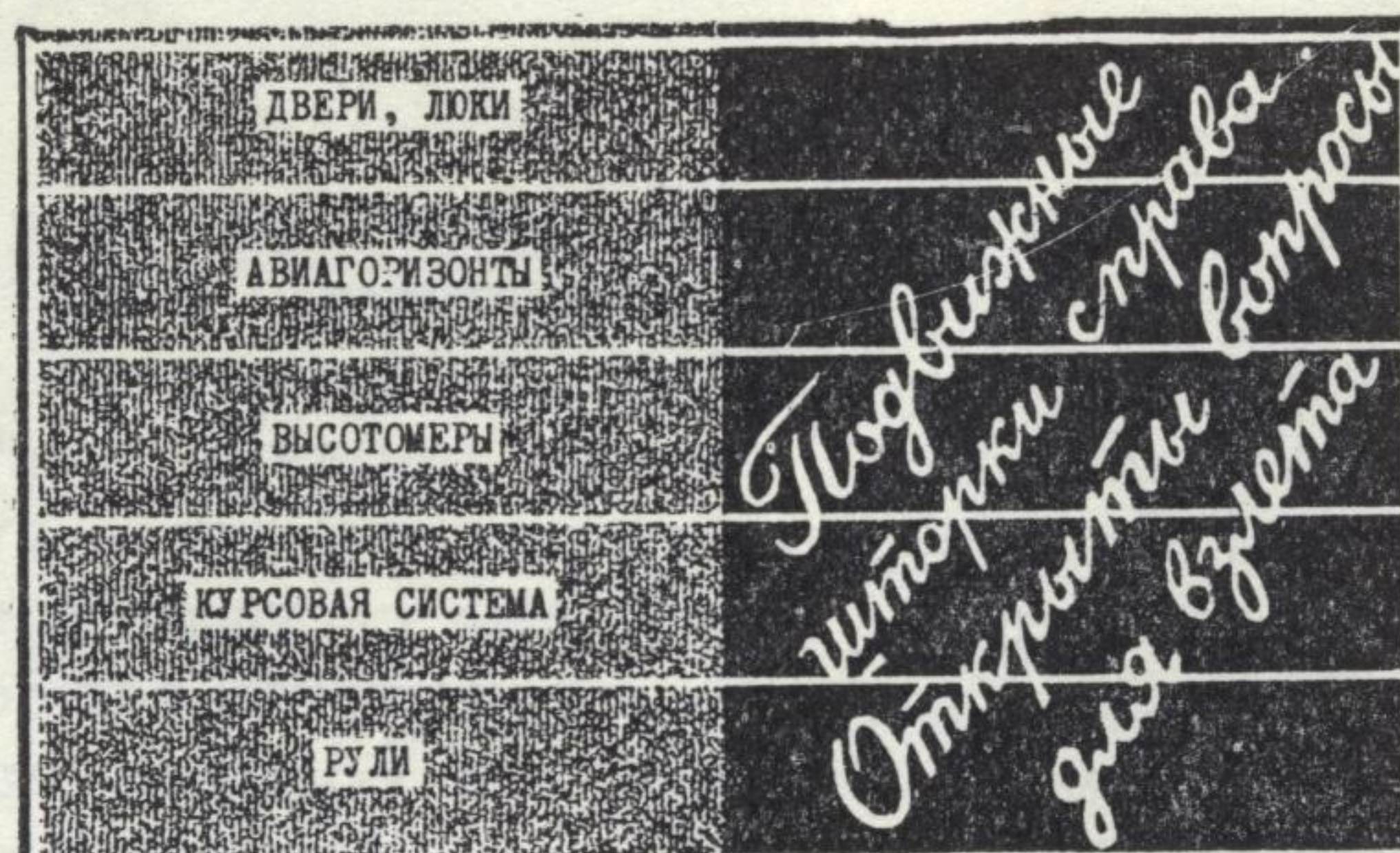
смотрел на белую зимнюю землю и она казалась ему с воздуха прекрасной? Не знаю...

Во время полета штурман Чекалкин писал. Считал. Сообщал экипажу данные... Летчики — не сентиментальные люди.

и сразу машину стал контролировать диспетчер Череповца. И сразу Анатолий Данилович ответил ему: «Я — семьсот двадцатый».

Какие обязанности у радиста? Вот так отвечать земле или запрашивать ее по необходимости. И все?

Экипаж приготовился к полету. Радист смотрит на контрольную карту перед собой. На ней — вопросы каждому члену экипажа.

«Закреты», — ответит механик.

«Проверены», — ответят командир корабля и второй пилот.

«На нуле», — скажут командир, второй пилот, штурман.

«Согласована», — ответит штурман.

«Расстопорены», — ответит командир.

21 вопрос задаст Анатолий Данилович, чтобы его товарищи проверили себя, чтобы ничего не забыли.

Самолет идет по курсу. Что делает радист? Следит за всей энергосистемой корабля. Чтобы не обмерзли, когда за бортом минус 50, крылья и оперение винта, и чтобы вы в салоне могли при электричестве почитать книжку.

Леонтьев запросил Архангельск: как там погода, не испортилась ли, пока мы летели? Не

испортилась. А если бы?.. Тогда Анатолий Данилович, не ожидая приказа, тут же запросил бы погоду в трех запасных аэропортах. И дал командиру корабля все прогнозы вместе: решай, командир, куда лететь.

Конечно, он может сначала сказать: вот, мол, а погода-то плохая. Командир попросит его вызвать запасные порты. После этого он вызовет... Результат тот же. Но настоящие летчики знают: товарищам в работе надо помогать.

Каждому радисту в полет даются справочные журналы. Но Анатолий Данилович в них не заглядывает. Он все волны, все частоты помнит и очень быстро находит в эфире нужную станцию. А это очень ценное качество, потому что бывают в авиации моменты, когда быстрота решает дело.

У Леонтьева на груди значок: крылья, а в центре цифра «2». Он — радист второго класса. Очень опытный радист, мастер спорта, не-

однократный чемпион Ленинграда, член сборной команды города. Он мог бы хоть сейчас сдать на первый класс. Но в Аэрофлоте полагается к теории иметь большую практику.

— Борт семьдесят пять семьсот двадцатый! Ответьте!

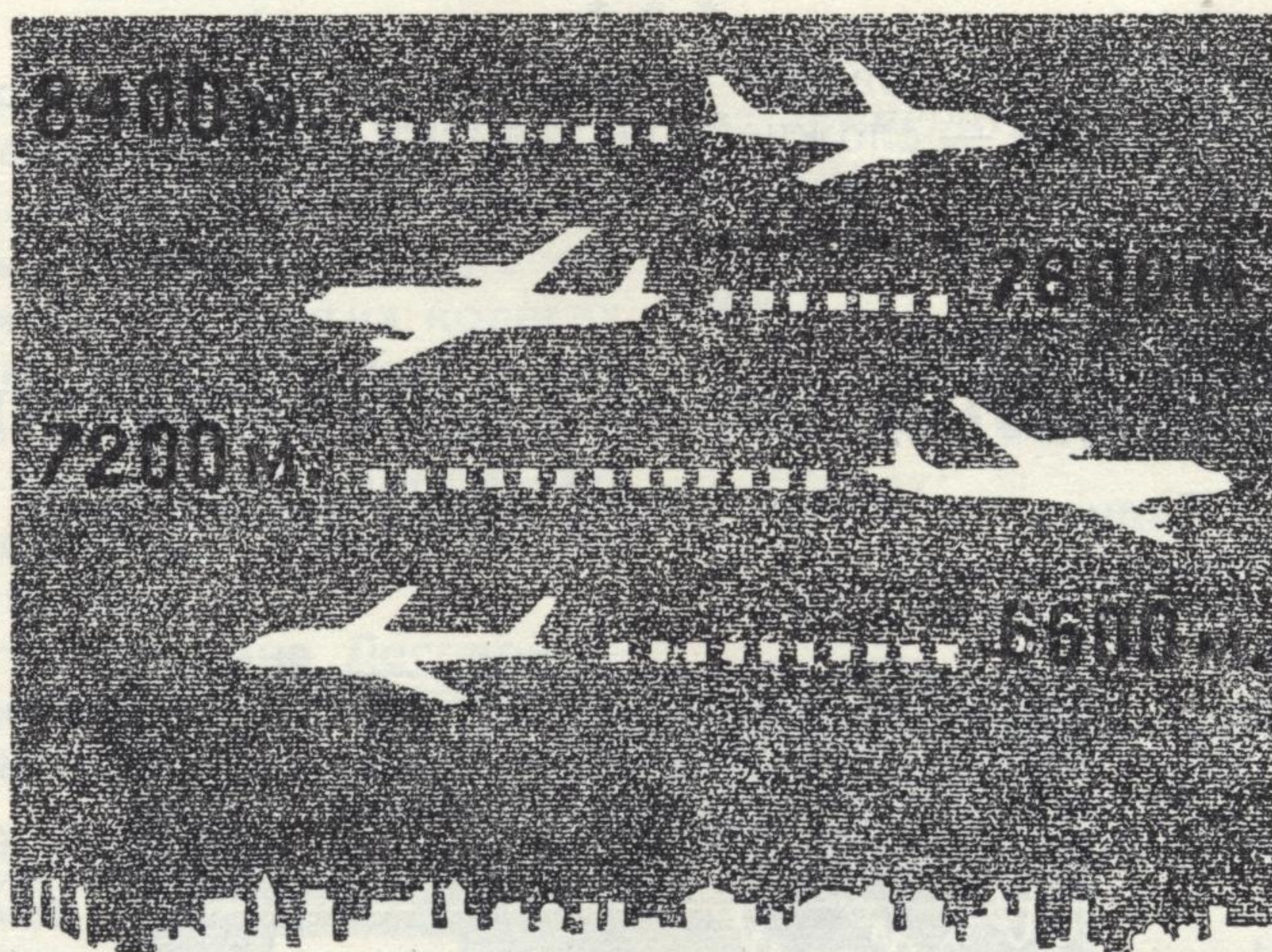
— Я — семьсот двадцатый. Пролетаю Димитров.

Ни один самолет, сколько бы ни летало их в воздухе, никогда не покидает земля.

— Хорошо вам, — говорю я, — просторно. Не то что на железной дороге — светофоры, стрелки. Не то что на шоссе — «не обгоняй», «стоянка запрещена»...

— И у нас так же, — говорит Лесовой. — С ленинградского аэродрома летом каждые две минуты поднимается самолет. Представляете, что было бы в воздухе, если бы каждый экипаж летел, как вздумается? Но у нас не дороги, а эшелоны.

Машины, у которых курс лежит от ста семидесяти до ста девяноста, имеют, как говорят летчики, нечетные эшелоны.

Все самолеты, которые летят курсом от нуля до ста семидесяти градусов, получают четные эшелоны.

Эшелоны не дают машинам столкнуться в воздухе. Если мчится лайнер, например, по эшелону 7200, то встречный пройдет либо на 6600, либо на 7800. На шестьсот метров выше или ниже.

Мы летим на высоте 8400. Такой, значит, дали нам эшелон.

ВТОРОЙ ПИЛОТ И ИНСТРУКТОР, КОТОРЫМ БЫЛ В ЭТОМ РЕЙСЕ КОМАНДИР КОРАБЛЯ

Он совсем непохож на летчика, каким мы его себе представляем: здорового, косая сажень в плечах. Он худощавый, очень легкий в движениях. И я спросила:

— А как, Леонид Моисеевич, вы стали летчиком?

В девятом классе он увлекался авиамоделизмом. Он жил в Хосте. Аэродром Адлер был недалеко. Он приходил с друзьями, и они запускали там свои модели. Как-то в одну машину налили столько горючего, что она улетела неведомо куда. Во вторую налили уже поменьше.

Тогда в пять часов вечера прекращались рейсы, и аэродром становился пустым, тихим.

Но газеты писали о первых полетах реактивных самолетов.

Окончив школу, Леня пошел в авиационное училище.

Вошла Наташа, бортпроводница. Принесла нам воды. Наташа в очках, с гладкой прической — как строгая учительница.

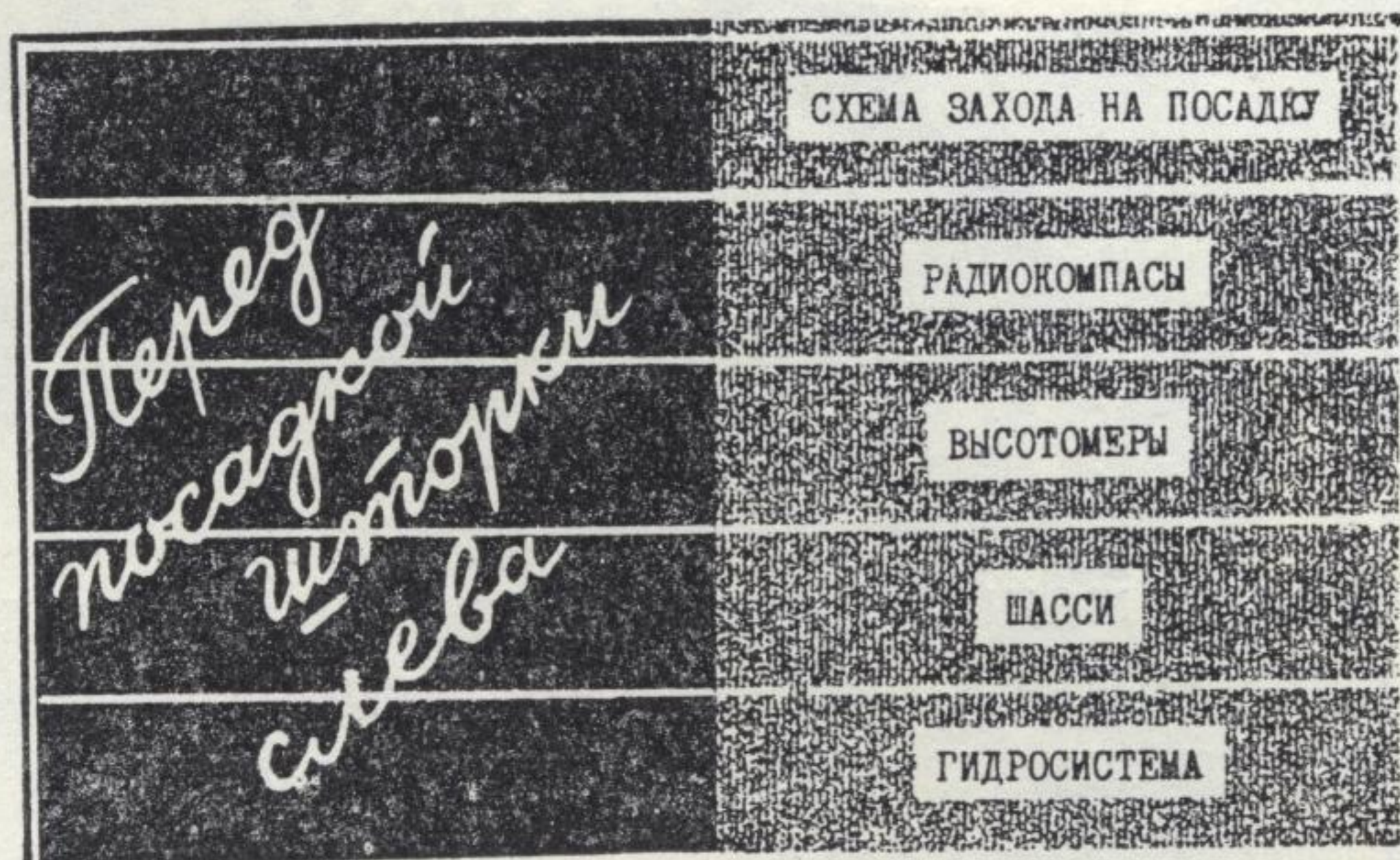
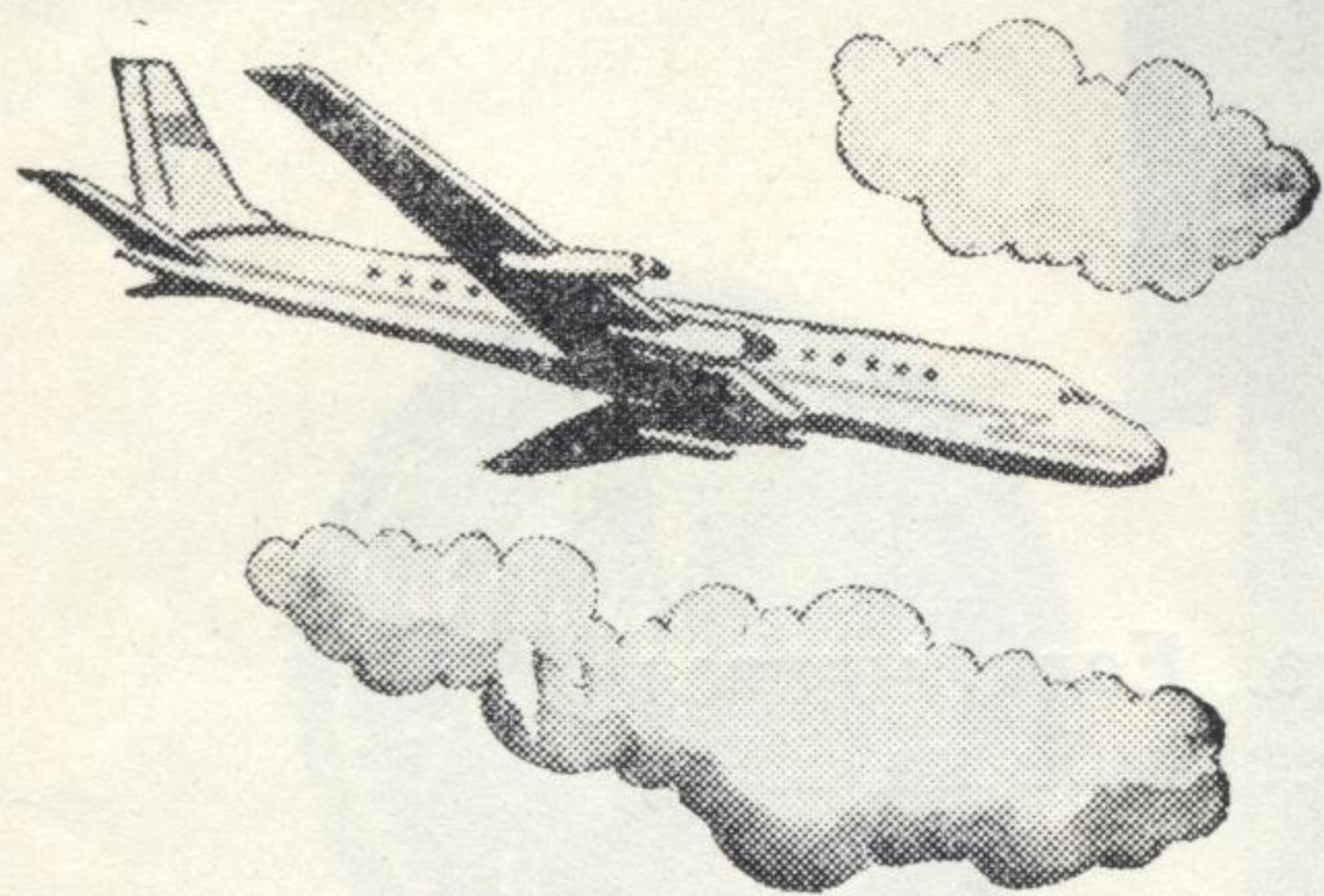
Во время полета она и вторая бортпроводница Люда заглянули к нам раза два. Некогда. Очень много дел в салоне. А работать должны так, чтобы все пассажиры были прямо-таки в восторге. Ведь во всем мире принято считать, что стюардесса — лицо авиакомпании.

* * *

— Пора снижаться, — говорит штурман.
Снижение и посадка — сложнейшие элементы полета.
Стажеру Мише Игнатовичу предстоит выполнить их.

КОМАНДИР КОРАБЛЯ, ОБЯЗАННОСТИ КОТОРОГО ИСПОЛНЯЛ СТАЖЕР?

Радист по своей карте вновь задает экипажу вопросы.

Командир корабля: «Просмотрена».

Штурман: «Настроены».

Командир, второй пилот, штурман: «Установлены на давление 745».

Бортмеханик: «Выпущены, исправны».

Бортмеханик: «Исправна, давление в норме».

Штурман сообщает, что снижаться будем по десять, а потом по пять метров в секунду.

Вдруг Лесовой говорит коротко:

— Шторка!

Механик Юрий Петрович приподымается и... задерживает окно перед Мишей шторкой.

Как же так? Сейчас, когда командир корабля уже не доверяет испытанному автопилоту, когда он сам должен все делать и все видеть?!

Миша должен производить посадку по приборам. Как при сильном тумане или сплошной облачности.

— Высота двести семьдесят, — говорит штурман.

— Двести пятьдесят. И объясняет мне:

— Если расчеты правильны, на высоте шестьдесят метров мы должны увидеть аэродром.

— Влево три градуса, — говорит штурман Мише.

Когда по приборам до земли остается шестьдесят метров, Лесовой командует:

— Открыть!

Шторку убирают. Мы видим черные точки деревьев на белом снегу и впереди ровное поле аэродрома.

Так же, как при взлете, штурман диктует скорость, только цифры теперь становятся все меньше, а под конец вместо магического

слова «отрыв» он произносит другое магическое слово — «торец». Значит, мы пролетаем над началом посадочной полосы. Через сто пятьдесят метров колеса стучают о землю. Мы сели.

Миша Игнатович будет командиром корабля в аэропорту города Баку. А пока он — стажер. А всем стажерам ставят отметки. Миша Игнатович получил за посадку «отлично».

Вот и окончился наш долгий рейс. Затихли моторы на борту 75720. Ушли пассажиры.

— Вы идите, а я тут еще немного побуду, — говорит Юрий Петрович.

МЕХАНИК

Раньше всех перед рейсом приходит Юрий Петрович Андреев. Внимательно осматривает фюзеляж. Проверяет, нет ли обрывов топливного шланга. Как заправили машину маслом, водой. Запускает двигатели. Проверяет управление передней ногой. И даже такую, на наш взгляд, странную вещь, как давление в колесе этой самой передней ноги и в других колесах.

И после полета Юрий Петрович еще долго остается на аэродроме. Ему писать в журналах о состоянии нашего Ил-18, ему передавать лайнер механикам аэродрома. Позже всех по- падет домой Юрий Петрович.

— Наш механик, — говорил мне Лесовой, — кончал техническое училище. Но по своим профессиональным качествам он соответствует инженеру.

А сам Юрий Петрович, как только заработал автопилот, сказал:

— Все. Теперь до посадки у меня дел нет. Но это он из скромности. В инструкции на-

писано, что механик в полете следит:

за подачей топлива;

за температурой двигателей;

за работой гидросистемы;

за количеством масла в основной и аварийной системах;

чтобы не было обледенения крыльев и хвоста самолета;

чтобы стекла постоянно обдувал теплый воздух и они бы не затуманивались.

Ну, а кроме этого, дел действительно нет.

Это был, как сказали сами летчики, обыкновенный рейс. Бывают труднее — многочасовые напряженные ночные полеты через Среднюю Азию или через Урал, через Сибирь.

Полеты могут выпадать на праздничные дни, когда и родные, и знакомые, и соседи сидят за столом и веселятся. А ты должен надеть синюю

форму и занять место в кабине: «К полету готов!» Это — работа. Есть план, который надо непременно выполнить, как на любом заводе, на фабрике, на стройке.

При современных скоростях самолетов все решения летчики принимают мгновенно, все действия производят в секунды.

Каждый в экипаже так прочно соединен с другим, что порознь им просто невозможно. Помогают друг другу чем могут, понимают друг друга с полуслова. Если в отпуск идут — то всем экипажем. Если заболит один — всех снимают с рейса. Один ничего не значит в небе. В небе сила — экипаж.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ
ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(ПРИ ВФДМ)**

ТВОЯ БУДУЩАЯ ПРОФЕССИЯ

Много разных стран на свете. В каждой дети живут по-разному.

Как представляют свое будущее дети?

Советские ребята и ребята стран народной демократии знают: учишься, работаешь — и ты сможешь стать кем захочешь: врачом, инженером, космонавтом, моряком.

Иная судьба у большинства детей капиталистических стран — им уже в детстве приходится думать о куске хлеба. А те, кому посчастливится учиться, страшатся за свое будущее — найдется ли для них работа.

Еще труднее жизнь в колониальных странах. Детство «цветных» — бесправие, нищета, угнетение.

Как готовятся дети всех стран к борьбе за лучшую жизнь? Какая профессия их привлекает уже сейчас? На эти вопросы хочет получить ответ от самих детей **СИМЕА** — Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной Федерации демократической молодежи.

СИМЕА объявил 1969 год годом защиты прав детей. Именно в этом году **СИМЕА** решил провести литературный конкурс на тему «Моя будущая профессия». Конкурс этот международный, то есть в нем могут участвовать дети от 10 до 14 лет из любой страны земного шара.

Журнал «Костер» приглашает своих читателей принять участие в этом литературном конкурсе.

Рассказы, стихи, пьесу, статью, даже письмо другу можно прислать на этот конкурс, если только речь идет о будущем, о будущей профессии, о борьбе за лучшее будущее.

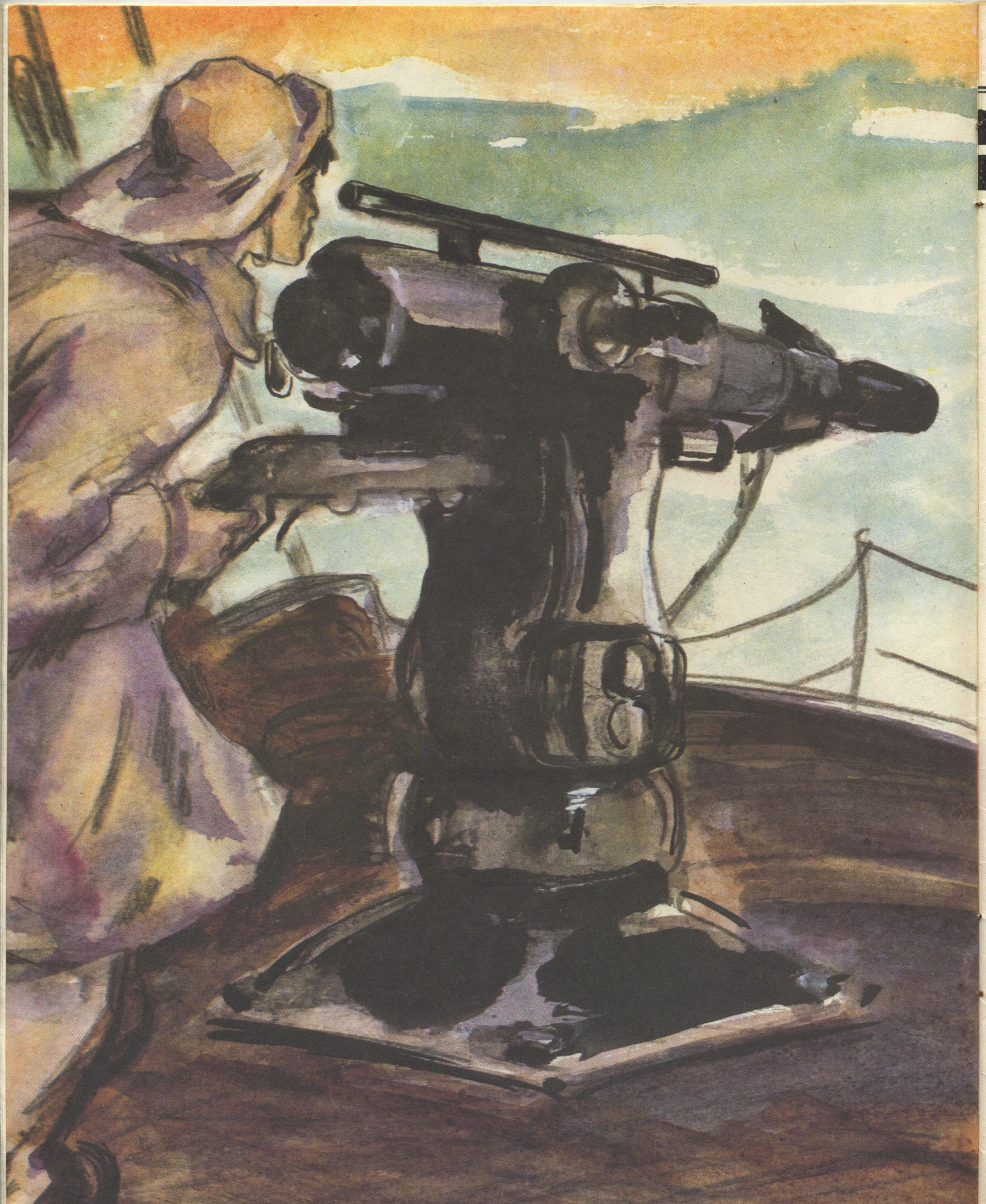
Читатели «Костра» могут прислать свои произведения в Ленинград до 15 августа 1969 года на адрес «Костра», а редакция перешлет их в Будапешт, в **СИМЕА**.

В ноябре 1969 года жюри конкурса отберет самые интересные работы и присудит три премии, призы и дипломы.

Присылайте свои произведения на конкурс!

МАРКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДНЮ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ГАРПУНЕР

Рассказ

Юрий Леушев

Рисунки Н. Кустоза

С вечера Алексей Дурандин, помощник гарпунера, решил заготовить побольше зарядов к пушке и направился в промысловый трюм, где находилась крюйт-камера.

Заряды для гарпунной пушки — что патроны к охотничьему ружью. Такая же латунная гильза с порохом, пыжами, капсюлем. Только величиной с большую консервную банку. И дроби в нее не насыпают. Если, говорят, слону ни почем дробина — киту и подавно. Морского исполина бьют тяжелым гарпуном, к концу которого привинчивается граната...

Алексей открыл дверь в тамбур промыслового трюма и опешил. В полумраке, отчаянно крича и хлопая крыльями, металась птица. Тучи пуха висели в воздухе. «Что за чертовщина...» — прошептал он и выскочил на палубу. Десятки птиц, белых с черными крапинками, словно обрызганных тушью, сновали по стальным листам палубы. Капские голуби! Видно, эти южноафриканские птицы заблудились в снежном вихре над океаном — и забросило их на судно. Бедняги!

Птицы махали крыльями, перебирали лапками, старались подняться. Но легко взлетать они умели только с воды.

Тихонько приговаривая «кыш-кыш-кыш», Дурандин стал кидать голубей за борт. Почувствовав себя в родной стихии, они радостно взмывали в небо.

Алексей не кончал специальных гарпунерских курсов. Не плавал на «академии» — учебном китобойце, где опытные стрелки готовили себе смену.

Он еще служил в армии, когда прочитал в газете объявление, что в китобойную флотилию требуются повара.

— Вот, — сказал он, — демобилизуюсь и пойду ловить китов.

— Давай, будешь китобоям кашу варить, — смеивались товарищи. — Говорят, там деньги гребут лопатой...

Мысль о дальних плаваниях и неведомых странах крепко запала ему в голову. И в первый же день своей гражданской жизни он отправился в отдел кадров китобойной флотилии.

— Профессия? — спросил его инспектор. — Кок?

— Чего? — не понял Алексей.

— Ну, повар, спрашиваю?

— Повар. Всю службу на походной кухне проехал.

— Проехал, говоришь, — усмехнулся инспектор. — А цыпленка табака приготовишь? Или, скажем, шашлычок с жареными помидорами?.. Нам, брат, нужны квалифицированные повара, а не кашевары.

— Возьмите хоть кем-нибудь, — растерянно проговорил Дурандин.

— Кем же я тебя возьму? На море нужны специалисты... Впрочем, вот, на «Привередливый» нужен уборщик.

Алексей с надеждой смотрел на инспектора.

— Ладно, давай документы, — сказал тот.

...На китобойце Алексею все было в диковинку.

— Батя! — окликал он пожилого матроса Мазура. — Что это за тумба?

— Шпиль. Якорь им выбирают. Убитых китов, опять же, к борту подтягивают.

— А здоровы рыбины-то?

— Сам ты рыбина! Кит натуральное животное. Легкие имеет. А потому на поверхность всплывает и дышит, фонтаны пускает. По этим фонтанам и засекают его... Бывают здоровые, метров до тридцати.

— А кто у нас гарпунер? Худощавый такой, в фуражке?

— Да нет, то капитан. Гарпунера у нас

пока нет. Он в отпуске и в рейс не пойдет. — И, помолчав, добавил: — Кто его знает, кого теперь пришлют...

Дурандин стоял на вахте у трапа, когда на причале возле «Привередливого» появился плотно сбитый человек в синем габардиновом плаще. Остановился, выплюнул изо рта сигарету и тупым носком ботинка тщательно раздавил окурок. Затем быстро взбежал по трапу.

— Вы к кому? — спросил Дурандин.

— Сам к себе, — ответил незнакомец и, в свою очередь, задал вопрос: — Кэп дома? — и кивнул на мостик, где помещалась капитанская каюта.

— У себя, — ответил подошедший штурман Цветков. — А вы, наверно, новый гарпунер?

— Угадали... Двадцать лет в дальневосточной китобойке протабанил, а теперь решил на запад податься, поглядеть, чем вы тут, в Европах, дышите. Ну, что ж, давайте знакомиться — Грибов.

Первый кит! Как увлекательный фильм, спешат китобойи посмотреть первую охоту. И когда после долгого молчания зазвенел на «Привередливом» колокол громкого боя, команда заволновалась.

— Киты!

— Ну, посмотрим, что у нас за гарпунер!

Люди устремились на мостик. Каждый торопился занять место повыше, поудобнее.

— Кашалот, — всматриваясь в волны, сказал матрос Мазур, — когда занывивал — сильно изогнулся.

— И фонтан был наклонный, — подтвердил Цветков. — Не то что у блювала, высокий и прямой, как пальма.

— Один какой-то жалкий кашалот, а шуму сколько! — разочарованно произнес электрик Квасов.

— Лучше один кит в кармане, чем десять в океане, — резонно заметил Мазур. — С кашалотом возни меньше. Под водой сидит долго, зато потом лежит на воде, как бревно, отдувается. Подходи и бей.

Кашалот, действительно, лежал на воде неподвижно.

— Малый ход! — скомандовал Грибов.

— Стоп!

Судно по инерции продолжало двигаться вперед. Гарпунер прицелился. Сейчас прогремит выстрел. Вдруг кит перекувырнулся и свечой ушел под воду.

— Вот тебе и бревно, — ехидно сказал Квасов. — Подходи и бери.

Кит появлялся в самых неожиданных ме-

стах. Не подпускал на выстрел. Иногда, наоборот, всплывал совсем близко, но не успевал гарпунер развернуть пушку, как кит снова исчезал под водой.

В душе Грибов уже ругал себя, что не бросил этого кита в самом начале охоты. Восемь часов гонялся за ним и все без толку. Грибов понял, что нарвался на «профессора», старый кит, видно, не раз на собственной шкуре испытал, чем грозит ему встреча с китобойцем. С такими гарпунеры обычно и не связываются. Но Грибов решил не отступать. Что подумают о нем китобойи, если он не возьмет кашалота? Гарпунер внимательно осматривал поверхность океана. Кит не появлялся.

— Утонул! — смеялись на мостике.

— Со страху. Как же такого героя не испугаться!

— Пропали мы, братцы! Если он с кашалотом целый день возится, что же будет, если попадутся быстроходные финвалы или сейвалы?

— Постой-ка здесь, посмотри, — попросил Грибов Алексея. — Если вынырнет, следи, куда пойдет. А я пойду разомнусь немного. Затекли руки-ноги.

Гарпунер ушел. Алексей приблизился к пушке, с опаской посмотрел на торчавший из ствола гарпун. Впереди пенились гребни волн. «Как же среди них заметить фонтан?..» — подумал он. И вдруг перед самым форштевнем вынырнул кашалот. Это был в самом деле какой-то ненормальный кит. Он высунулся из воды и короткими лапами хлопал себя по блестящим бокам. Будто смеялся.

Алексей вцепился в рукоятку пушки. В этот момент китобоец качнуло и растерявшийся Алексей нажал спусковой крючок.

И, конечно, промазал.

— Ну, Дурандин, — захохотали на мостике, — во дает!

«Как давно это было...» — думал Дурандин, медленно бредя по палубе. Уже третий рейс в Антарктику он идет помощником гарпунера...

Вторую неделю молчали гарпунные пушки. Едкой сыпью ржавчины покрывались бока гарпунов, томившихся в пирамидах.

Дни и ночи, светлые и прозрачные полярные ночи, стрекочут над океаном вертолеты. За сотни миль от китобазы разбежались в разные стороны суда-разведчики, рыщут среди волн, высматривая фонтаны.

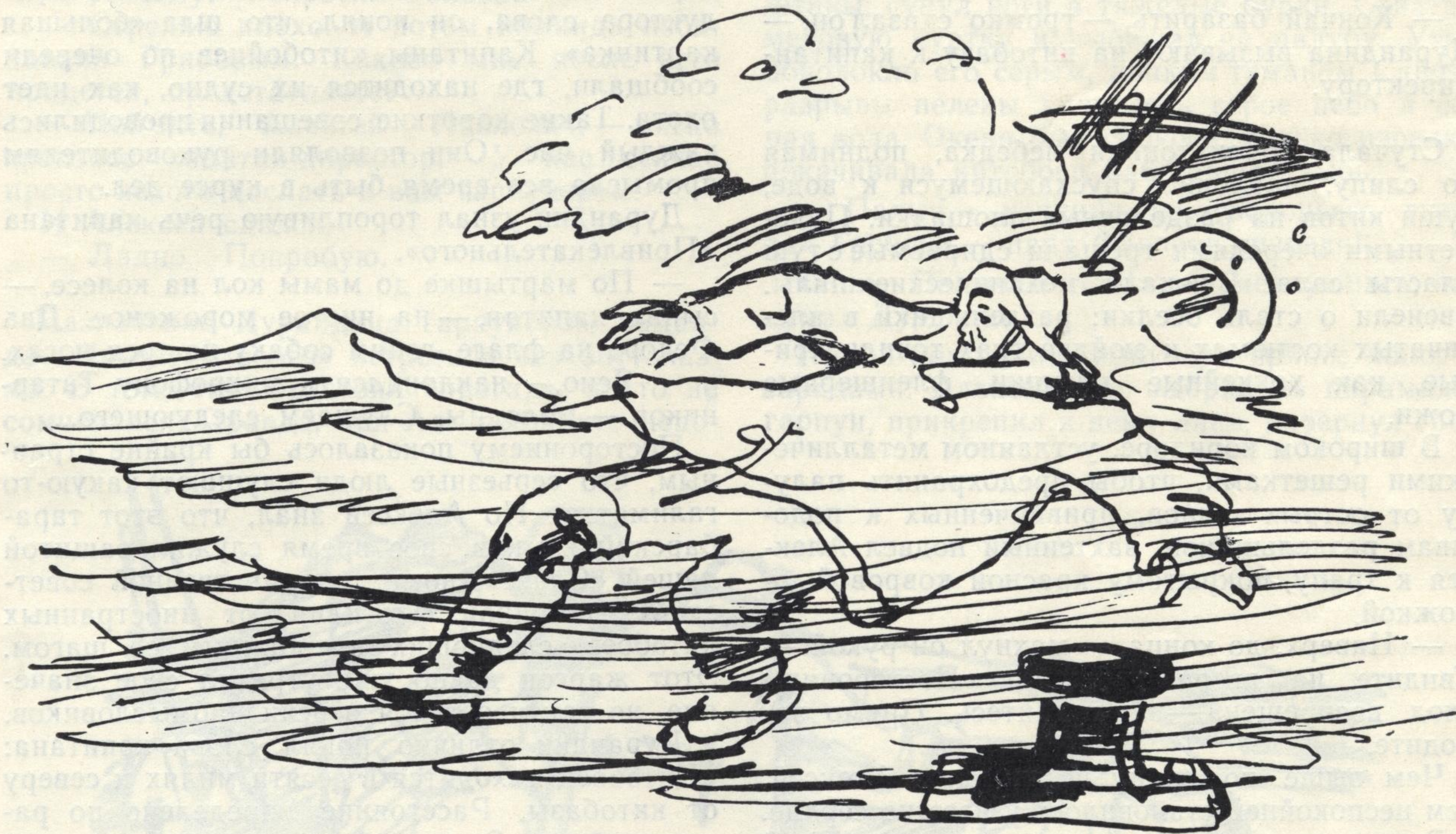
Радисты разведчиков выстукивали на базу сообщения: «Прошли за сутки двести миль зпт китов не обнаружили...»

От безделья команда «Привередливого» упала духом, но тут заметил Грибов на карте маленькую баночку. Китобоец проходил совсем близко от нее. Обрадовался Грибов. Знал он, что на баночках всегда кальмары водятся. Течение выносит из глубин рыбешку, от быстрой смены давлений она словно чумеет — вроде кессонной болезнью заболевает, а кальмару только это и нужно: тут он

Гарпунер напряг зрение и метрах в двадцати, в воде, увидел, а скорей угадал, приближавшееся к поверхности темное пятно. Он быстро развернул пушку. Спина кита мелькнула в прорези прицела, палец потянул спусковой крючок. В этот миг истошно завопил Греблев:

— Полундра!

В пылу погони никто не заметил, как ог-

ее и цап-царап! А где кальмары пасутся, там и кашалотов ищи. Самое желанное лакомство для кашалота — кальмар...

Чутье не обмануло Грибова. Только приблизились к отмели, марсовый матрос кричит из «вороньего гнезда»:

— Слева две свечки!

Первого кашалота Грибов взял сразу. Убитого хищника толстыми цепями крепко привязали к борту. А второй, напуганный выстрелами, целый день водил гарпунера за нос.

— Брось его! — дружно кричали дежурившие на мостике наблюдатели. — По радио сообщили: «Приветливый» наткнулся на стадо финвалов. Надо быстрее к нему, не то останемся на бобах!

— Ладно, — махнул рукой гарпунер. — Последний заход!

— Выходит! Справа, чуть по носу выходит! — вдруг закричал марсовый.

ромный водяной вал накатился на китобоец. От сильного удара судно вздрогнуло.

Отвесив гулкую пощечину, волна встала на дыбы и всей тяжестью обрушилась на бак.

Толпившиеся на мостике люди не услышали выстрела. Они не видели, как гарпун, прошив водяную завесу, настиг кита. Ледяной поток сбил Грибова с ног и с размаху швырнул на чугунную тумбу шпиля...

С тяжелыми ушибами и сломанным бедром Грибова отправили в госпиталь на китобазу. «Привередливый» остался без гарпунера. Он покачивался возле базы на океанской зыби.

Нет ничего хуже для китобоев, чем вынужденное безделье. Охота на китов — тяжелый, изматывающий труд, но без этого всепоглощающего труда человеку в Антарктике не осилить ни долгой разлуки с близкими, ни унылого плеска волн.

— Переведут нас в буксировщики, не иначе, — вздыхал Квасов. — Кто-то будет бить китов, а мы — знай таскай на базу чужое добро.

До сих пор утрату гарпунера каждый переживал в себе. Теперь все загалдели, перебивая друг друга:

— За кашалотом погнались и гарпунера проворонили!

В дверях надстройки появился штурман Цветков.

— Кончай базарить, — громко сказал он. — Дурандина вызывают на китобазу к капитан-директору.

Стучала сорокатонная лебедка, поднимая по слипу, наклонно спускающемуся к воде, туши китов на разделочные площадки. Пулеметными очередями трещали сдираемые стусы пласты сала. Визжали механические пилы. Звенели о сталь оселки: разделщики в клеенчатых костюмах и зюйдвестках точили кривые, как хоккейные клюшки, фленшерные ножи.

В широком коридоре, устланном металлическими решетками, чтобы предохранить палубу от острых шипов, привинченных к подошвам разделщиков, вахтенный подвел Алексея к трапу, покрытому красной ковровой дорожкой.

— Наверх, до конца, — махнул он рукой. — Увидите на двери табличку «Посторонним вход воспрещен» — не пугайтесь. Прямо заходите.

Чем выше по трапу поднимался Алексей, тем беспокойней становилось у него на сердце.

Зачем он понадобился капитан-директору? Чтобы похвалить, начальство обычно к себе не вызывает. Да и за что его хвалить?.. Тогда — в чем провинился? Алексей перебирал в голове события последних дней. А может, для расследования несчастного случая с Грибовым? Чего там расследовать! И так все ясно.

Наконец, Дурандин очутился перед темной полированной дверью. Постучал и вошел.

Просторная каюта была уставлена множеством радиоаппаратов. За столом, возле приемника, сидел капитан-дублер Татарников и что-то сосредоточенно записывал в толстый журнал. Рядом с Татарниковым — капитан-директор Головин, его Дурандин не сразу узнал. Раньше видел Головина только издали, — в президиумах торжественных собраний, которые устраивались в городском театре после возвращения флотилии. Сейчас, разглядывая усталое лицо Головина, изрезанное глубокими складками, Алексей невольно по-

думал: «Несладко, наверно, приходится старику, за все он в ответе».

Капитан-директор жестом указал Дурандину на широкий кожаный диван. Стоявший за спиной Головина секретарь парткома Трубов внимательно посмотрел на помощника гарпунера и кивком головы поздоровался с ним.

Алексей сел. По тому особому вниманию, с каким капитан-директор, дублер и секретарь парткома слушали вылетающие из репродуктора слова, он понял, что шла «большая картинка». Капитаны китобойцев по очереди сообщали, где находится их судно, как идет охота. Такие короткие совещания проводились каждый час. Они позволяли руководителям промысла все время быть в курсе дел.

Дурандин узнал торопливую речь капитана «Привлекательного».

— По мартышке до мамы кол на колесе, — сыпал капитан, — на чистое мороженое. Два Федора на флаге, гоним собаку на трех ногах.

— Ясно, — наклонился к микрофону Татарников, — молодцы. Слушаем следующего...

Постороннему показалось бы крайне странным, что серьезные люди слушают какую-то галиматью. Но Алексей знал, что этот тарбарский язык в свое время служил защитой нашей «Славе», когда-то единственной советской китобойной флотилии, от иностранных китобоев, следивших за каждым ее шагом. Этот жаргон давно уже утратил свое значение, но так и остался в речи промысловиков.

Дурандин отлично понял слова капитана: «Китобоец находится в десяти милях к северу от китобазы. Расстояние определено по радиолокатору. За час убиты два финвала, в их туши, чтобы не потерялись, воткнуты бамбуковые шести с флагами и радиобуями. Сейчас китобоец на трех двигателях преследует сейвала».

Головин повернулся к Алексею.

— Алексей Павлович...

Дурандин встал.

— Сидите, сидите. — остановил его капитан-директор. — Мы вызвали вас вот зачем... — Он сделал паузу. — Есть решение промыслового совета назначить вас гарпунером на «Привередливый».

— Капитан отозвался о вас весьма положительно, — вставил Трубов.

— И знаете, кто особенно настаивал на этом? Федор Савельевич Грибов, — подчеркнул Татарников.

— Думаю, с вашей стороны возражений не будет, — улыбнулся Головин. — Приказ уже готов. Остается только пожелать ни пуха ни пера.

Дурандин не отвечал. Он ожидал всего чего угодно: разноса, перевода на другой китобоец... А тут — ему предлагают стать гарпунером! Радость захлестнула Алексея.

Но в следующий момент ему стало страшно. Ведь гарпунер в первую очередь должен отлично стрелять...

— Нет, — он замотал головой. — Гарпунером я не могу.

— Почему? — спросил Головин.

— Стреляю плохо. А потом команда избалована Грибовым. Каково мне после него придется, представляете?

— Поймите, Алексей Павлович, — мягко произнес капитан-директор. — У нас сейчас просто некого послать к вам гарпунером.

И Алексей сдался.

— Ладно... Попробую.

Назначение Дурандина гарпунером команда «Привередливого» встретила без энтузиазма. В том, что предстоял «прогар», никто не сомневался. Правда, при Алексее никто недо-

Алексей представил, как будет там завтра тесно от болельщиков, и почувствовал на себе настороженный взгляд десятков глаз...

Чуть свет разбудил его колокол громкого боя. «Нашли китов, сейчас начнут гонять», — подумал он. И вдруг ему сделалось жарко. Ведь охотиться сегодня должен он сам. Он совсем забыл, что он — гарпунер!

Алексей быстро вскочил, натянул меховые штаны, сунул ноги в тяжелые бурки. Схватил меховую куртку и выбежал на палубу. Утро обволокло его серым, липким туманом. Сквозь разрывы пелены виднелось серое небо и серая вода. Океан был спокоен, только изредка покачивала китобоец набегавшая зыбь.

— Палыч, — крикнул из «вороньего гнезда» Греблев, — пара Федоров спереди!

«Ишь, Палычем стал!» — усмехнувшись, подумал Дурандин.

Новый помощник гарпунера принес ящик с зарядами. Алексей сам выбрал из пирамиды гарпун, прикрепил к нему линь, навернул гра-

вольства не показывал. Но было видно: люди переживали. И когда матрос Мазур сказал, что, дескать, не боги горшки обжигают, и Грибов тоже когда-то был помощником, боцман тяжело вздохнул, а электрик Карабасо печально заметил:

— Разве у нас учебное судно? У нас совсем не учебное судно.

Тем не менее каждый спешил пожать Алексею руку, поздравить его. Дурандин смущенно улыбался. С опаской посматривал на мостик. Сейчас там было пусто.

Потом осторожно положил гарпун на палубу. Потянул рукоятку затвора. Закрывающий казенную часть клин поднялся.

Дурандин заглянул в ствол — вдалеке серел кружок океанской зыби. Он приподнял ствол и увидел два высоких фонтана. Сердце Алексея бешено забилося. Он загнал в ствол гарпун, вставил гильзу.

Китобоец догонял финвалов. Киты выпускали по несколько фонтанов и скрывались под водой. Через шесть-восемь минут снова вздымались над водой прозрачные струи.

— Приготовиться, сейчас будут выходить, — предупредил Греблев. Сверху ему хорошо были видны киты.

Алексей судорожно вцепился в рукоятку пушки. Смотрел и соображал, где киты вынырнут.

— Малый ход, — донеслось до его слуха. Скомандовал Греблев. Алексей сам должен был сделать это, но сейчас он чувствовал себя, словно человек, впервые севший за руль машины.

— Выходит, выходит! — закричали на мостике.

Тяжело отдуваясь, финвалы всплыли на поверхность.

— Ну, ну, давай! — громко советовали с мостика.

Киты были совсем близко. Казалось, китобоец сейчас врежется в их вороненные спины. — Бей же!

В прорезь прицела он хорошо видел черносинюю спину финвала. Но едва палец коснулся спускового крючка, Алексей зажмурился: «А что, если промахнусь?».

Нахватав воздуха, киты скрылись. Алексей замер, боясь обернуться. Он сгорал от стыда. «Идиот, — ругал он себя. — Проворонил!»

— Приготовиться! — крикнул Греблев.

Киты снова вышли перед китобойцем. И снова боязнь промаха удержала нового гарпунера от выстрела.

Наступил вечер. Из установленного на мостике динамика неслись оживленные голоса. На других китобойцах начали собирать убитых китов. Алексей так и не выстрелил.

На следующий день китобои во главе с капитаном уговаривали его:

— Черт с ним, мажь, только пали! Привыкай к выстрелу.

Дурандин растерянно пожимал плечами и... не стрелял.

Вечером он взял у артельщика два пустых ящика. Притащил их на бак. Один ящик бросил в воду. Подождал, пока его на полсотни метров отнесло от борта. Зарядил пушку. Приложился. Зажмурился. Бах! — ящик в щепки.

Взбудораженные неожиданным выстрелом, на палубу высыпали моряки.

— Ну вот, а ты боялся! — радостно пропел Цветков.

— Я же говорил, не боги горшки обжигают, — повторял каждому по очереди матрос Мазур.

Алексей бросил за борт второй ящик. Выстрел. Снова брызнули осколки дерева.

А на следующий день все началось сначала... Ряды наблюдателей заметно поредели. Ка-

кой интерес искать китов, когда он все равно не стреляет.

— Дурак я, не пошел в отпуск, жинка так уговаривала, — причитал кто-то.

— Разве здесь учебное судно, да? Это не учебное судно, — мрачно повторял электрик Карабасо.

Назавтра Дурандин не пошел к пушке. Осунившийся и заросший, валялся он на койке, устремив на переборку неподвижный взгляд.

Штурман китобазы вышел на крыло мостика. Он хотел запеленговать айсберг, который, как ему казалось, пересекал курс флагмана. Штурман насвистывал под нос веселую песенку. И вдруг смолк. Возле самого борта китобазы плавал кашалот.

— Анатолий Викентьевич! — закричал он в дверь промысловой рубки. — Смотри, какой здоровяк кувыркается под бортом.

Татарников вышел на палубу. Окинул кита взглядом — тонн сорок верных. «Но кто его возьмет?» — подумал он, вглядываясь в даль. Поблизости был только «Привередливый».

Татарников, сам в прошлом плававший и капитаном китобойца, и гарпунером, разволновался. Быстро прошел в радиорубку и взял микрофон.

— «Привередливый», я «Чайка» — приказываю подойти к нашему борту и забрать кашалота. Как поняли, подтвердите....

Капитан Фомин вошел в каюту гарпунера. Дурандин не пошевелился. Фомин взял его за плечи.

— Никуда не пойду... Не буду! Снимайте, отправляйте на берег... Больше и в рейс не пойду...

Капитан резким движением сбросил его с койки.

— Ну-ка, встать, живо! — свирепая, закричал он. — И марш на бак!

— Перед всей флотилией хотите опозорить...

— Хватит болтать! — Фомин поднял валяющуюся куртку и сунул Алексею. — Иди, готовь пушку. Не хочешь стрелять, — сам буду. Это приказ с базы, понимаешь?

Опустив голову, пряча глаза, Дурандин по переходному мостику прошел на бак. Застучали двигатели. Из трубы, словно из пасти курильщика-гиганта, вылетели сизые кольца дыма.

Слух об охоте пронесся по базе. Бросив работу, столпились у борта разделяшки. Выползли из нутра громадного судна серые роботы-жироваров, машинистов, электриков. Алексей

взглянул на них с неприязнью: «Тоже, нашли театр».

«Привередливый» медленно приближался к кашалоту. Кит отдыхал. Словно ленивый купальщик, он медленно погружался в воду, потом, едва шевельнув лапами, всплывал и, не обращая внимания на китобоев, выпускал фонтаны.

Капитан Фомин застопорил ход. Он сам сейчас управлял судном. До кита оставалось метров сто. Капитан с беспокойством посмотрел на гарпунера.

Алексей стоял ни жив ни мертв. Из-под шапки за ворот стекали холодные струйки пота.

Тишина стояла на мостике. Плотные ряды зрителей не шевелились.

Кашалот всплывал. На воде появился бурн. Это кит начал выдох под водой. Затем мощная струя воздуха вырвалась из его легких, увлекая за собой воду и распыляя ее на мелкие брызги. Взметнулся фонтан... Послы-

шалось фырканье, и показалась квадратная голова...

«Стреляй, стреляй, ну же!..» — приказал себе Алексей.

Он направил ствол на кашалота. И нажал спуск.

Выстрел оглушил его. Очнулся он от грома аплодисментов.

— Наповал! — орали с базы.

Усилием воли Алексей заставил себя расцепить веки, и первое, что ему бросилось в глаза, был линь, натянутый, как струна. Попал!..

Ночью он снова и снова переживал свою первую удачу. С фотографической точностью перед ним вставали мельчайшие детали. Вот мушка наплывает на аспидный бок кита. Оранжевым пламенем вспыхивает выстрел. Тонкой струйкой дыма разматывается линь...

Вдруг Алексей вскочил. Он же все это видел! Он зажмурился после выстрела! Значит, он будет гарпунером!

Кудрат Хикмат

СТУПЕНИ

Куда ведут ступени?
Шагай-ка по ступеням,
Не торопись, степенно,
Взбирайся постепенно.
Еще, еще немного...
Путь кончен. Оглянись:
Трудна была дорога,
Зато — какая высь!

Талиб Юлдаш

„ДА“ И „ЛАДНО“

«Да» и «ладно» хоть похожи,
Вовсе не одно и то же.
Вместо «да» бормочешь «ладно»,
Словно бы тебе досадно.
Разве с «ладно»ладишь дело?
Отвечал бы лучше смело,
Дал бы нам прямой ответ!
Говори же, «да» иль «нет»?

*Перевод с узбекского
Зои Тумановой*

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

«Хочу стать военным моряком», — пишет Алексей Соловьев из Воронежской области. «Мечтаю стать моряком, хочу, чтобы в журнале напечатали рассказ адмирала флота», — уточняет Толя Косарев из Уфы. «Познакомьте меня с отважным капитаном», — просит Марат Каюмов из Свердловской области.

«Как становятся моряком», «Как проходит детство капитана», — письма с такими вопросами получает «Костер». Даже от тех ребят, которые живут в самых что ни на есть сухопутных местах.

Вице-адмирал Николай Константинович Смирнов прочел эти письма. Вот что он ответил нашему корреспонденту Борису Грищенко на вопрос:

— ВЕРНО ЛИ, ЧТО МОРЯКОМ МОЖНО СТАТЬ ТОЛЬКО РОДИВШИСЬ У МОРЯ?

Член Военного Совета Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирал Н. К. Смирнов беседует с морскими снайперами

— Я родился на Вологодчине, в деревне Филино. Не бывали там? Значит, и тамошней речки не видели. На карте ее не сыщешь. Просто ручеек да два-три глубоких омута — вот и вся «морская стихия» моего детства. А оно было нелегкое. Года три ходил в деревенскую школу, потом бросил, пришлось помогать матери. Семья была большая, нехваток — по горло... Отец постоянно батрачил.

Не исполнилось мне и двенадцати — уехал в Петроград, в поисках работы.

Работу найти здесь оказалось потруднее, чем в родной деревне. Еле-еле устроился сторожем при частных бухгалтерских курсах. Проработал с год и понял: надо знать ремесло, без этого пропадешь. Пошел учиться на закройщика; опять не повезло: закрылась мастерская. Вернулся домой, как говорится, не солоно хлебавши...

Моя трудовая биография разнообразна. Кем я только не был! Молотобойцем, кузнецом, слесарем. А мое первое свидание с морем произошло позже, уже в Красном Питере. В нашей глухой вологодской деревне стало известно, что комсомол взял шефство над Красным Военно-Морским Флотом. И мы, человек десять моих односельчан, тут же заявили о своем желании служить на кораблях Балтики...

Помню, провожать нас вышла вся комсомолия. Морозы стояли крепкие, но они не устроили наш самодеятельный оркестр. Проводы были с музыкой! Часа три проплясали мы на занесенных снегом рельсах: поезд здорово опаздывал.

— Ребята, а может, среди вас — будущий адмирал? — с этим шутивным напутствием поезд тронулся.

В Кронштадт прибыли рано утром. Думали, будем учиться вместе, но не вышло: одних направили изучать корабельные машины, других — минное дело, а меня — в артиллерию.

После артиллерийских курсов я заочно выдержал экзамены в Военно-политическую академию имени Ленина.

...Над письменным столом адмирала висит фотография — «Катера в атаке». Память первого военного лета. В самом

начале Великой Отечественной войны Николай Константинович Смирнов был назначен членом Военного Совета Краснознаменного Балтийского Флота.

Когда фашисты подобрались к Таллину, надо было немедленно вывести из этого порта несколько десятков наших боевых кораблей. Фашисты заявили во всеуслышание: залив превращен в минное поле, кораблям не вырваться из окружения...

Николай Константинович до сих пор помнит, как вздрагивала палуба крейсера «Киров», когда корабль отбивал налеты вражеских бомбардировщиков, атаки вражеских торпедных катеров.

Несколько часов продолжался бой. Моряки отважно вели себя, эскадра прорвалась к родным берегам.

— Тот, кто мечтает о флотской службе, — заметил адмирал, — должен с детства готовить себя к трудностям, закалять физически.

— **Что, по-вашему, самое ценное в характере моряка!**

— Мне вспоминается один боевой эпизод, который может служить ответом на этот вопрос. В том же сорок первом с подводником Николаем Никишиным случилась беда. Его лодка, возвращаясь с задания, нарвалась на мину и стала тонуть. В живых осталось несколько моряков. Отрезанные друг от друга, они оказались замурованы в отсеках. Перестукиваться, чтобы ни на минуту не терять друг друга! Дало знать себя старое флотское правило: прежде всего товарищество. Толстые стальные переборки разъединили людей, час шел за часом... Сдаться, не сопротивляться? Это не в характере советских людей.

«Выберемся через торпедные аппараты», — решили смельчаки и «пустили море» в свою лодку. Слово живые торпеды, их сразу же вынесло на поверхность. До ближайшей базы несколько миль. «Держитесь за спасательный буй», — командовал Никишин товарищам и поплыл.

Когда — по счастливой случайности — свои подобрали обессилевшего моряка, он, теряя сознание, назвал квадрат, в котором затонула лодка. Подводников спасли.

Никишин рассказывал мне, что были моменты, когда казалось, не сделаешь ни гребка. Ледяная вода мертвила, дыхания не хватало. Еще гребок, еще метр... Хоть бы последний!

Подвиг? Конечно.

А знание техники? В эпизоде с «живыми торпедами» проявилось отличное знание техники: выбраться через торпедные аппараты из затонувшей лодки возможно только при отличном знании техники. Риск оправдал себя. И самое главное — Никишин плыл, думая прежде всего о товарищах, мечтая спасти их.

В мирной жизни мы называем это закалкой, выносливостью, силой. Проплыть несколько сотен метров летом, даже в теплом море, дело нелегкое. А бороться со штормовой Балтикой и победить может только волевой человек.

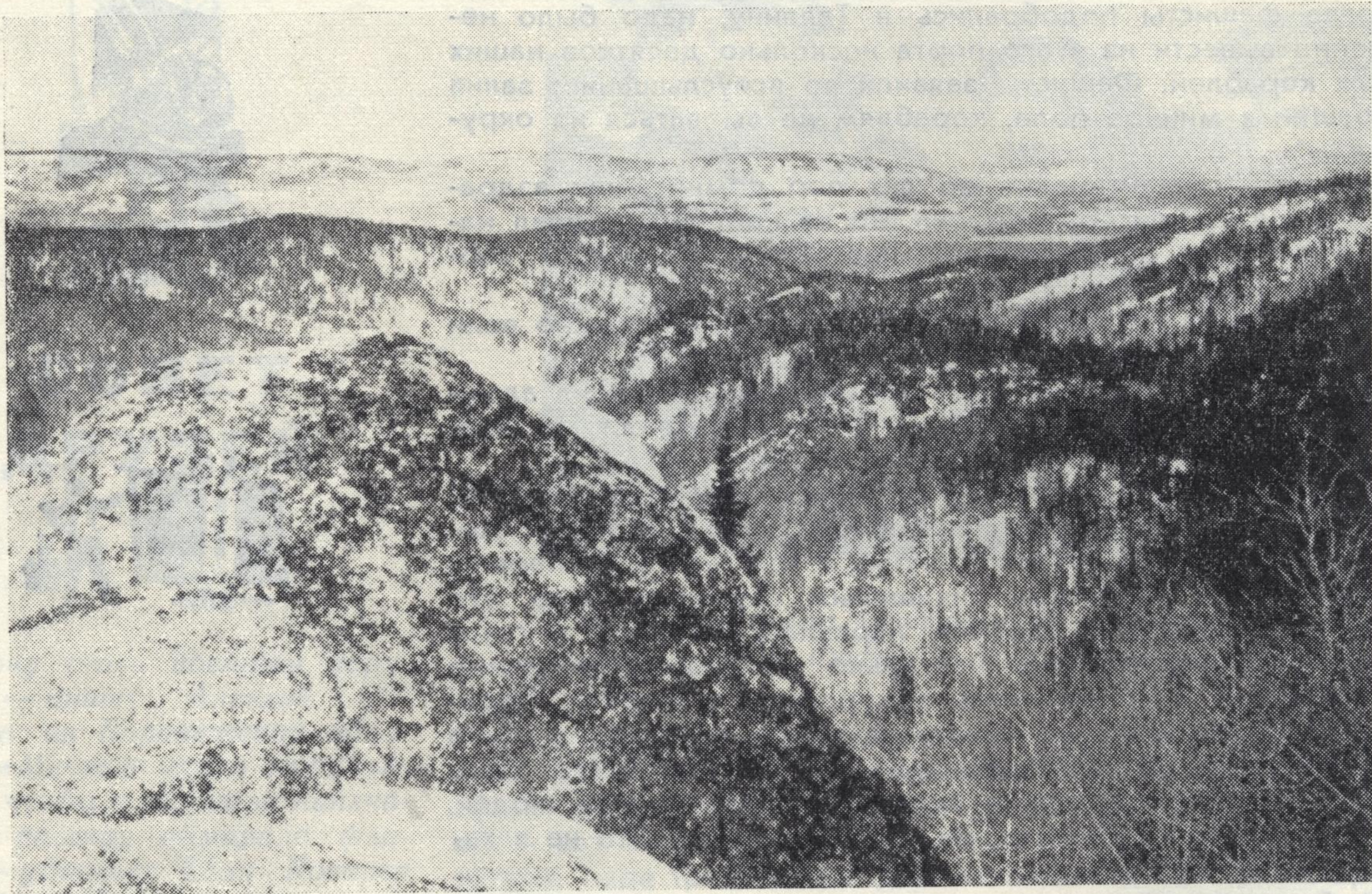

Юбятта!

Кто из вас решил стать военным моряком, тот и будет для этого надо хорошо учиться и очень захотеть понасть на долот.

Младше лейтенант

Вице-адмирал Оливер

В окрестностях Шушенского

Фото Г. Хорошайлова

МАЛЬЧИК И ЖАР-ПТИЦА

ПОВЕСТЬ

Владимир Канисец

Рисунки В. Бескаравайного

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!

Ох и обрадовался же Владимир Ильич, увидя в окно, что к избе на возу подъехал Глеб. Рядом с ним сидел Оскар, который его и привез. Владимир Ильич рывком отбросил ручку, даже не заметил, что она покатилась по столу и упала на пол. Выбежал из дома так быстро, что дядя Глеб не успел с воза слезть. Обнял его, расцеловал. Миня, глядя на эту встречу в окно (бабушка Елизавета не пустила его раздетого на улицу), даже позавидовал дяде Глебу, что Владимир Ильич так его любит. Радостно смеясь, они говорили о чем-то. А в избу вошли, взявшись за руки и во весь голос распевая песню, которую Миня уже не раз слышал:

*Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут!*

*Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.*

*На бой кровавый, святой и правый.
Марш, марш вперед, рабочий народ...*

— Елизавета Васильевна, рекомендую вам автора этой прекрасной песни: Глеб Максимилианович Кржижановский!

— Все правда, кроме одного: не автор, а только переводчик, — заметил Глеб. — Здравствуйте, Елизавета Васильевна! Здравствуйте, Надежда Константиновна!..

— А почему не просто Надя? — пожимая руку дяде Глебу, спросила она с улыбкой. — Рассказывайте, как здоровье вашей мамы.

Володя, вернувшись из Красноярска, говорил, будто доктора признали у нее какую-то серьезную болезнь...

— Да, с мамой дела плохи. Боюсь, что придется отправлять ее в Петербург или в Москву. Местные врачи бессильны...

— Надя, дай же Глебу Максимилиановичу хоть раздеться! — с укором сказала бабушка Елизавета.

— Да, да, — спохватился Владимир Ильич. — Давай, Глеб, тулуп, шапку. Паша, принсите воды! Нет, нет, не теплой, холодной. Помнишь, как я тебя закалял в прошлом году, когда ты ко мне приезжал? И сейчас я тебе потакать не буду. Умываться только холодной водой, вставать в седьмом часу.

— А может быть, пораньше? — спросил Глеб Максимилианович, подхватывая шутку.

— С радостью удовлетворяю твою просьбу, — сказал Владимир Ильич. — Ведь работы у тебя до черта: прочитать несколько глав моих «рынков».

— Книга уже закончена?

— Вчерне — да. А начисто успел переписать только две главы. Затем — настрелять дичи...

— И себе, и нам, — вставила тетя Надя. — А то наши охотники последнее время что-то совсем обленились...

— Владимир Ильич, я схожу домой, — сказал Оскар, внося вещи Глеба в комнату. — Переоденусь и приду...

— Да, да, конечно. И за товарищем Проминским заскочите, ведь Глеб с ним не один месяц в тюремной камере сидел. В честь такого высокого гостя мы сегодня попируем.

— Тем более что я привез чудесное вино, — сказал дядя Глеб. — А это вам, Надя, и вам, Елизавета Васильевна, гостинцы от мамы и Зины.

Пришел Проминский с женой и детьми. А детей у них было немало: три мальчика и две девочки. Старший сын — Леопольд — уже совсем взрослый, а самая маленькая в семье — Зося — на год младше Мини. Жена Проминского все время очень строго наставляла своих детей по-польски. Миня не понимал ни слова, но догадывался, что она не разрешает им бегать и шуметь. И пока ели конфеты, дети сидели тихо и пристойно. Потом, видно, им стало скучно, и они стали проситься домой.

Кончилось тем, что Проминская встала и сказала:

— Дзенькую за миле товажиство...¹.

И они все ушли. Но Проминский вскоре вернулся. Тут и началось самое интересное. Выпили по рюмке вина — за всех друзей по борьбе, — и дядя Глеб запел:

*Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...*

Все подхватили:

*В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.*

Владимир Ильич не только пел, он встал и, притопывая ногой, энергично, в такт песне размахивал руками, будто грозил кому-то. Миня, глядя на Владимира Ильича, тоже размахивал руками и топал ногой. Слов песни он не знал. Когда закончили эту песню, Проминский запел новую. Но на своем, польском, языке. И Миня был очень удивлен, когда все, даже бабушка Елизавета, дружно подхватили ее. И Миня только руками махал да ногой топал. Обидно было: такие хорошие песни, а он не знает ни слова.

Дядя Глеб погостил всего три дня. И почти все время сидел в комнате Владимира Ильича, читал его книгу. Так он говорил, а на самом деле читал не книгу, а бумаги Владимира Ильича. Случалось, они начинали о чем-то спорить, но в комнату бабушки Елизаветы доносился только шум голосов. Бабушка Елизавета настороженно переглядывалась с тетей Надей, говорила:

— Опять сцепились...

— Володя и ждал его, чтоб поспорить, — отвечала тетя Надя. — Пойду и я, послушаю, а вы с Пашей уж сами заканчивайте. Думаю, что Глебу понравятся наши пельмени.

* * *

За то время, пока гостил дядя Глеб, Владимир Ильич всего один раз ходил с ним на охоту. Да и то ничего не убили. И, верно, потому, что они больше говорили о книге Владимира Ильича, чем охотились. Но все равно

они были довольны, потому что разговоры эти, по словам Владимира Ильича, были для него дорожке самой лучшей охоты. А после того как уехал дядя Глеб, Владимир Ильич и вовсе перестал ходить на охоту. И вот почему: переходил он как-то проток Енисея, поскользнулся и упустил ружье. Оно ударилось об лед, и ствол переломился.

— Вот и пропала охота в этом году, — расстроился Владимир Ильич. — И как это я оплошал...

— Не печальтесь, — утешал его Сосипа-тыч, — ружье завсегда найдем. Я и у кума могу взять на денек, и еще кой у кого. Да что об этом говорить: стоит лишь намекнуть, что для вас, — каждый даст.

— Спасибо, Иван Осипович, — ответил Владимир Ильич. — Эту осень уж так перебьюсь, а весной, может быть, куплю себе ружье.

— Слышал я, в Минусинске продается двустволка. Говорят, очень хороша. Нужно как-нибудь посмотреть.

— Очень хорошо, Иван Осипович, что вы мне это сказали. На рождество мы думаем поехать к нашим минусинским друзьям, так я тогда и посмотрю.

Ох уж эта поездка в Минусинск! Как она не нравится Миня, ведь ему все святки придется сидеть одному! Хоть бы бабушка Елизавета осталась дома, так нет же, и ее хотят взять с собой, правда, она не очень-то охотно соглашается ехать туда! Говорит, далеко, мол, и дорога плохая... Но Владимир Ильич уверяет, что зимнюю дорогу нельзя равнять с разбитой весенней, по какой она ехала. По накатанной санной дороге не езда, а развлечение. Бабушка Елизавета лишь вздохнула. Сказала: «Ну, посмотрим, какая погода будет».

И все эти дни Миня молит бога, чтоб морозы ударили лютые и бабушка Елизавета испугалась бы холода, не поехала.

Владимир Ильич уже приколот булавкой к стене бумажку и то и дело записывает туда, что нужно купить в городе. Миня со страхом смотрит на эту бумажку: как только Владимир Ильич ее снимет, так, значит, и поедут... Но проситься с ними напрасно, — если они и согласятся взять его с собой, так мать ни за что не отпустит. Она и так уже его ругает: ты, говорит, совсем к ним жить перешел. Ты бы там и спал, если б я домой не загоняла.

...Вот и сорвал Владимир Ильич бумажку со стены: значит, сегодня поедут. Но, на Минино счастье, ударили морозы, и бабушка Елизавета, боясь простуды, ехать отказалась. Владимир Ильич и тетя Надя отправились без нее. Дом опустел, и Миня слонялся, как не-

¹ Спасибо за компанию... (польск.)

прикаянный. Придет от бабушки Елизаветы домой, посидит немного на печи и, не успев обогреться, опять одевается.

— Куда ты? — спрашивает мать.

— А может, приехали?

— Ак, ман деви! — всплескивает мать руками. — Да они же еще и до места не добрались. Посиди ты дома, хотя бы пока их нет.

— Нет, я пойду, — стоит на своем Миня. — Я лишь сбегаю туда и мигом вернусь.

БОЛЕЗНЬ

Бабушка Елизавета приказывала: не ходи, Миня, на дорогу. И мать за это ругала. Но он по нескольку раз в день бегал посмотреть — не едут ли? И если вдали замечал

— Гм... Если я не ошибаюсь, похоже, что у него воспаление легких. Болезнь очень опасная... Анна Егоровна, не плачьте! Слезами тут не поможете... Болезнь хоть и опасная, но

подводу, то ждал, пританцовывая на морозе и холодном ветру до тех пор, пока не убедится, что это едут не они. Кончились эти походы на Минусинский тракт тем, что он простудился и слег. И когда Владимир Ильич и тетя Надя вернулись, у него был такой жар, что он и не узнал их.

— Все бегал встречать вас, — со слезами на глазах рассказывала мать. — И в бреду вас зовет.

— А почему же за доктором не послали?

— Елизавета Васильевна мне тоже говорила, и деньги давала. Но мы и так у вас в долгу. Да и люди говорят, доктора больно дорого берут.

вылечить ее можно. Я сам болел воспалением легких и знаю. Нужно только немедленно привезти доктора. Я тотчас устрою это дело. А вы сделайте вот что... Впрочем, Надя вам расскажет лучше меня. Она дни и ночи сидела у моей постели, пока я болел. Все, так сказать, на практике изучила. Надя, ты тут помоги, а мы с Петром Яновичем поищем где-нибудь ямщика, чтоб съездить в Ермаковское, за доктором...

Когда Миня пришел в себя, то первое, что он увидел, было склоненное над ним лицо Владимира Ильича. Миня улыбнулся, спросил еле слышно:

— Приехали?

— Приехали, Миня.
— А я высматривал, высматривал, и вот... проспал...

Миня хотел подняться, но не хватило силенок. К нему подошел какой-то незнакомый дядя, взял за руку.

— Ну, что у тебя болит?

— Ничего... Только пить хочется...

— Очень хорошо, — он налил из бутылочки в ложку лекарства. — Вот выпей это и будешь совершенно здоров...

— А разве я болен? — удивился Миня. Ему казалось, что он просто долго спал.

Потом мама раздела Миню, а доктор, приложив холодную трубку к его груди и к своему уху, говорил:

— Дыши. Смелее. Так, хорошо. Повернись теперь спиной. Так. Дыши. Ну, что ж, воспаления легких, кажется, нет. А простудился основательно. Два раза в день пусть пьет микстуру. Хорошо бы дать малинового чая, если есть...

— Достанем! — заверил Владимир Ильич.

— Думаю, что через недельку выздоровеет. Если будет тепло, то на полчаса можно и на улицу выпустить. А если морозы — пусть сидит в избе. Еще раз так простудится, — воспаления легких не миновать. Он у вас не из крепких...

Кому на свете так не везет, как Миня? Наверно, никому. Ждал он Владимира Ильича и тетю Надю, ежедневно ходил на Минусинский тракт, выглядывал их. А приехали — так нет чтобы гулять с ними, надо дома лежать. За окном вьюга воет, хлопает ставнями, и на душе у Мини совсем тошно. Но вот кто-то топает в сенях, бьет веником по валенкам, обметая снег. Бабушка? Тетя Надя? Владимир Ильич приходит в полдень и вечером, когда уж очень устанет писать. Э, нет! Заусайлова черт принес. Не говорит даже «здравствуйте», раздевается, как дома. Отец суетится возле него, помогая стащить здоровенный тулуп, достает бутылку водки. Мать несет грибы, сало, хлеб. Отец стал меньше пить, в этом году они живут не так голодно, как в прошлом. Заусайлов, опрокинув кружку водки, пожевал рыжиков, и строго спросил:

— По каким делам посылал тебя политик в Ермаковское? И правду, правду говори! — стукнул кулаком по столу так, что бутылка подпрыгнула. — Будешь выкручиваться — хуже будет!

— Да вот мой сынок заболел. Ульянов послал меня за доктором в Ермаковское...

— Ха, а где же это ты такими капиталами разжился, что докторов аж из Ермаковского возишь?

— Да я ничего... Он сам все сделал...

— Сам?! И так, значит, за спасибо?

— Ну да... Мальчик у них толчется... Ну, они и...

— Хватит мне зубы заговаривать! — опять грохнул Заусайлов кулаком по столу. — Я точно знаю, ты возил от Ульянова письмо Ермаковским политикам.

— Господин урядник!.. — перепуганно забормотал отец. — Ваше благородие, да я этих политиков ни сном, ни духом... давал только к доктору бумажку...

— А-а, возил, значит, бумажку! — обрадованно выкрикнул Заусайлов. — Ну, Кудум, держись теперь у меня! — тыча кулаком в нос отца, сказал Заусайлов. — Я с тебя за это курьерство три шкуры спущу!

Кто знает, как долго Заусайлов еще грозился бы и стучал кулаком по столу, если бы не вошла тетя Надя. Увидев ее, Заусайлов подхватился с табуретки, единственной в избе, и любезно подставил ее тете Наде. Стоял и улыбался так сладко, что Миня противно было смотреть на него. Тетя Надя обошла табуретку, встала возле Мини. Заусайлов что-то пробормотал, воровато поглядел по углам и стал одеваться. А когда он вышел и отец поплелся за ним, Миня рассказал тете Наде, как Заусайлов грозил отцу. Тетя Надя, хмурясь, выслушала его и сказала:

— Вы, Анна Егоровна, не очень-то волнуйтесь. Урядник Заусайлов не так страшен, как вам кажется.

— Ак, ман деви! — сказала мать. — Я к его угрозам привыкла. Я уж давно ничего не боюсь, кроме одного — не потерять бы мне бедного Микелиса...

— Не плачьте, — успокоила тетя Надя. — Ведь он, смотрите, уже почти выздоровел.

— И за это вам и Владимиру Ильичу большое спасибо. Если б не вы, так его, может, и на свете давно уже не было. Что я только пережила за эти дни...

— Мамулия, пиетик теви!.. — сказал Миня. Он всегда переходил на латышский язык, когда хотел, чтоб мать не возражала ему. — Ес пависам веселс...¹

— Ну, лаби, ладно, — улыбнулась сквозь слезы мать.

— Тетя Надя, расскажите, что вы делали в городе, что вы там видели? Владимир Ильич говорил, что вы и на тройках катались. И даже танцевали под какой-то гитарой...

Тетя Надя рассмеялась:

— Не под гитарой, а под гитару. Один дядя играл на гитаре, а мы танцевали...

¹ Мамуля! Хватит тебе!.. Я совсем здоров.

— А какая она, гитара? Как гармошка?

Долго сидела тетя Надя возле Мини, рассказывала ему, как они гостили в городе. Потом пришла бабушка Елизавета и принесла ему горячих творожников. А за ней появился и Владимир Ильич. Он попросил Миню по-

казать язык. И сказал, что скоро уже позволит ему вылезать из-под тулупа. Миня радостно улыбнулся и принялся уминать творожники. Все же на свете не так грустно жить, как ему еще недавно казалось...

УТКИ ЛЕТЯТ

В середине марта солнце грело уже по-весеннему. На Шуши, поверх льда, все чаще проступали весенние воды. Воробьи купались в лужах. По улицам села с грозным ревом ходили быки и чесали свои широкие лбы о заборы.

Под печкой хозяйка посадила наседку. По утрам наседка испуганно кудахтала и всех будила. Владимир Ильич, улыбаясь, говорил, что пока она не выведет цыплят, придется очень рано вставать. Но это, мол, хорошо: он больше успеет сделать.

Оскар все чаще прибежал и объявлял:

— Утки летят!

За ним являлся Проминский, с тем же:

— Утки летят!

И Миня, увидев ворону, — побежал к Владимиру Ильичу и закричал:

— Утки летят!

— Вижу, что летят, — сказал Владимир Ильич, — но ружья мне до сих пор не прислали. Надо, наверно, телеграммой запросить.

А через несколько дней почтальон привез посылку. Распаковали ее, а там — новенькое ружье. Вечером все охотники собрались посмотреть. Вертели его и так и сяк. Прищурив глаз, смотрели в ствол. И все признали, даже скупой на похвалы Сосипатыч, — что такого ружья в Шушенском никто не видывал. А на следующий день Владимир Ильич с Оскаром и Проминским — Миню тоже взяли с собой — ходили к Енисею и стреляли там в бумажку, приклеенную к дощечке, проверяя, как бьет ружье. И признали, что бьет оно хорошо.

Владимир Ильич сказал, удовлетворенно улыбаясь:

— Ну, утки, теперь держитесь!

И уткам, действительно, круто пришлось этой весной, с каждой охоты Владимир Ильич приносил их столько, что бабушка Елизавета и Паша не успевали их потрошить. Давали Мине по две, а то и по три утки, чтоб отнес матери.

ДЕНЬ ВЕСЕЛЫЙ МАЯ

В этот день Проминский пришел очень рано. Вид у него был праздничный: борода и густые усы подстрижены. Вместо «дзень добры», он, радостно сияя, воскликнул:

— С Первым мая вас!..

— Да здравствует Первое мая! — ответил Владимир Ильич и крепко обнял Проминского.

Проминский всех поздравил с праздником. Тете Наде и бабушке Елизавете поцеловал руку, а Мине — крепко пожал, чего раньше он никогда не делал. Торжественное и радостное настроение передалось всем. Бабушка Елизавета бросилась стол накрывать, а тетя Надя — приодеться.

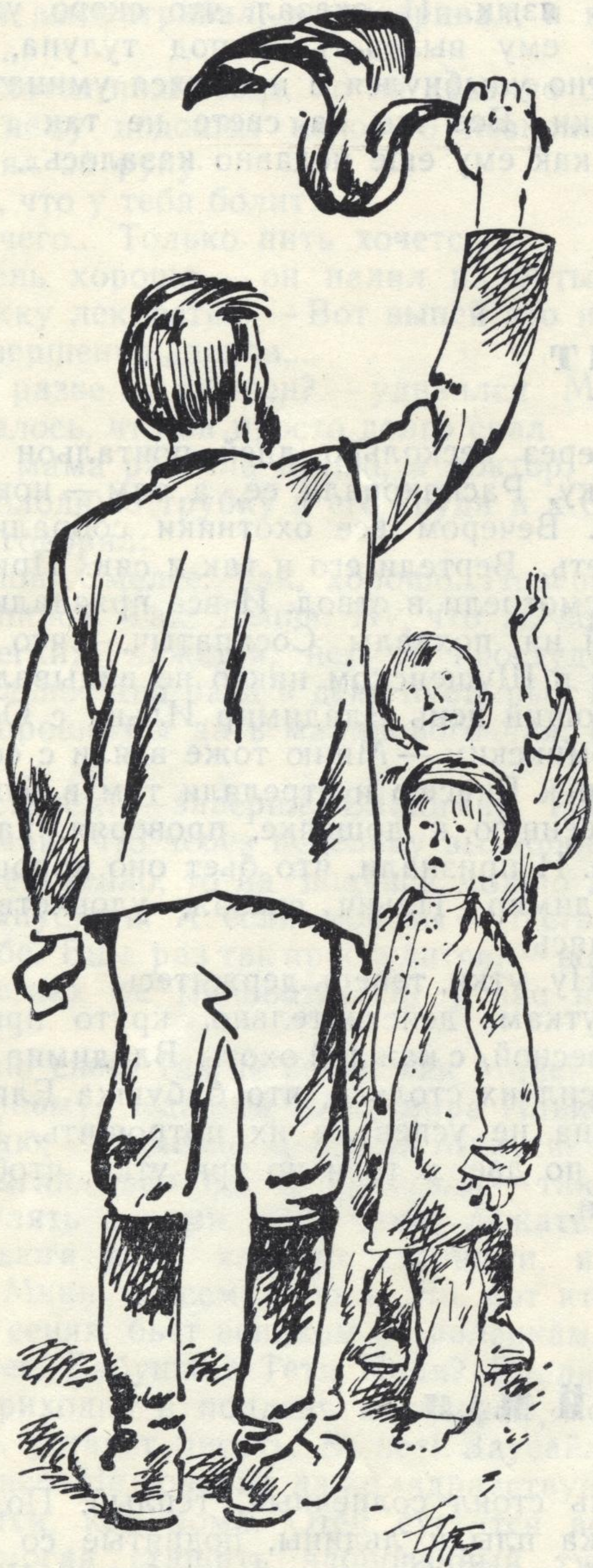
Выпив чаю, Владимир Ильич и Проминский решили пойти поздравить с праздником Оскара.

День стоял солнечный, теплый. По Шуши изредка плыли льдины, поднятые со дна весенней водой. Оскар жил на берегу Шуши, и к нему пошли тропинкой, которая появилась между забором и речкой. Дженни и Миня бежали впереди, обгоняя друг друга. Они первыми ворвались к Оскару. Дженни радостно залаяла, а Миня выпалил:

— Мы праздник вам несем!

Оскар отложил свои инструменты, — он что-то выпиливал из куска меди, — и выбежал навстречу гостям. А потом все вошли в его комнату и запели:

*День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удаляя!
Забастуем в этот день!*

*Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.*

*Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом! Гоп-га!*

Много еще песен пели. А потом пошли праздновать Май в поле. По дороге заглянули к Проминским, и Ян Лукич взял с собой Стасика и Казика. Мине стало еще веселее.

Холмики в поле уже подсохли. И с них было видно, как по Енисею плывут большие льдины. Вся степь была покрыта синими озерками. На дальних озерках плавали дикие лебеди. Небольшими табунками летели всегда чем-то напуганные утки. А в искристо-синем небе, радуясь, будто они тоже знали, что сегодня день веселый мая, пели жаворонки. Их было так много!.. Владимир Ильич, посмотрев на небо, сказал с радостной улыбкой:

— Вот где могучая демонстрация!

— Дети! — воскликнул Проминский. — А сейчас вы увидите жар-птицу, что принесет счастье рабочему люду!

Миня замер, не сводя глаз с Проминского. И вдруг увидел: откуда-то из груди Проминского вылетела и закружила над головой жар-птица...

Стасик и Казик, а вместе с ними и Миня, завизжали от восторга. Но когда Проминский перестал быстро-быстро махать руками, то Миня увидел, что то была не жар-птица, а большой алый платок.

...Высоко в небе летели за Енисей лебеди. Летели спокойно, величаво, взмахивая розовыми в солнечном свете крыльями. Это было так красиво, что все, затаив дыхание, смотрели на них, пока они не утонули в бездонной голубизне неба...

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Отпраздновали Май. На следующий день все занимались своими делами, как вдруг за окном зазвенели бубенцы и послышалось тархатенье колес. Гости! Миня бросился к окну и замер: возле избы стояла такая же бричка, как у грозного исправника.

— Володя, полиция! — испуганно вскрикнула тетя Надя.

— Что ты говоришь?

— Посмотри! Какой-то жандармский подполковник, а с ним штатский. Наверное, прокурор. Заусайлов, писарь...

— Та-ак, — протянул Владимир Ильич,

хмурясь, — похоже на то, что приехали делать обыск...

— Вот тебе и на... — растерянно сказала тетя Надя. — Куда же нам запрещенную литературу девать?

— Куда ее теперь спрячешь? Пусть все стоит на своих местах, и главное, Надя, вести себя как можно спокойнее.

Все ввалились в избу, а Заусайлов встал в дверях, будто боялся, что кто-нибудь убежит. Тот, что был в мундире, спросил строго и громко:

— Честь имею видеть господина Ульянова?

— Да, — спокойно ответил Владимир Ильич.

— Особого корпуса жандармов подполковник Николаев, — отрекомендовался военный. — А это господин прокурор.

— Никитин, — с полупоклоном сказал дородный дядька, стоявший рядом с военным.

— Нам приказано, господин Ульянов, произвести у вас обыск, — объявил военный.

— На каком основании?

— Сейчас мы вам скажем... — ответил военный. Он достал какие-то бумаги и, полистав их, спросил: — Вы получили письмо из Верхоленска, от политического ссыльного Ляховского?

— Да, я с ним переписываюсь.

— Вы покажете нам его письма или мы вынуждены будем сами их искать? — спросил военный, взглянув на прокурора.

— Если вам так нужно познакомиться с ними, пожалуйста, — сказал Владимир Ильич с еле заметной иронической усмешкой. — Сейчас я вам их найду. — Он поднял крышку конторки, достал письма, отдал военному. — Вот они.

Военный быстро прочитал письма. Повертел один конверт, пристально осматривая его со всех сторон, сказал:

— Вот это письмо прислано, судя по штемпелю, не из Верхоленска, а из Иркутска...

— Разве? — удивился Владимир Ильич. — Я не имею привычки читать штемпеля, а потому и не заметил...

— Можете убедиться, что это так, — протягивая ему конверт, сказал военный.

— Да, да, теперь я вижу.

— Можете вы нам объяснить, как это получилось: адресат ваш живет в Верхоленске, а письмо прислано вам из Иркутска.

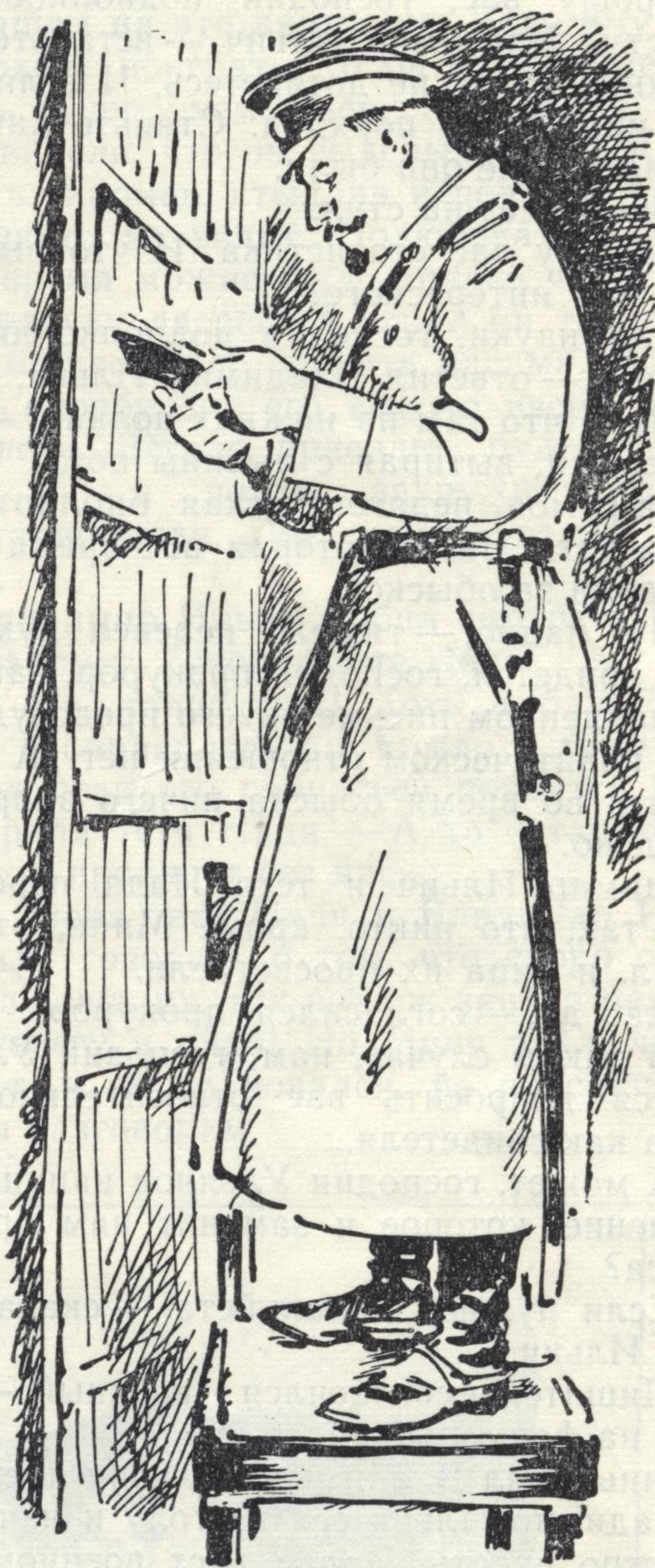
— Не имею представления. Тем более, что из содержания письма, как вы видите, этого тоже не видно. В Верхоленске погиб наш общий товарищ — политический ссыльный Федосеев.

— Не погиб, а застрелился, — строго поправил военный. — Это, знаете, большая разница.

— Разве? — прищурился Владимир Ильич. — Ну, скажем, застрелился. Товарищи по ссылке решили соорудить на могиле Федосеева скромный памятник. В этом письме Ляховского говорится, как вы видите, о сборе денег на памятник. Как же я мог подумать, что письмо написано из Иркутска, если Федосеев похоронен в Верхоленске? А Ляховский, насколько мне известно, и сейчас там отбывает ссылку.

— Где остальные письма?

— Вот они, — Владимир Ильич достал с конторки стопку конвертов. — Читайте.

Военный и прокурор, сев к столу, начали просматривать письма. Когда они перебрали все бумаги, военный спросил:

— Вы знали Ивана Зобнина? Переписывались с ним?

— Нет. Эту фамилию впервые слышу, — ответил Владимир Ильич.

— Гм... — промычал военный. — А каким же образом у этого Зобнина оказалась квитанция на отсылку этого письма вам? И не из Верхоленска, а как раз из Иркутска?

— Не знаю, — спокойно ответил Владимир Ильич.

— Ну, что ж, господин прокурор, проверим библиотеку?..

— Да, да, проверьте, господин подполковник... — сказал прокурор, у которого, видно, не было желания рыться в книгах. — А я вот тут газеты полистаю...

— Прошу вас, господин подполковник, — подал стул Владимир Ильич, — встаньте, а то до верхних полок не дотянетесь. И если можно, не нарушайте порядка. Ставьте книги на те же места, где они были.

Военный влез на стул.

— Здесь у вас статистика. И что вы находите в ней интересного?

— Для науки, господин подполковник, все интересно, — ответил Владимир Ильич.

— Ну, а что там на нижних полках? — спросил военный, вытирая с лысины пот.

— Там моя педагогическая библиотека, — сказала тетя Надя, которая все время молча наблюдала за обыском.

— Ну, ладно, — тяжело перевел дух военный, — придется, господин прокурор, записать, что в найденном письме ничего предосудительного в политическом отношении нет. А также и то, что во время обыска ничего запретного не найдено.

Владимир Ильич и тетя Надя переглянулись — так, что никто, кроме Мини, этого не заметил, и лица их просветлели.

— Да, да, — согласился прокурор.

— В таком случае, нам, господин Ульянов, придется допросить вас относительно этого письма как свидетеля...

— А может, господин Ульянов напишет нам объяснение, которое и заменит нам протокол допроса?

— Если нужно, пожалуйста! — сказал Владимир Ильич.

— Пишите, — согласился военный. — Только вот на форменном бланке...

Военный дал Владимиру Ильичу лист бумаги. Владимир Ильич сел к столу и начал что-то быстро писать. Подав лист военному, сказал:

— Все. Больше ничего по этому поводу добавить не могу.

Военный прочитал написанное и передал прокурору. Тот, взглянув на лист, вернул его военному, спросил:

— У вас, господин Ульянов, когда кончается срок ссылки?

— В январе следующего года.

— Осталось, значит, каких-то восемь месяцев?

— Да.

— Спасибо. У меня больше вопросов нет, — сказал прокурор. — И вообще, господин подполковник, нам пора ехать. За окном уже темно...

Провожать этих непрошенных гостей никто не пошел. Миня стоял у окна и смотрел, как Заусайлов суетится возле брички, подсаживая начальство. Когда грохот колес утих, тетя Надя сказала:

— Как хорошо, что ты, Володя, догадался подставить жандарму стул. Он, порывшись на верхних полках, не полез на нижние, где лежит вся нелегальная литература. Но что их сюда привело? Что это означает?

— Мне кажется, что письмо Ляховского было только поводом для обыска...

— Думаешь, хотят привязаться к чему-нибудь, чтоб набавить срок?

— Все, Надя, возможно, — вздохнул Владимир Ильич. — И если они так сделают, будет очень досадно. Это сломает все мои планы.

В этот вечер все были грустны, молчаливы. Владимир Ильич начал было что-то писать, но потом признался, что ему не работается. И они пошли с тетей Надей прогуляться... Миня проводил их до ворот и поплелся спать. Надеяться на то, что бабушка Елизавета расскажет сказку, было бесполезно, приезд полиции так сильно ее расстроил, что она слегла в постель.

ВАСЯ И ЖУРКА

Никогда Сосипатыч не приходил к Владимиру Ильичу с пустыми руками, непременно приносил какой-нибудь гостинец. То грибы — но не простые, а какие-нибудь редкостные, то ягоды или кедровые шишки, а то и цветы. Но тоже не такие, какие росли по берегам Шуши, а те, что он находил в тайге или в степи. А недавно Сосипатыч принес совсем диковинный подарок: журавленка. Орел выхватил журавленка прямо из гнезда и понес. Когда Сосипатыч выстрелил, орел бросил журавленка. Пра-

вое крыло журавленка было разодрано когтями орла, и на левом боку три ранки — следы когтей. Да еще, падая, журавленок ушиб левую ногу, так что не мог стоять на ней.

— Вот, дружок, что с тобой сделал царь птиц, — осмотрев его, сказал Владимир Ильич. — Но не грусти, не смотри на меня так испуганно, я тебе только добра желаю...

Журавленка называли Журкой. Был он пельно-серого цвета, а шейка внизу и вверху — черная, с боков — белая. Белые полосы эти,

будто пучки лучей, расходились от его красного, похожего на уголек, глаза. Клюв большой и тоже красноватый возле глаз, а на кончике черно-зеленый. И крепкий. Подбирая крошки, Журка стучал им по полу, как молотком. Первым узнал, каков Журкин клюв, кот Васька. Хотел он у Журки сцапать кусочек хлеба, а Журка как долбанет его по лбу, — Васька и лапки кверху задрал. А потом вскочил, спину выгнул, хвост — столбом, но Журка не испугался его, стукнул еще раз по голове! Вася жалобно мяукнул и пулей сиганул на печь.

— Ага, получил! — обрадовался Миня. — Будешь знать, как царапаться...

Раны у Журки зажили. И нога поправилась. А правое крыло все еще, видно, болело, потому что когда он быстро бежал, то помогал себе только левым. Журка привык ко всем, позволял себя гладить, брал хлеб из рук. Грозный хозяйский петух боялся Журки, как огня. Как только он начинал бой с соседским петухом, Журка, сердито покрикивая, размеренным, грациозным шагом подходил к забиякам и лупил своим клювом-молотком по глупым, окровавленным головам петухов до тех пор, пока они не разбегались.

Хитрый Вася помирился с Журкой и, под-

лизываясь, заигрывал с ним, но Журка не обращал на это внимания. Если ему приходила охота поиграть, то он и сам умел это делать лучше, чем Вася. Кот играл так, чтоб все видели, что он выделяется. А Журка был очень скромн, стыдлив и поэтому играл, когда никто не видит. Полюбоваться Журкой в это время можно было только через окно или в щелочку дверей. А играл он так интересно, что можно было следить часами. Возьмет сахар, подбросит его высоко вверх и поймает на лету. Весело присядет, будто поклонится кому-то, а потом закружится на месте, пританцовывая. Вот, мол, какой я молодец.

Владимир Ильич любил смотреть, как Журка танцует. Говорил тете Наде:

— Ну, танцовщик! Хоть в балет отдавай!

— Поправилось бы крыло к тому времени, когда стаи его собратьев появятся в небе, — говорила тетя Надя. — А то останется тут на зиму и пропадет без нас...

И снова тетя Надя и Владимир Ильич начинали говорить о том, что скоро они уедут. Послушать их, так вот уж завтра положат все на телегу и айда! Но Миня знал, что так не будет, и не волновался, не прислушивался к этим разговорам.

Улица в Шушенском

Фото Г. Хорошайлова

ГОРЕ ПРОМИНСКОГО

Проминскому жилось тяжелее, чем всем политикам: семья большая, а работы он себе найти не мог. Начал было делать шляпы, но дело не пошло. И не потому, что он не умел. Нет, мастер он хороший, — даже отец об этом говорил, — но для настоящих варшавских шляп не было в Шушенском необходимого материала; из той шерсти, из какой валенки катали, они выходили больше похожими на валенки, чем на шляпы. Тем не менее Владимир Ильич носил весной и осенью шляпу, которую ему сделал Проминский, хвалил — тепло, мол, удобно.

— Как можно, Владимир Ильич, прожить на те копейки, что мне дает казна, имея семью в восемь душ? — жаловался Проминский. — Если б я еще на охоту не ходил, дети, наверно, опухли бы с голоду. А не подари Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна детям моим на платица да на штанишки, бог знает, в чем они сейчас ходили бы. Царь сделал меня нищим. Я ночи не сплю, все думаю, как мне отсюда выбраться на родину. И ничего, ничего не могу придумать.

— А знаете что, Ян Лукич? — сказал Владимир Ильич. — Пошлите все-таки прошение енисейскому губернатору, чтоб вас отправили за счет казны.

— Это бы можно... Но я и двух слов по-русски не сложу, а по-польски и посылать бесполезно. Еще крамолу пришьют.

— Я вам помогу, — сказал Владимир Ильич. — Пока трубку выкурите, все и готово будет.

Владимир Ильич начал писать.

Проминский достал трубку, набил ее табаком и хотел идти на кухню курить, но не успел он переступить порог, как Владимир Ильич уже закончил писать и сказал:

— Ну, вот, послушайте, Ян Лукич, что я тут написал от вашего имени. Ну, кому, от кого — я пропускаю. Читаю лишь текст прошения.

«Будучи сослан в Восточную Сибирь на три года, я решил взять с собой так далеко семью — лишь ввиду того, что правительство доставляет на казенный счет семью ссыльного и на место ссылки, и обратно на родину по окончании срока ссылки. 23 октября сего 1889 года кончается срок моей ссылки и возвратиться на родину для меня тем более необходимо, что по своему ремеслу (шляпный мастер) я не в состоянии найти себе здесь никакого заработка. Между тем, для отправки семьи на родину на свой счет я не имею средств, ибо, получая пособие всего 19 руб. 32 коп. в месяц на семью в 8 человек и не имея никаких заработков, я не в состоянии был скопить на дорогу ни копейки, а напротив, израсходовал даже те несколько рублей, которые были сбережены мною на родине.

Поэтому я имею честь просить сделать соответствующее распоряжение об отправке меня и моей семьи по окончании срока ссылки на родину на казенный счет».

Проминский начал благодарить Владимира Ильича, но тот сказал, что благодарить рано, ибо еще неизвестно, поможет ли эта бумага. И опасение оказалось правильным: губернатор Проминскому отказал. Яна Лукича это так расстроило, что Владимир Ильич и тетя Надя долго не могли его успокоить. Наконец решили, что он переедет в какой-нибудь ближний город — Владимир Ильич сказал, что поможет ему деньгами, — там он поработает и, собрав нужную сумму, вернется в родную Польшу.

— Так и сделаю, — согласился Проминский. — За деньги вас, Владимир Ильич, очень благодарю, но взять не могу. Я и так у вас на всю жизнь в неоплатном долгу.

Владимир Ильич лукаво прищурился:

— Ну, а если я вам, Ян Лукич, не от себя, а от товарищей дам? Тоже не возьмете?

— Владимир Ильич! Вы невозможный человек!

И они оба рассмеялись.

УЛЕТЕЛ ЖУРКА

Миня сидел у маленького столика, за которым работал Оскар, и смотрел, как он вытачивает медное кольцо. Когда кольцо было готово, Оскар нацарапал на нем букву «Ш», что должно было означать Шушенское, и год. Дал Мине подержать, пока сам одевался. Мине кольцо так понравилось, что он даже позавидовал Журке.

Владимир Ильич надел кольцо Журке на ногу. С непривычки Журка хромать начал. Попробовал снять кольцо клювом, но не смог. Вытянув длинную черно-белую шею, он удивленно посматривал то на свою ногу, то на Владимира Ильича, будто спрашивал: «Что это вы со мной сделали? Зачем?» Согнуть пальцы ноги и снять кольцо так, как его на-

дели, Журка не сумел. Хотя он и был умен, на это у него не хватало смекалки.

В эти октябрьские дни над селом летела не одна журавлиная стая. Услышав жалобное курлыканье, Журка встревоженно задирает голову, расправляет крылья, готовый вот-вот взмахнуть ими и взлететь к небу. Но перед его глазами было не бездонное небо, а почерневший от копоти потолок, и он растерянно поглядывал по сторонам, будто не мог понять: то ли почудились ему печальные голоса братьев, то ли вправду они пролетели?

Владимир Ильич, глядя на Журку, сказал:

— Видишь, Миня, как Журке на волю хочется? Ну, что, отпустим его?

— Жалко, — вздохнул Миня. — Он хороший...

— Вот как! Ну, а если б я тебя закрыл в комнате и не пускал домой, а маме твоей говорил: не пущу я его к вам, потому что мне жаль с ним разлучаться, он такой хороший, — весело было бы тебе?

— Нет.

— Ну, так, может, Журке невесело будет, если мы его не отпустим?

— Ну, лаби.

В ясный осенний день, все — даже бабушка Елизавета — пошли за село. Дженни не взяли, боясь, что она погонится за Журкой.

На поле ждать пришлось не долго. Сначала все услышали журавлиное курлыканье, а потом увидели острый клин.

— Ну, Журка, прощай! — сказал Владимир Ильич и пустил его на землю.

Услыша своих собратьев, Журка посмотрел вверх и тоже крикнул что было сил.

Клин журавлей вздрогнул, будто бы раздвоился, поломался и встревоженно закурлыкал. Журка, увидев, что его услышали, закричал снова. Подпрыгнув раз, другой, взмахнул крыльями и поднялся ввысь. Взлетев, он опять радостно закурлыкал, почувствовав силу своих крыльев. Прощально блеснуло кольцо на ноге Журки, и Миня жалобно закричал:

— Журка-а-а!

Журка летел так, будто удирал от выстрела, но, услыша крик Мини, вдруг круто развернулся и сделал, не снижаясь, петлю. К земле долетел его печальный крик. Журка будто говорил:

«Прощайте, добрые люди! Привык я к вам, люблю вас, но променять небо, волю не могу. Не обижайтесь, таким уж я родился...»

В синем небе, догоняя стаю своих собратьев, летел Журка... Вот он стал таким, как жаворонок, а вот и совсем исчез...

— Улетел один пленник, — тихо промолвил Владимир Ильич.

— Так бы и нам... — сказала тетя Надя.

— Улетим, Надя, наверняка улетим...

Воротясь домой, Владимир Ильич развернул на столе большую, как скатерть, бумагу. Миня знал, что эта бумага, разрисованная линиями и кружочками, черными и красными — называется картой. Кружочки — города и села, черные линии — дороги, а голубые — реки.

— В первый год моей ссылки я решил даже не брать в руки карты европейской России и Европы, — говорил Владимир Ильич. — Такая, бывало, тоска брала, когда развернешь карту и начнешь рассматривать на ней разные черные точки. Та-ак, попасть бы нам, Надя, вот в эту точку...

— В Лондон?

— Или вот в эту...

— В Женеву?

— Да, да, в эту точку прежде всего. Но газету нашу будем издавать где-нибудь подалеже от эмигрантского центра, чтоб она была хорошо законспирирована. Это чрезвычайно важно для связи с Россией, для переписки.

— А не обидятся Плеханов и все старики?

— Об этом я тоже думал. Но разжигать нашу «Искру» в Женеве, значит, самим же лить на нее воду. Ну, да мы уж слишком далеко вперед забежали. Как бы там ни было, я абсолютно уверен в одном:

*«Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя!..»*

Забыв о карте, Владимир Ильич начал говорить о газете, часто повторяя слова: «искра», «искра», «партия». Что такое «партия», Миня знал. Когда Владимир Ильич хотел с кем-нибудь повоевать в шахматы, то говорил: «Сыграем партию?» Ну, а что такое «искра», это же каждому известно. Миня от искры однажды чуть не сгорел. Мать вышла из дому, а он стал возле печи, чтоб погреться. А полено в печи как треснет, как сыпанет искрами! Миня отскочил от печи, но не заметил, что одна искра попала на картуз. Учужал уж тогда, когда голову припекло. Снял картуз, начал махать им, а тот еще сильнее дымит и разгорается. Хорошо, мать вернулась, выхватила у него картуз и бросила в ведро, с водой. И теперь Миня знал, что с искрами шутки плохи. А мать сказала ему, что от искры может не только картуз сгореть, но и изба и даже село.

— А кто к вам приедет, — спросил Миня, — дядя Глеб?

— Нет, Миня, мы никого не ждем в гости.

— Так с кем же вы собрались партию в шахматы играть?

— Э, Миня, мы совсем не о той партии говорим, — сказал Владимир Ильич.

— А про какую же?

— Гм... Гм... Знаешь что, дружок, подрастешь немного, я тебе тогда все разъясню. А пока давай лучше сыграем с тобой в шахматы.

ПРОМИНСКИЕ УЕХАЛИ

Проминский пришел празднично одетый, сияющий, как однажды в день веселый мая. Под здоровался и объявил:

— Завтра утром выезжаем.

— Очень рад за вас, Ян Лукич! — пожимая руку Проминского, сказал Владимир Ильич. — Очень рад, садитесь, пожалуйста!

— Э, не могу! Пани Тэкла, и я, и все дети наши просим вас к себе. И вас, пани Надия, и вас, пани Елизавета...

— А меня? — спросил Миня.

— И тебя! — подбросив Миню до самого потолка, сказал Проминский. — Может, ты поедешь с нами, а?

— Нет.

— Почему же?

— А на кого же я тут Владимира Ильича, и тетю Надю, и бабушку Елизавету оставляю? И маму еще?

— Ты очень хороший мальчик, Миня, — сказал Проминский. — Ну, собирайтесь, а то пани Тэкла уже ждет нас.

Когда пришли к Проминским, оказалось, Оскар уже там. На столе шумел самовар, пани Тэкла и все дети, как и их отец, были одеты по-праздничному. Они тихо, скромно сидели на лавке вдоль стены. Только Леопольд, как самый старший, помогал матери накрывать на стол. Миня подошел к Зосе, она подвинулась, освобождая ему место. Он примостился рядом с ней, положил руки на колени, сидел так же тихо и спокойно, как все. Миня помнил, сколько было интересного в день веселый мая, и ждал, что и сегодня будет так же.

Но ничего особенного не происходило. Все сели вокруг самовара и говорили кто о чем. Вот тетя Надя глянула на Миню, на Зосю, на самовар и рассмеялась.

— Чего ты, Надя? — спросил Владимир Ильич и тоже посмотрел на Миню и на Зосю.

— Припомнилось мне, когда я была такой, как Зося, то лизнула языком самовар.

— Кипящий? — удивился Миня.

— Вот такой.

— Э, шутите! — махнул рукой Миня. — Правда же, Зося, тетя Надя шутит?

Зося посмотрела на отца, на мать, и только после того кивнула головой: правда, мол. А тетя Надя рассказала, как это было. Сестричка тети Нади, Леля, оказывается, коварно обманула ее: она только сделала вид, что лизнула самовар, а тетя Надя, поверив, в самом деле дотронулась языком до горячего самовара. Ну и была наказана за свою глупость и доверчивость: язык распух и очень болел. Мне трудно было поверить, что тетя Надя могла сделать такое. Это она, конечно, шутит, чтоб насмешить. А то перед разлукой всем грустно. Даже разговор не клеится: скажет кто-нибудь слово или два, и снова все молчат, думая, наверно, о своем.

Но вот Владимир Ильич затянул песню:

*Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами!*

Все дружно подхватили:

*Мы сильные духом, хоть телом попораны —
Позор, позор, позор вам, тираны!*

Миня тоже пел:

Позор, позор, позор вам, тираны!

Зося испуганно косилась на него: такой вольности она не могла себе позволить. Из детей Проминских пел только Леопольд. Он уже был совсем взрослым. Миня не раз слышал, как он даже с учителем спорил. Смеялся, что учитель играет с попом в карты.

Долго пели. После песен разговор взрослых оживился, детей отпустили на улицу поиграть, и Миня тоже побежал с ними. Домой вернулся, когда уже совсем стемнело. Мать набросилась с попреками:

— Ну, где ты пропадал?

— Ходил с политиком Проминским прощаться.

— А разве он уезжает? — удивилась мать.

— Да. Завтра.

— Ну и слава богу, — вздохнула мама. — Он, как и мы, человек простой и бедный. К тому же поляк.

— Ну и что ж, что поляк?

— А то, что полякам живется еще хуже, чем русским. Их все начальники не любят за то, что они постоянно бунтуют, не хотят жить под властью русского царя...

На следующий день Миня с Владимиром Ильичом, тетей Надей, бабушкой Елизаветой пошел провожать Проминских. Пришел Оскар. Прибежала и Паша. Да и вообще народу собралось много: ведь не каждый день из села уезжают политики, так что было на что посмотреть. Сосипатыч, Оскар и Владимир Ильич помогали Проминскому укладывать вещи на телегу.

Когда все уселись на телеге, бабушка Зыряниха ахнула:

— Господи! За детьми и вещей не видно!..

Вот уже Проминский и пани Тэкла со всеми распрощались. А Владимир Ильич обнял Яна Лукича, сказал:

— Счастливой дороги вам, дорогой товарищ!

— Дзенькую, спасибо, — взволнованно ответил Проминский. — И всем вам желаю скорее выехать отсюда!

Воз тронулся. Захрустел под колесами лед на замерзших лужах. Зося, махая Мине рукой, кричала:

— Миня, до свиданья!..

Вместе с мальчишками Миня бежал за телегой до самой церкви. И только когда выехали на Минусинский тракт и возчик, стегнув коней, поехал так быстро, что невозможно было его догнать, все отстали. Миня долго еще стоял на тракте и смотрел, как Зося махала рукой.

МОЖНО ЕХАТЬ В РОССИЮ!

После Нового года, в дни, когда приходила почта, Владимир Ильич по нескольку раз в день наведывался в волость. И все возвращался ни с чем: бумаги о его возвращении из ссылки не поступали. Настала середина января, дни стояли морозные. Владимир Ильич, возвратясь, сказал:

— Наверно, прибавили сроку, каналы!

— А может, еще обойдется? — не очень уверенно сказала тетя Надя. — Если б прибавили сроку, то уже, наверно, известили бы...

Владимир Ильич и тетя Надя пошли в свою комнату и о чем-то взволнованно говорили там. А бабушку Елизавету, казалось, и не волнует то, что бумаги не прибывают. Если ее что и беспокоило, так только одно: как она поедет в такую холодину триста верст по льду Енисея. Она вот из избы почти не выходит — и то простужается, все кашляет.

— Ой, Надя, боюсь, живой вы меня не довезете, — сказала она тете Наде, когда Владимира Ильича не было дома. — Я иногда

думаю: может быть, нам тут до весны остаться? Ведь тебе все равно, где свой год ссылки дотянуть. В Шушенском или в какой-то Уфе. Да хорошо еще, если оставят в самой Уфе, а то могут загнать в какой-нибудь Белебей, где будет в сто раз горше, чем тут. Тут мы уж привыкли, всех знаем, а там все заново надо начинать. Да еще и одним...

— Нет, мама, мне надо быть как можно ближе к Володе. И не волнуйся: мы закутаем тебя в тулуп, найдем закрытые сани.

И вот однажды, вернувшись из волости, Владимир Ильич радостно крикнул прямо с порога, размахивая над головой бумагой:

— Ура! Можно ехать в Россию!

Что тут поднялось! Тетя Надя бросилась обнимать Владимира Ильича, хотя он весь был запорошен снегом. Бабушка Елизавета заплакала от счастья. Одурело — о чем, спросите ее, — заревела Паша. Дженни лаяла и скакала вокруг Владимира Ильича, а Миню что-то подхватило, и перед его глазами замелькали окна, двери, стол... Владимир Ильич закружил его по комнате с песней:

*Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил.
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!*

Это была самая любимая песня Владимира Ильича. Ее знали все, знал ее и Миня. Он маршировал вместе с Владимиром Ильичом по комнате и не просто пел, а кричал что было сил:

*Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?*

— Ну, точка! — сказал Владимир Ильич, оборвав песню. — За оружие и в бой-дорогу.

Вот теперь Миня понял: это уже не разговоры, а приготовление к отъезду. Завтра они уедут и никогда больше не вернуться. Нет, этого не может быть! Владимир Ильич, наверно, пошутил. Или, может, он один поедет, как ездил в Минусинск и Красноярск. Побудет там немного и вернется. Когда он уезжал в Красноярск, тоже очень радовался и пел. И, главное, как они могут уехать, а Миню оставить тут? Ведь все говорят, что любят его. Да если бы они завтра уезжали, уже стали бы вещи собирать, а они и не думают этого делать. Бабушка Елизавета и Паша ставят на стол обед, а Владимир Ильич и тетя Надя пошли в свою комнату. Все как было. Только глупая Паша никак не может успокоиться:

всхлипывает, трет глаза концом платка. Ну плакса, какой свет не видел! Мине даже стыдно стало за нее, и он сказал:

— Да хватит слезы лить! Видишь, они никуда сегодня не едут! И завтра не поедут. Ведь правда, бабушка Елизавета?

— Правда, Миня, завтра мы никуда не поедем, — вздохнула бабушка Елизавета и добавила: — А ехать, дитя мое, нужно...

Ну, это «ехать нужно» Миня уже слышал. С самой весны об этом говорят. Но вот и лето прошло, и зима настала, а они все сидят на месте. А тут радость такая выпала, что дух захватило. Владимир Ильич вынес свои коньки, протянул ему:

— Возьми, Миня! Подрастешь, будешь кататься и меня вспоминать!

Это был такой неожиданный, но такой желанный подарок, что не только Миня, а даже Дженни не поверила своим глазам: подошла и понюхала коньки. Все улыбались, глядя на растерянного счастливого Миню. А Паша снова заплакала. Вот завистливая какая! Когда ей сапоги сшили, то Миня не плакал, хоть ему и очень обидно было.

Через несколько дней он заметил, что творится что-то неладное. Бабушка Елизавета укладывала одежду в корзины, Владимир Ильич и тетя Надя — книги в ящики. Когда заколотили ящики и взвесили их, Владимир Ильич сказал:

— Пятнадцать пудов!

— Ужас! — воскликнула тетя Надя. — Что мы с ними будем делать?

— Ничего, Надя, как-нибудь доведем. Все тут настолько нужное и ценное, не могу оставить ни одной книги! Да и хлопот с ними будет не так уж много: ведь отправим их багажом. Ну, а без книг вещей, кажется, не очень много. Другое меня волнует. Я вот слушаю, как Елизавета Васильевна кашляет, и думаю, что нужно договориться, чтоб на кошеву натянули верх. Все-таки теплее будет.

— Не стоит! А то такую кошеву сделают, что не доедем до Ачинска. Теплой одежды много. Да и погода, кажется, собирается потеплеть. Оскар вчера где-то видел тучки, а сегодня утром было только двадцать восемь градусов. Завтра мы с мамой начнем пельмени стряпать.

— Пельмени?

— Да. Все советуют брать в дорогу пельмени. Только они должны быть без жира и лука.

— Ну, пельмени так пельмени. Скорее бы только наступило двадцать девятое января и уехать. А то нет хуже, как сидеть на узлах.

ПОЕХАЛИ

Пельмени стряпали все: бабушка Елизавета, тетя Надя, Паша, хозяйка, Прасковья Олимпиевна и мать Мини. Взялся было и Владимир Ильич, но, как он сказал, получил отставку из-за малой производительности. Раньше, стряпая пельмени, варили их и ели. А эти, вместо того чтобы бросить в кипяток, выносили

— Бумаги я тебе, Миня, дал. Бери вот ручку, чернила. Будешь писать, чтоб не забылось. И книжки эти отцу и матери будешь читать. А может, и нам письмо напишешь. Ведь тетя Надя учила тебя, как надо писать.

— Учила! И сказала, что я молодчина, потому что все знаю.

на улицу и, когда они замерзали, ссыпали в мешочек. Они тарахтели, как орехи.

— Это мы их морозим, — сказала бабушка Елизавета, — чтоб им в дороге не холодно было.

Но вот уж и пельменей настряпано достаточно. Владимир Ильич сказал:

— Завтра едем!

У Мини сердце обрывается: «завтра» это уже не то, что «скоро», которое бог знает сколько может тянуться. Завтра — это значит утром. Но Мине некогда задерживаться на этой мысли: она вспыхивает, как зарница далекой грозы, и гаснет под тучами новых впечатлений, которые Миня еле успевает переварить. Ему всякого добра — бумаги, карандашей, рисунков — перепало столько, что где уж тут было думать о близкой разлуке. Весь последний день Миня сновал от Владимира Ильича до избы, перенося свое новое добро.

— Прекрасно! Надеюсь, у нас с тобой будет живейшая переписка. Ну, что же тебе еще отдать?..

Пришел Оскар, сел на край стула, спросил как-то грустно и растерянно:

— Так, значит, завтра едете?

— Завтра, Оскар Александрович, завтра! — весело ответил Владимир Ильич. — Вот уж, видите, и дела все Мине передаю.

— Грустно... — печально начал Оскар, но тут же смутился и улыбнулся. — Я о себе говорю. За вас, Владимир Ильич, я очень рад...

— Мне тоже грустно расставаться с вами, с Миней... — сказал Владимир Ильич. — Успокаиваю себя тем, что нам еще доведется встретиться. И, может быть, при более благоприятных обстоятельствах...

— Я тоже в это верю, — сказал Оскар. — Я вот... — он достал из кармана что-то,

завернутое в лоскуток красной материи, подал тете Наде, — я вам, Надежда Константиновна, сделал, как сумел...

— Ой, какая чудная брошка! — посмотрев подарок, радостно улыбнулась тетя Надя. — Большое вам спасибо, Оскар Александрович! Володя, погляди, как мастерски сделано. Брошка-книжечка. Написано «Карл Маркс».

— Я это сделал, чтоб хоть как-нибудь отблагодарить вас, Надежда Константиновна, за те усилия, которые вы потратили на занятия со мной...

— Значит, уже не будете вместе с писарем против революции? — спросил Владимир Ильич.

— Сейчас мне, Владимир Ильич, даже трудно поверить, что я был таким дикарем, — смущенно улыбаясь, ответил Оскар. — У меня такое чувство, словно я до встречи с вами ходил... ну, просто с завязанными глазами.

...У раскрытых ворот стояли три тройки. Ямщик, Сосипатыч, Оскар и Владимир Ильич выносили вещи и складывали в сани. Когда все погрузили, бабушка Елизавета сказала:

— Ну, давайте посидим перед дорогой...

КАК ТЕПЕРЬ ЖИТЬ НА СВЕТЕ?

Весь день Миня ходил как неприкаянный по комнатам, где жил Владимир Ильич. Возвращался домой, но, посидев несколько минут, снова одевался. Мать сначала поругивала, а потом и рукой махнула: делай, мол, как хочешь. Ходил он и к волости, но Заусайлов, увидев его, схватил за ухо — под шапку, черт, забрался! — и вытолкнул на крыльцо так, как выкидывают нашкодившего котенка:

— Вон отсюда, выкормыш политиков!

Миня понял: Заусайлов мстил ему за то, что при Владимире Ильиче дотронуться до него не смел. Обидно и даже страшно ему стало. Ведь теперь Заусайлов может крутить ему уши, кричать на него, ругаться. А может, даже бить. Миня видел, как он бил мужиков по лицу.

Сели кто где. Помолчали Миня сидел на пороге.

Он не плакал: мужчина должен уметь сдерживать слезы. Но когда Владимир Ильич, прощавшись со всеми, присел возле него, Миня обхватил его за шею и зарыдал:

— Не уезжайте... Не уезжайте...

— Э, Миня, так нельзя, — дрогнувшим голосом промолвил Владимир Ильич. — Ведь ты помнишь, я тебе обещал жар-птицу?

— Помню...

— Так вот я и еду добывать ее.

— Не надо мне жар-птицы, — не отпуская Владимира Ильича, плакал Миня. — Ничего мне не надо... Только не уезжайте...

— Микелис, как тебе не стыдно! — сердито сказала мать Миня, разнимая его руки. — Что ты делаешь?

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Миня, как в тумане, видел, что сани тронулись с места, слышал, как весело зазвенели бубенчики, все отдаляясь... Он рванулся бежать за санями, но мать не отпускала его руки.

Вот сани завернули за угол, и слышны только бубенчики. Звенят они уже тихо и печально. А вот и бубенчики замерли где-то за селом, на Минусинском тракте...

Плелся Миня домой из волости — ухо горело, будто на него кто-то горячий уголек положил, — и еле сдерживал слезы. А придя домой, залез на печь, накрылся подушкой, чтоб отец и мать не слышали, и тихонько заплакал.

Долго в эту ночь Миня не мог заснуть. Лежал с раскрытыми глазами и слушал, как ветер тоскливо гудит в трубе. Думал, как ему теперь на свете жить?

И потянулись тоскливые, холодные дни... Но Миня не впадал в отчаяние. Ведь Владимир Ильич не просто куда-то уехал, а поехал искать жар-птицу. И он, конечно, найдет ее и привезет Миня, потому что слова его никогда еще не расходились с делом...

Перевод с украинского Г. Резцовой

СТРАНА ПОБЕД ЛИЗИЯ

МИХАИЛ ДУДИН

Вернувшись с полуострова Ханко в декабре 1941 года, я недели две проработал в кронштадтской газете «Огневой щит», потом снова вернулся в свой полк, в свою батарею. В марте 1942 года приказом командующего 23-й армии меня назначили на должность писателя армейской газеты «Знамя победы». Там работали Вадим Шефнер, Илья Авраменко и Александр Дымшиц. Вскоре после этого в редакцию приехали ленинградские писатели Вера Кетлинская, Илья Груздев и Екатерина Боронина, и на этом выездном правлении меня приняли в Союз писателей.

Я правил заметки, писал очерки, вел вместе с художником Коростышевским отдел фельетонов на местные темы, подписывая их лихим псевдонимом Ефрейтор Минометов.

Наступала первая годовщина войны.

Редакция и походная типография помещались в двух дачных домиках у протока между Токсовским и Кавголовским озерами.

Дня за три до годовщины редактор нашей газеты батальонный комиссар Лев Пруссян вызвал меня, и я встал перед его ясными очами по команде «смирно».

— Техник-лейтенант Дудин, через два дня вам необходимо написать к годовщине войны стихи...

— Размер? — спросил я.

— Не ограничиваю!

— Можно лирику?

— Можно.

Я повернулся на каблуках и вышел из редакции. День был ясный. Все цвело и зеленело. По вечерам и на утренних зорях всюду заливались соловьи. Они прямо-таки неистовствовали. И мне казалось, что соловьиные перекаты заглушали глухой рокот артиллерийских дуэлей.

Накануне погиб мой дружок по взводу разведчиков Витя Чухнин.

Накануне я получил письмо от своего ивановского друга поэта Володи Жукова. Грустное письмо. Володя сообщал мне, что наш общий товарищ и земляк, тоже поэт, Коля Майоров погиб под Москвой. И мне захотелось написать о них.

Я забрался в заросли орешника. Расстелил на зеленой траве шинель. Лег на живот. И вывел в своей тетрадке первую строчку:

«О мертвых мы поговорим потом».

Видимо, интонация была взята верная и сразу. Напрасно Коля Гринев звал меня на обед. Я не слышал. Я слышал грохот войны и соловьиные перебаты одновременно.

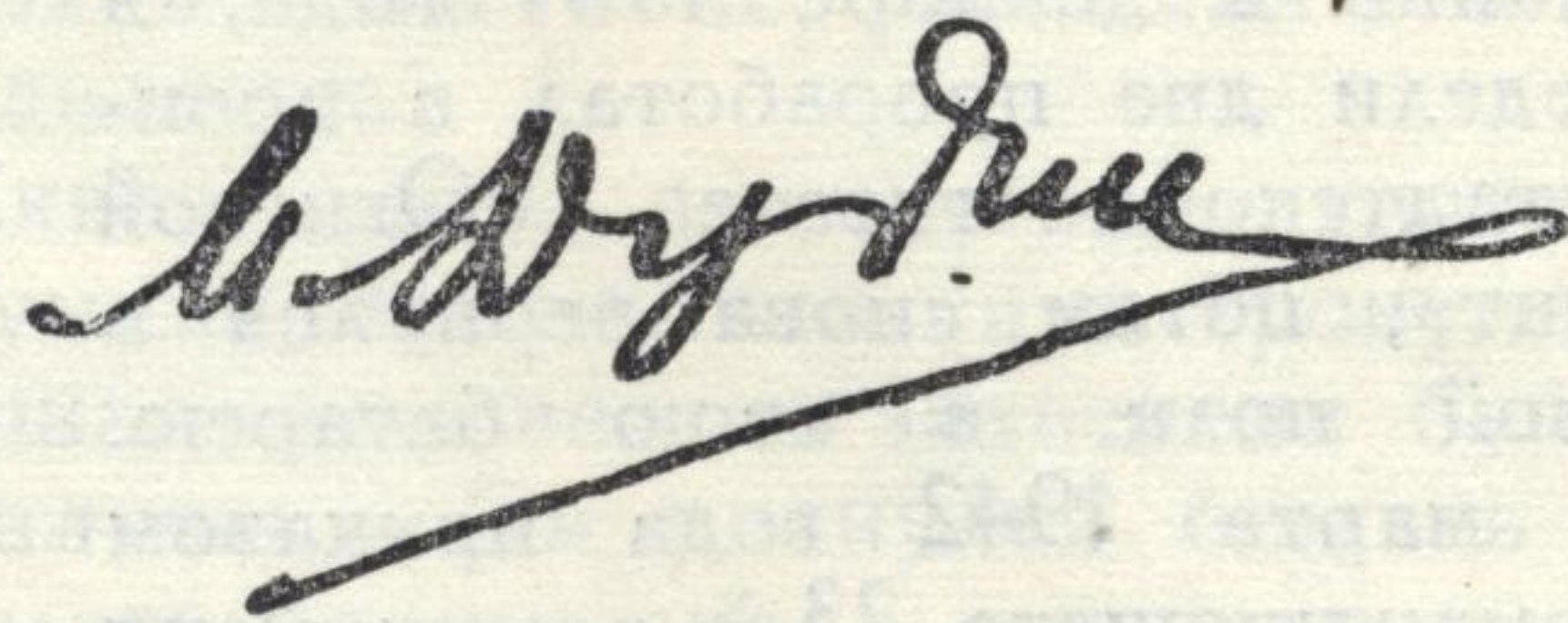
К вечеру стихотворение было готово.

Наша машинистка Кира, возвращая мне перепечатанный экземпляр, посмотрела на меня влажными глазами благодарности и первая сказала: — Молодец!

Редактор наискосок написал на перепечатанном экземпляре: «В набор. Корпусом».

Из нашей газеты «Соловьи» перепечатала «Комсомолка». А потом это стихотворение пошло гулять по сборникам и антологиям и даже в кинофильм попало.

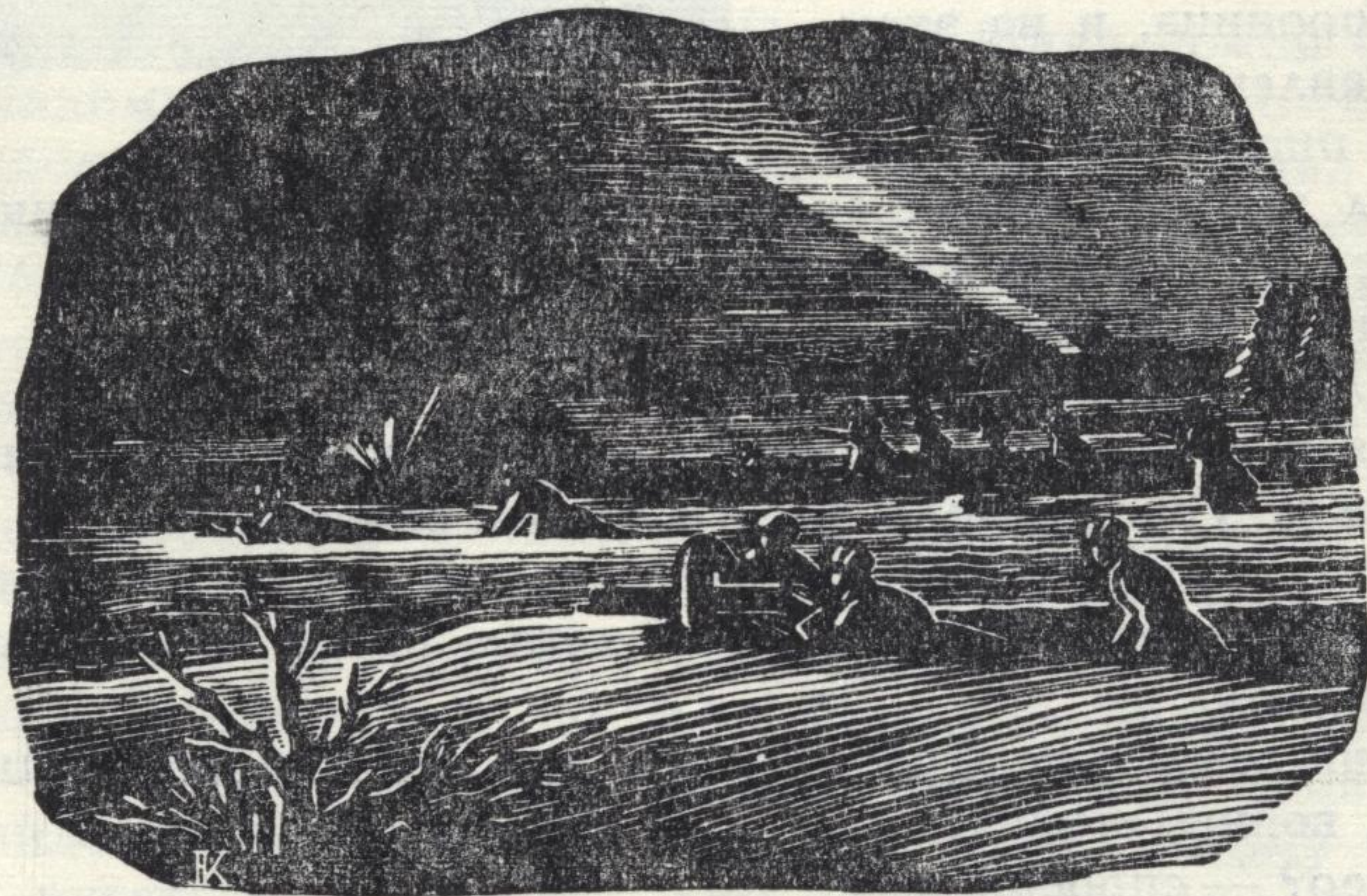
Вот и все.

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарища. Ни слова

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.

Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней,
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто сразу вырвавшись из плена,

Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась.
Здесь рядом с нами возникал другой,
В каком-то новом сочетании качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва.
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика, —
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростной жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

** Лев Успенский **
РАССКАЗЫ
** * **
ПРО СЛОВА

Балу

ЗВЕРИНЫЕ ИМЕНА

Тот, кому посчастливилось читать чудесную «Книгу Джунглей» английского писателя Редьярда Киплинга, удивлялся причудливым именам, которые носят ее герои, звери индийских лесов. Помните мудрого учителя зверят, медведя БАЛУ, страшного и коварного тигра ШЭР-ХАНА, с которым борется не на жизнь, а на смерть смелый и добрый человек МАУГЛИ? Помните вождя слоновьего стада могучего ХАТИ и болтливое обезьянье племя БАНДАР-ЛОГ? Откуда Киплинг взял эти странно звучащие и почему-то очень правдоподобно звучащие звериные клички?

Он взял их из индийских языков, на которых говорило смуглоликое население Индостана. На языке хинди слон и будет «хати», тигр — «шэр», медведь — «балу»; во всяком случае, так можно передать их гортанное звучание в нашей орфографии. Буйное племя обезьян названо Бандар-Лог потому, что это сочетание слов означает «обезьяний народ». Само прозвище Маугли, дан-

ное найденышу-человечку его приемной матерью волчицей, если перевести с хинди, прозвучит как «лягушонок».

Сталкиваясь с названиями зверей, искони живущих в нашей стране, — «волк», «лиса», «бобр», «медведь» — мы обычно не удивляемся им. Далеко не каждому приходит в голову спросить: а откуда они взя-

лись? Только этимологи занимаются их происхождением и устанавливают, что, скажем, «бобр» когда-то означало коричнево-бурый зверек, а «медведь» — пожиратель меда.

Но вот в книгах о далеких странах попадаются нам причудливые имена тамошних зверей. И очень часто мы останавливаемся над ними в некотором недоумении: как и почему такое имя могло получиться?

Я сейчас хочу рассказать о некоторых из них. Но прежде — вот о чем.

Знаменитые путешественники по Африке братья Ливингстоны рассказывают в воспоминаниях про одного из своих предшественников. Не зная языка племен, обитавших по реке Замбези, он упрямо допытывался: «Как называется вон та горная цепь?», «Что за животное пробежало там в кустах?». Затем записывал в своей тетради: «Горный хребет называется Кайя...» А чуть дальше: «Здесь водится животное, именуемое «кайя». Бедняга не подозревал, что

Бабуин

слово «кайя» у того племени обозначает одно: «Я не знаю».

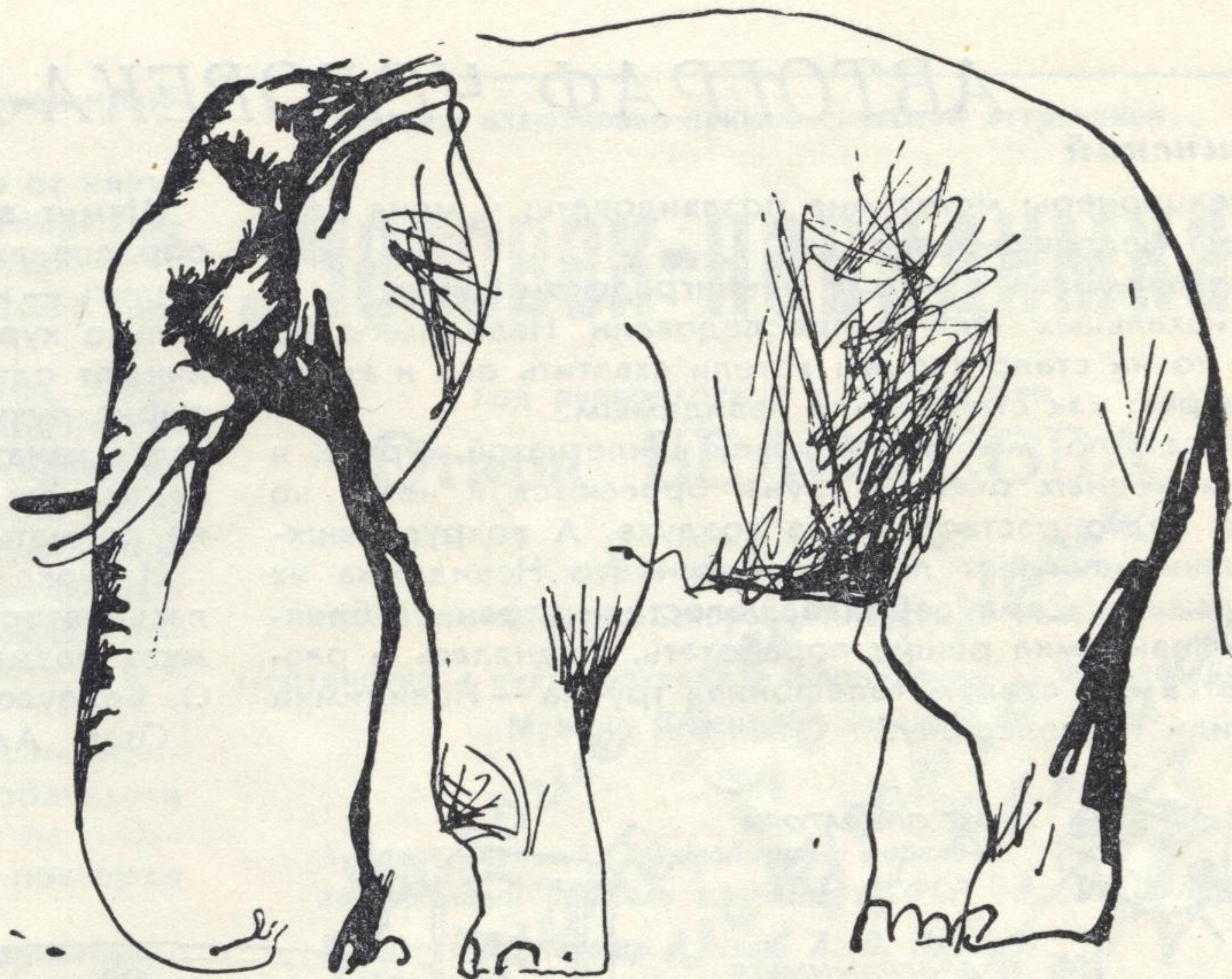
Утверждают, будто примерно в такую же ошибку впал Джеймс Кук, высадившись на восточном побережье Австралии. Увидев странных и довольно крупных сумчатых животных, скакавших на длинейших мускулистых задних ногах, он спросил у местных жителей — что это за звери? И когда ему ответили: «кенгуру», имя нового животного появилось впервые в европейском языке. На деле же слово это было равносильно «кайя»; оно значило: «Мы не знаем этого!»

Справедливости ради стоит сказать, что есть ученые, считающие эту историю выдумкой. Они утверждают, что животных этих и впрямь звали по-австралийски как-то вроде «кенгуру», и наше имя является просто неточной передачей настоящего местного названия.

В начале XIX века французский ученый Соннера, пробираясь по дебрям лесов Мадагаскара, наткнулся на такое редкостное животное, что даже его спутники — мальгаши пришли в недоумение. Со страхом указывая на маленькую ушастую зверушку с костлявыми, как у скелета, пальчиками, они восклицали: «Ай-ай, ай-ай!»

Впоследствии животное получило немало имен. В русской зоологии его зовут довольно странно: «руконожка». Но за ним осталось и первое имя «Ай-ай». Посмотрите в Большой Советской энциклопедии, и вы прочтете: «Ай-ай» — то же, что «руконожка».

Соннера впервые описал и другую мадагаскарскую полуобезьяну — индри. Теперь в самых солидных трудах она даже по-латыни именуется так: *indris*.

Хати

Но утверждают, что у мадагасгов возглас «индри!» имел единственное значение: «Посмотри!»

Желая обратить внимание европейца на любопытного

зверя, проводники подняли шум: «Индри! — вопили они. — Погляди-ка!»

Случалось и проще, разумнее. По некоторым данным название «какаду», звучащее на наш слух довольно странно, происходит от индонезийского слова «какатуа»; оно означает одновременно и «попугай» и «клещи, щипцы»... Тот, кто представляет себе клювы этих птиц, скажет, что название дано довольно точно.

А бывало, что происхождение имени вовсе терялось. И теперь его не так-то легко установить. Возьмите обезьяну «бабуина». Некоторые исследователи связывают его имя со старофранцузскими словами «бабу» — гримаса, рожа, «бабуэн» — дурачок, блаженный. Но другие с сомнением покачивают головами и предлагают поискать в различных африканских языках — нет ли там местного слова, которое скорее могло бы дать название животному, чем слова французского языка?.. Что же, поискать не мешает!

Кенгуру

АВТОГРАФ ЧЕЛОВЕКА-НЕВИДИМКИ

В. Осинский

Коллекционеры могут мне позавидовать: у меня есть автограф Человека-невидимки.

Я познакомился с ним в ленинградском цирке.

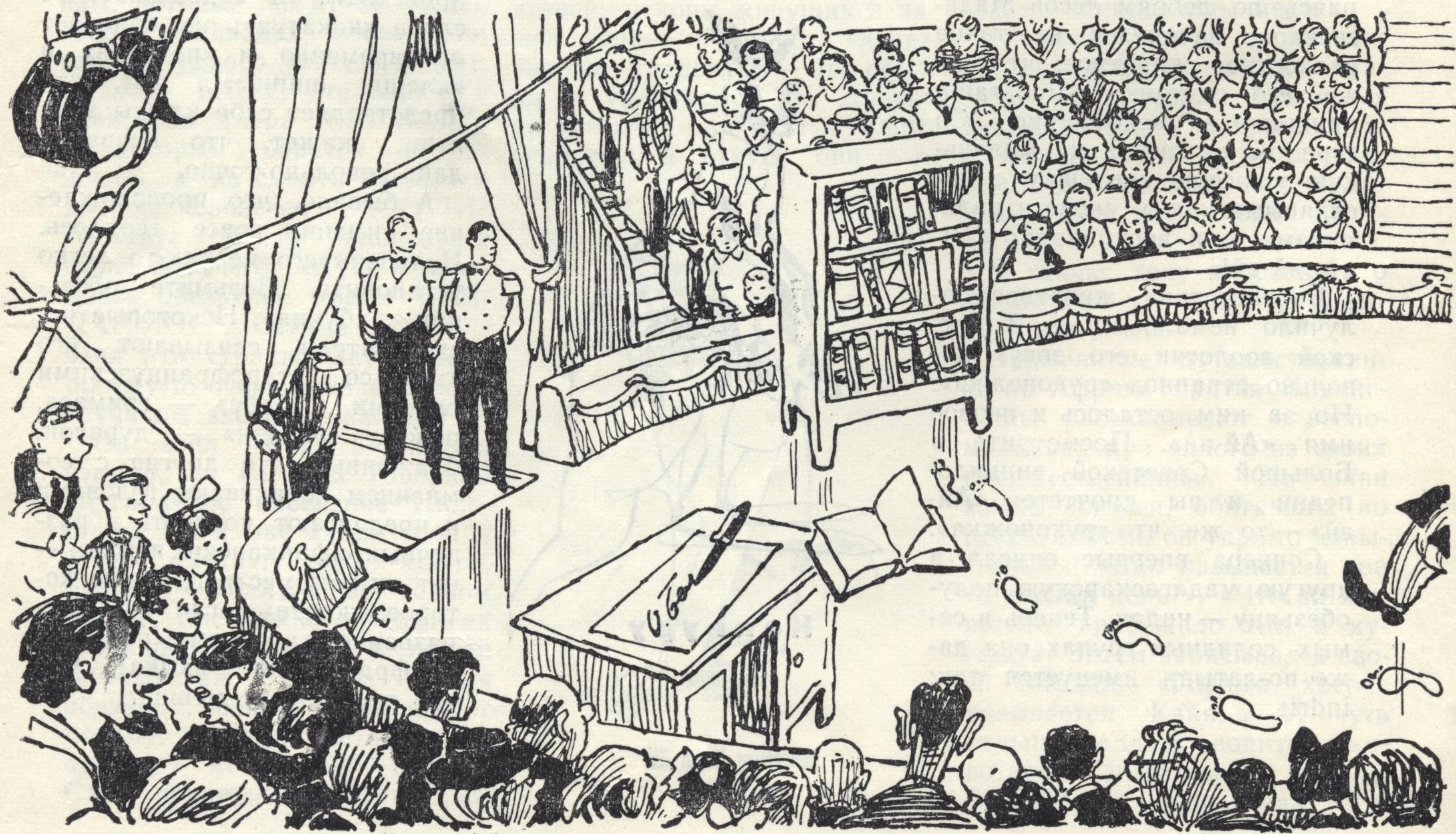
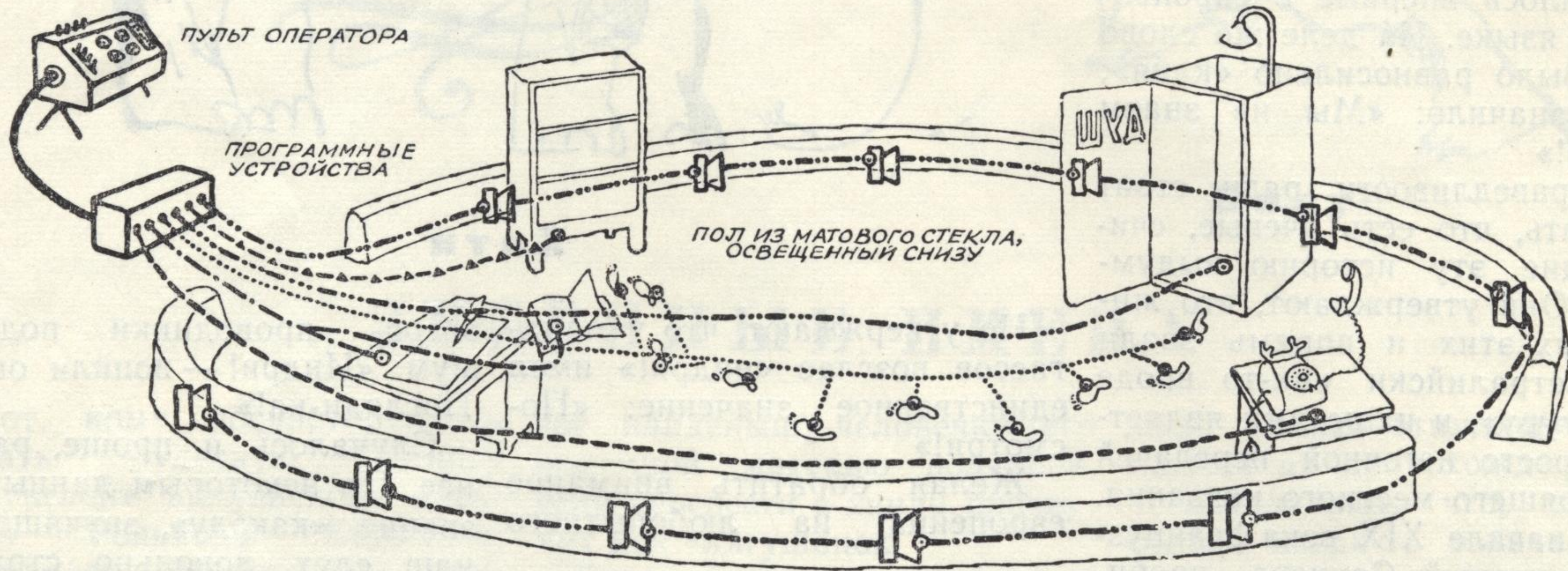
Два нахальных клоуна преследовали Невидимку. Во что бы то ни стало клоуны хотели схватить его и выведать секрет: как становиться невидимым.

Вот идет по манежу человек в клетчатой куртке, в больших черных очках. Клоуны бросаются к нему, но человек будто растворился в воздухе. А вокруг книжной полки начинают летать книги — это Невидимка их разглядывает. Сами собой зашелестели страницы блокнота — Невидимка решил поработать. Поднялась и раскачивается над столом телефонная трубка — Невидимке позвонили по телефону.

Шумит вода за стенками душевой кабины. Клоуны обрадовались: сейчас-то они все разузнают! Поднатужились — и дверь в кабину вылетела. Но за дверью только куртка да очки, а на белом матовом полу возникают один за другим мокрые следы. Клоуны, растопырив руки, бегают по арене, ловят — где там! Задержался канат, уходящий под купол: это Невидимка лезет вверх. Уж там, на воздушных снарядах, его вообще не поймать!

И снова чудеса. На письменном столе вдруг поднялась авторучка и выплывает на цирковых программках размашистую подпись: О. Белоусов, О. Белоусов, О. Белоусов...

Отар Александрович Белоусов — так зовут артиста

цирка, который придумал аттракцион «Человек-невидимка».

Секреты Отар Александрович держит только от клоунов. А зрители — пожалуйста, разгадывайте, вглядывайтесь внимательно, все происходит на ваших глазах.

Впрочем, сколько бы ни смотрели, догадаться не легко.

Белоусов давно уже, больше десяти лет назад, задумал перенести на цирковой манеж приключения Невидимки. Он долго собирал сведения о технических новинках и изобретениях, которые можно было применить при создании нового циркового представления. Транзисторы, мощные и в то же время миниатюрные электромоторчики, сделанные на наших заводах, последние достижения оптической промышленности — все это пришло на помощь артисту-иллюзионисту.

Точнейшее электронное устройство запрограммировано на выполнение операции «автограф». Прозрачными невидимыми рычажками поднимает оно ручку на письменном столе — и расписывается, в точности повторяя почерк своего повелителя.

Помощник Белоусова, техник-оператор Виктор Голдеев нажимает за кулисами кнопку — и выполняется другая операция, «следы». Одна за другой влажные войлочные стельки прижимаются к нижней поверхности стеклянного пола — а мы видим отпечатки мокрых босых ступней.

Невидимым остается для зрителей не только герой аттракциона. Невидим труд инженеров и техников, входящих в труппу наравне с артистами, не видны многие километры проводки, сотни выключателей и реле. Впрочем, если понаблюдать в антракте, как техники устанавливают аппаратуру, укладывают специальный фундамент и пол, — покажется, будто попал в лабораторию научно-исследовательского института.

Новый иллюзионно-приключенческий аттракцион

„Человек-невидимка“

под руководством и при участии

Отара БЕЛОУСОВА

Авторы сценария:

Юрий Благоев, Отар Белоусов, Александр Фальковский

Постановка и художественное оформление — Фальковский

Музыка Валентина Беленького

Художественный руководитель цирка

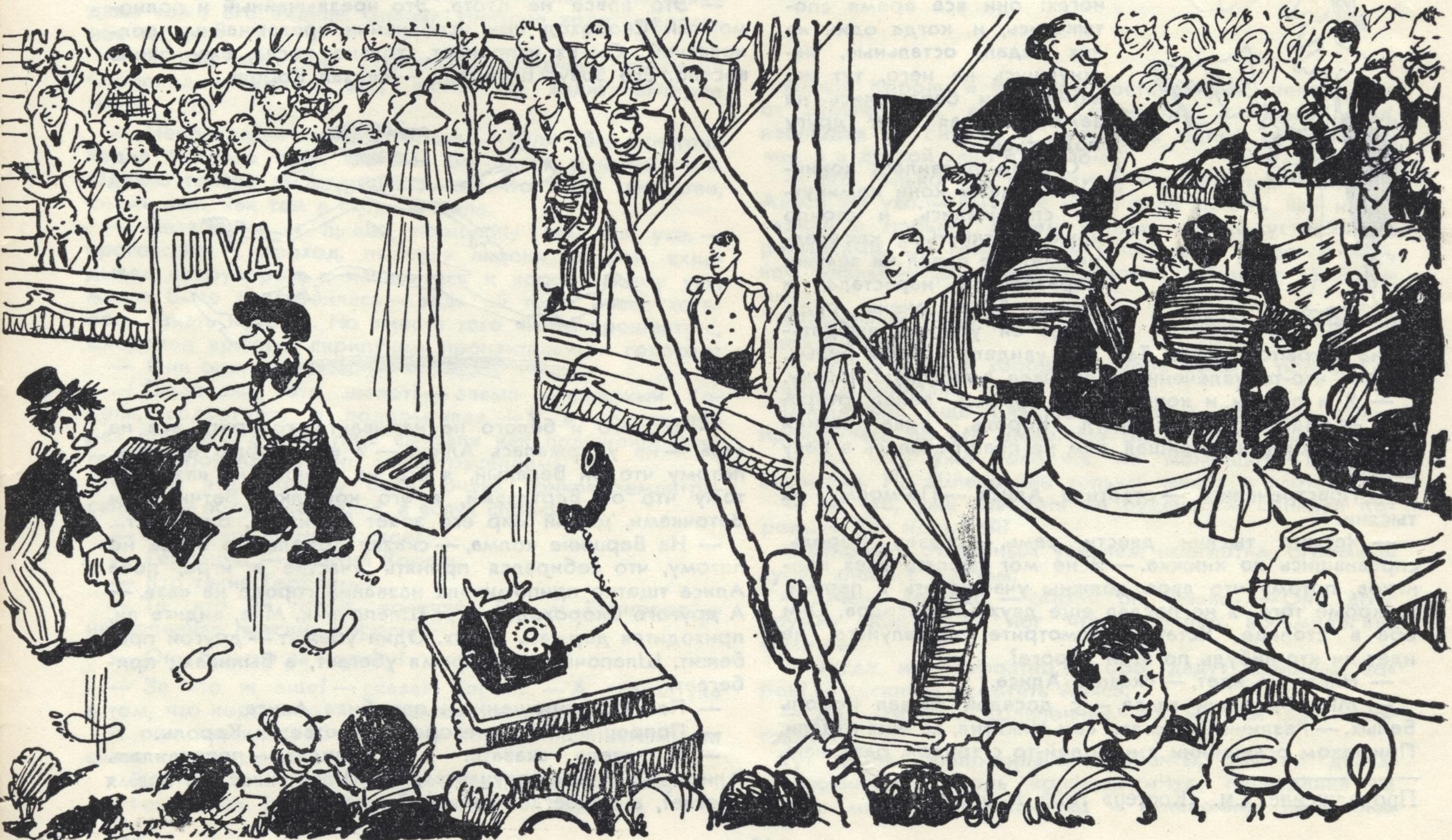
заслуженный деятель искусств СССР А. И. АЛЬФИН

Режиссер-исполнитель А. П. КАНАВ

Дирижер оркестра В. П. ПРГЕЕВ

Начало в 20 часов вечера.

Мы хотели вам рассказать, как, поднятая невидимой рукой, повисает в воздухе телефонная трубка. Но раздумали. Попробуйте сконструировать схему сами. Может быть, и без электроники обойдетесь? Тогда срочно сообщайте нам!

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

ПОВЕСТЬ

Льюис Кэрролл

Рисунки Г. Ковенчука

Глава седьмая

ГЕРБАНТЫ

И тотчас же в лесу появилась пехота: солдаты бежали по двое, по трое, потом отрядами по десять, по двадцать и, наконец, повалили так густо, что заполнили весь лес. Алиса испугалась, что ее растопчут, спряталась за дерево и смотрела на них оттуда.

В жизни не видела она солдат, которые бы настолько плохо держались на ногах: они все время спотыкались, и когда один из них падал, остальные, наткнувшись на него, тут же катились и барахтались на земле, мешая друг другу подняться.

Следом появилась конница. Но даже кони поминутно спотыкались, и стоило коню споткнуться, как всадник тут же падал на землю. Неразбериха нарастала, и Алиса была очень рада, когда ей удалось выбраться

на открытое место. Там она увидела Короля Белых. Король что-то увлеченно записывал в записную книжку.

— Я и пехоту и конницу на помощь велел отправить, — радостно воскликнул Король, едва завидя Алису. — Драгоценнейшая, вам не повстречались в лесу солдаты?

— Повстречались, — ответила Алиса. — По-моему, их тысячи.

— Четыре тысячи двести семь, — сказал Король, справившись по книжке. — Я не мог послать всех конников, потому что двое должны участвовать в партии. И, кроме того, я не послал еще двух Скороходов. Они оба в столице. Кстати, посмотрите, пожалуйста, не идет ли кто-нибудь по этой дороге?

— Никто не идет, — сказала Алиса.

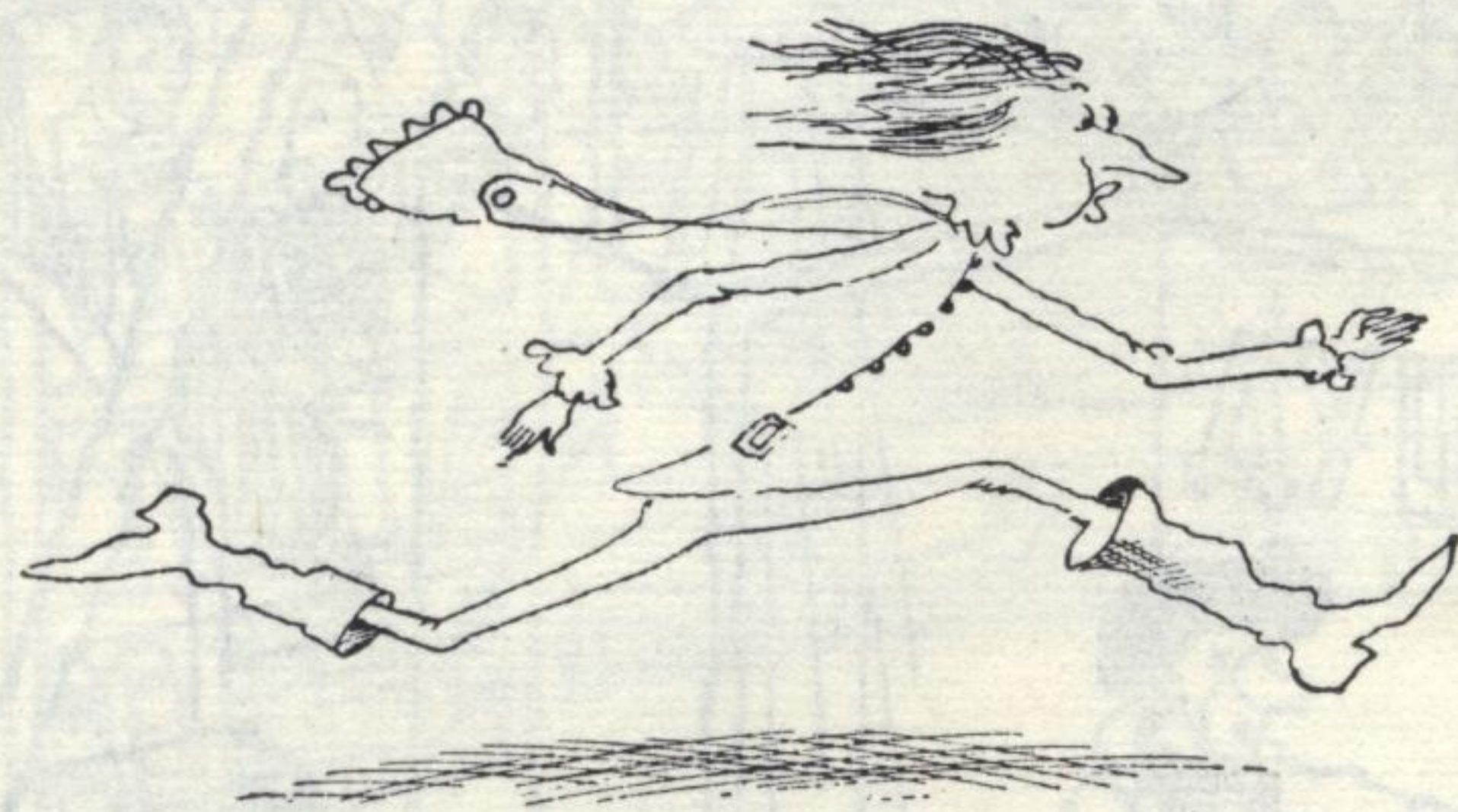
— Мне бы ваши глаза, — с досадой сказал Король Белых. — Различить, что это сам Никтоня, да еще издали. При таком освещении я и людей-то с трудом различаю.

Алиса не обратила внимания на эти слова, она напряженно всматривалась в даль, прикрыв глаза ладонью от яркого света.

— А вон кто-то идет! — воскликнула она наконец. — Но только очень медленно и как-то странно.

А это был Скороход, он на ходу подпрыгивал, приседал, извивался угрем и всюду размахивал длинными руками.

— Это вовсе не Ктота. Это чрезвычайный и полномочный Скороход при исполнении чрезвычайных полнокрачаний. Он их исполняет, только когда ему очень весело. Его зовут Вылизаяц, — сказал Король.

— Черного и белого не называйте, говорите все на «вэ», — не удержалась Алиса. — Я его люблю на «вэ», потому что он Веселый, я его не терплю на «вэ», потому что он Вертлявый, я его кормлю... Ветчиной и Веточками, целый мир его зовет Вылизаяц, он живет...

— На Вершине холма, — сказал Король, но вовсе не потому, что собирался принять участие в игре, пока Алиса тщетно припоминала название города на «вэ». — А другого Скорохода зовут Шлепочник. Мне, видите ли, приходится держать двоих. Один убежит — другой прибежит. Шлепочник все время убегает, а Вылизаяц прибегает.

— Попрошу прощения, — перебила Алиса.

— Попрошайничать нехорошо, — ответил Король.

— Я хотела сказать: я не поняла, — поправилась Алиса. — Как так получается, что Шлепочник все время убегает, а прибегает только Вылизаяц?

Продолжение. См. «Костер» №№ 3—5, 1969 г.

— Я же вам говорю, — нетерпеливо пояснил Король. — Скороходы должны догонять и перегонять. Так вот Шлепочник перегоняет, а Вылизаяц догоняет. Меня, конечно.

В это время Скороход наконец добрался до них. Он так запыхался, что слова произнести не мог, только размахивал руками и корчил бедному Королю устрашающие рожи.

— Эта юная дама любит на «вэ», — сказал Король, представляя Алису в надежде как-нибудь отвлечь внимание Скорохода от своей особы, но безуспешно: чрезвычайные полнокачия становились все невероятней, а вытаращенные глаза Вылизайца бешено вращались.

— Не пугай меня! — крикнул Король. — У меня ноги подкашиваются. Дай мне ветчины.

И тут Скороход к великому удовольствию Алисы раскрыл сумку, которая болталась у него на шее, и подал Королю ломтик ветчины. Король жадно проглотил его.

— Еще ветчины! — сказал он, снова протягивая руку.

— Ветчины больше нет, только веточки, — ответил Скороход, заглядывая в сумку.

— Ну, хоть веточек, — пробормотал Король, еле держась на ногах.

Алиса радовалась, глядя, как он, глодая веточки, приходит в себя.

— Когда подкашиваются ноги, бесподобное дело — поглотить веточку, — сказал Король.

— А по-моему, когда подкашиваются ноги, лучше всего понюхать нашатырного спирту, — возразила Алиса.

— Я же не сказал, что поглотить веточку лучше всего, я сказал, что это ни с чем не сравнимо, — ответил Король.

Алиса не рискнула спорить.

— Кто-нибудь там шел еще по дороге? — спросил Король у Скорохода, беря у него очередную веточку.

— Никто не шел, — ответил Скороход.

— Совершенно верно, — кивнул Король. — Эта юная дама тоже его видела. Значит, Никтоня ходит медленнее тебя.

— Я изо всех сил стараюсь, — обидчиво возразил Скороход. — Уверяю вас, никто не ходит быстрее меня.

— Неправда, — сказал Король. — Если бы Никтоня ходил быстрее тебя, он был бы здесь раньше тебя. Однако теперь ты отдышался, так что будь любезен, скажи нам, как там в столице дела.

— Позвольте, я лучше прошепчу вам на ухо, — проговорил Скороход, поднося ладони ко рту, складывая их рупором и наклоняясь к королевскому уху. Алиса было расстроилась — ведь ей тоже очень хотелось узнать новости. Но вместо того чтобы прошептать, Скороход крикнул скрипучим пронзительным голосом:

— Они опять за свое!

— По-твоему, это шепот? — взвыл несчастный Король, содрогаясь и подпрыгивая. — Я в следующий раз прикажу, чтобы тебя смазали как положено! Мне голову пронзило словно землетрясением!

«Тогда это, должно быть, очень тонкое землетрясение», — подумала Алиса, а вслух спросила:

— А кто это опять за свое?

— Гербанты, — ответил Король.

— Кто такие Гербанты?

— Те, кто на гербе, конечно. Лев и Единорог, — нетерпеливо пояснил Король.

— Они бьются за корону?

— За что ж еще? — сказал Король. — А вся штука в том, что корона-то моя! Бежим посмотрим!

И они пустились бежать: на ходу Алиса вспомнила слова старой песенки:

Бьются, бьются за корону Лев с Единорогом,
Гонит Лев Единорога по кружным дорогам.

Хлебных корок и бисквита им дают обоим,
От столицы отгоняют барабанным боем.

— А... кто... победит... тому... корона? — еле вымолвила Алиса, задыхаясь на бегу.

— Еще что! — сказал Король. — Конечно, нет!

— Пожалуйста, будьте добры, — проговорила Алиса, с трудом переводя дыхание, не в силах угнаться за Королем, — подождите минутку.

— Я давно уже добр, — ответил Король. — И я бы Минутку обязательно подождал, если б она шла медленно. Но она пробегает слишком быстро. У меня не хватает сил настолько обогнать ее, чтобы потом поджидать. Она проносится, как Цапчик, — попробуй догони.

Алиса слишком запыхалась, чтобы продолжать разговор, и они бежали молча, пока не увидели громадную толпу, посреди которой бились Гербанты. В туче пыли Алиса сначала не могла разобраться, где кто, но вскоре она разглядела рог и поняла, что это Единорог.

Алиса, Король и Вылизаяц остановились неподалеку от Шлепочника, второго Скорохода, который стоял, наблюдая за битвой, и держал в одной руке чашку чая, а в другой хлеб с маслом.

— Его только что выпустили, — прошептал Вылизаяц Алисе на ухо. — Ему так и не дали допить чай и посадили в тюрьму. А там кормят только устричными ракушками. Он голодный и хочет пить. Дорогой мой, как жизнь? — продолжал Вылизаяц, обнимая Шлепочника.

Шлепочник обернулся, кивнул и снова принялся за хлеб с маслом.

— Дорогой мой, хорошо ли тебе было в тюрьме? — спросил Вылизаяц.

Шлепочник еще раз обернулся, и большая слеза прокатилась по его щеке. Но он не сказал ни слова.

— Ты что, уже говорить не можешь?! — вспылил Вылизаяц. Но Шлепочник только чавкал и глотал чай.

— Ты что, уже говорить не будешь?! — крикнул Король. — Как идет бой?

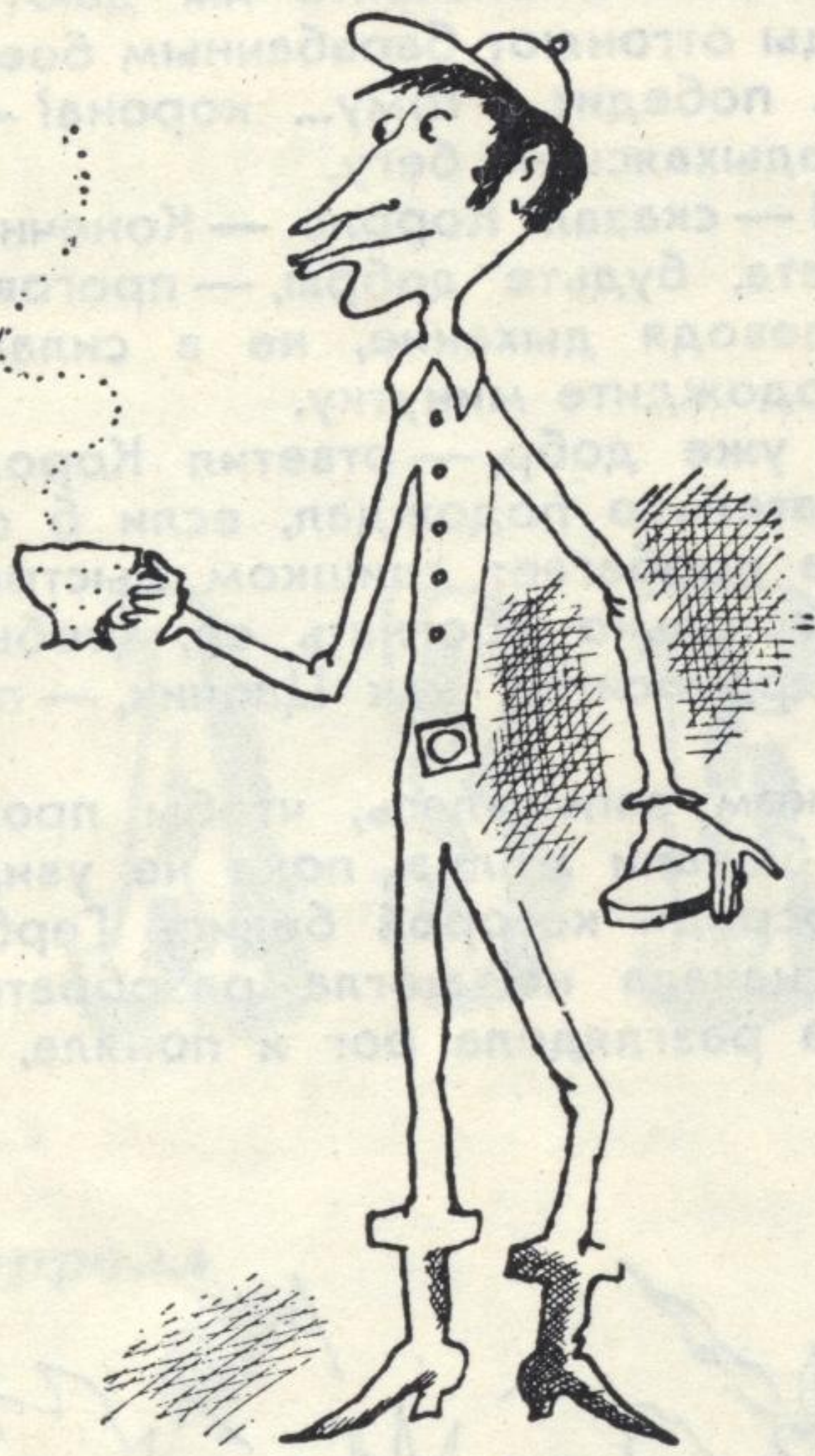
Шлепочник отчаянным усилием проглотил огромный кусок хлеба с маслом.

— Очень хорошо, — сказал он, давась. — Они друг дружку сбивали с ног что-то около восьмидесяти семи раз.

— Тогда им, вероятно, скоро дадут хлебных корок? — рискнула заметить Алиса.

— Да, — ответил Шлепочник. — Я их как раз изготавливаю.

Тут битва прекратилась, Гербанты, тяжело дыша, остановились. Король крикнул: «Чур, передышка на десять минут!», а Вылизаяц и Шлепочник принялись

таскать целыми корытами хлебные корки. Алиса взяла корочку попробовать — она была очень черствая.

— Вряд ли они нынче еще схватятся, — сказал Король Шлепочнику. — Ступай скажи, чтобы начинали барабанить.

И Шлепочник удалился прыжками, как кузнечик.

Некоторое время Алиса молча наблюдала за ним. Вдруг она встрепенулась.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула она. — Вон бежит Королева Белых! Вон из того леса! Как они быстро несутся, эти Королевы!

— Несомненно, за ней кто-то гонится, — сказал Король, не оглядываясь. — В том лесу полно врагов.

— А вы почему не бежите на помощь? — спросила Алиса, очень удивленная его спокойным тоном.

— Ах, это бесполезно, — ответил Король. — Она потрясающе быстро несутся. Как Цапчик — попробуй поймай. Но я, если позволите, запишу для памяти. Она такое милое доброе создание, — продолжал он с нежностью, открывая записную книжку. — Кстати, как пишется: «создание» или «сздание»?

В это время, заложив руки в карманы, мимо проходил Единорог. Он мельком взглянул на Короля и сказал:

— На этот раз я здорово дрался.

— Да, да, — ответил Король, почему-то явно нервничая. — Но все же смотри не задевай его своим рогом.

— Это он все время меня задевает, а я его не трогаю, — ответил Единорог, собираясь двинуться дальше, но тут взгляд его упал на Алису. Единорог резко обернулся, пригнулся и некоторое время смотрел на нее с видом глубочайшего отвращения.

— А это что такое? — спросил он наконец.

— А это Ребенок собственной персоной! — поспешно ответил Вылизаяц, выступая перед Алисой. При этом он совершил чрезвычайное полнокачие и широко взмахнул обеими руками. — Мы его только что нашли.

— Я до сих пор был убежден, что Ребенок — это чудо-юдо из сказки, — сказал Единорог. — Он живой?

— Он умеет говорить! — торжественно сказал Вылизаяц.

Единорог окинул Алису долгим взглядом и промолвил:

— Так говори же, Ребенок.

Алиса не смогла сдержать улыбки и сказала:

— Знаете, а я всегда думала, что чудо-юдо из сказки — это Единорог. Я до сих пор никогда не видела живого Единорога.

— Ну что ж, теперь мы друг друга увидели, — сказал Единорог. — И если вы поверите в мою натуральность, я поверю в вашу. Идет?

— Да, если вам угодно, — ответила Алиса.

— Эй, старина, подавай-ка бисквит, — продолжал Единорог, обращаясь к Королю. — Хватит с меня ваших корок.

— Пожалуйста, пожалуйста, — пробормотал Король и кивнул Вылизаяцу. — Открывай сумку, — прошептал он. — Быстро! Да не ту! Там веточки!

Но Вылизаяц уже вынул из сумки огромный бисквит и дал его Алисе подержать, а сам достал из той же сумки блюдо и нож. Как это все там умещалось, Алиса не могла уразуметь. «Это, наверное, такой волшебный фокус», — подумала она.

Тем временем подошел и Лев, он, казалось, очень устал и хотел спать, глаза его были полузакрыты.

— Это еще что такое? — сказал он глубоким и гулким, как из бочки, голосом, взглянув на Алису и лениво моргая.

— Что это такое? — громко воскликнул Единорог. — Вы ни за что не догадаетесь! Даже я не сумел!

Лев утомленно посмотрел на Алису.

— Вы животное... минерал... или растение? — спросил он, зевая после каждого слова.

— Это чудо-юдо из сказки! — вскричал Единорог, прежде чем Алиса успела ответить.

— Раз так, тебе и раздавать бисквит, чудо-юдо, — сказал Лев, ложась и кладя голову на лапы. — Вы оба тоже садитесь, — обратился он к Единорогу и Королю, — только смотрите, чтобы все было по-честному.

Королю между такими великанами явно не сиделось, но другого места не было.

— Вот тут-то бы и посражаться за корону, — сказал Единорог, лукаво поглядывая на украшение, которое готово было упасть у Короля с головы — так сильно он, бедняга, дрожал.

— Я бы в два счета победил, — сказал Лев.

— Вот уж не уверен, — возразил Единорог.

— Ты! Заячья душа! Да я тебя гоняю по всем кружным дорогам! — разозлился Лев, поднимаясь на передние лапы.

Король попытался предупредить ссору и сказал дрожащим голосом:

— По всем дорогам — путь немалый. Вы были возле старого моста и на рыночной площади? По-моему, самый лучший вид — как раз со старого моста.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — прорычал Лев и снова улегся. — Там такая пылица — ничего не видно. Чудо-юдо, сколько можно резать бисквит?

Алиса сидела на берегу ручейка, поставив блюдо на колени, и в который раз тщательно примеривалась ножом.

— Что за глупые шутки! — ответила она Льву, но совсем не потому, что он называл ее «чудо-юдо» — Я отрезала несколько ломтей, и они опять соединились.

— Ты просто не умеешь обращаться с зазеркальными бисквитами, — заявил Единорог. — Сначала раздай, потом разрежешь.

Это звучало глупо, но Алиса послушно встала и понесла блюдо по кругу. И тут же бисквит сам разделился на три куска именно так, как она хотела. «Вот теперь режь», — сказал Лев, когда она вернулась на место с пустым блюдом. Алиса недоуменно поглядела на нож, не зная, что делать, и села.

— Вот что! Это нечестно! — закричал Единорог. — Чудо-юдо дает Льву вдвое больше, чем мне!

— Зато себе оно совсем ничего не оставило, — сказал Лев. — Ты что, чудо-юдо, бисквитов не любишь?

Но прежде чем Алиса успела сообразить, что ответить, ударили барабаны.

Не понять было, откуда раздавался гром. Воздух наполнился гулом, в голове загудело, так что оглу-

шенная Алиса вскочила и в ужасе перепрыгнула через ручей.

И перед тем как упасть на колени и заткнуть уши, она еще успела увидеть, как Гербанты встают, злобно поглядывая на остатки прерванного пира. Некуда было деться от их устрашающего рева.

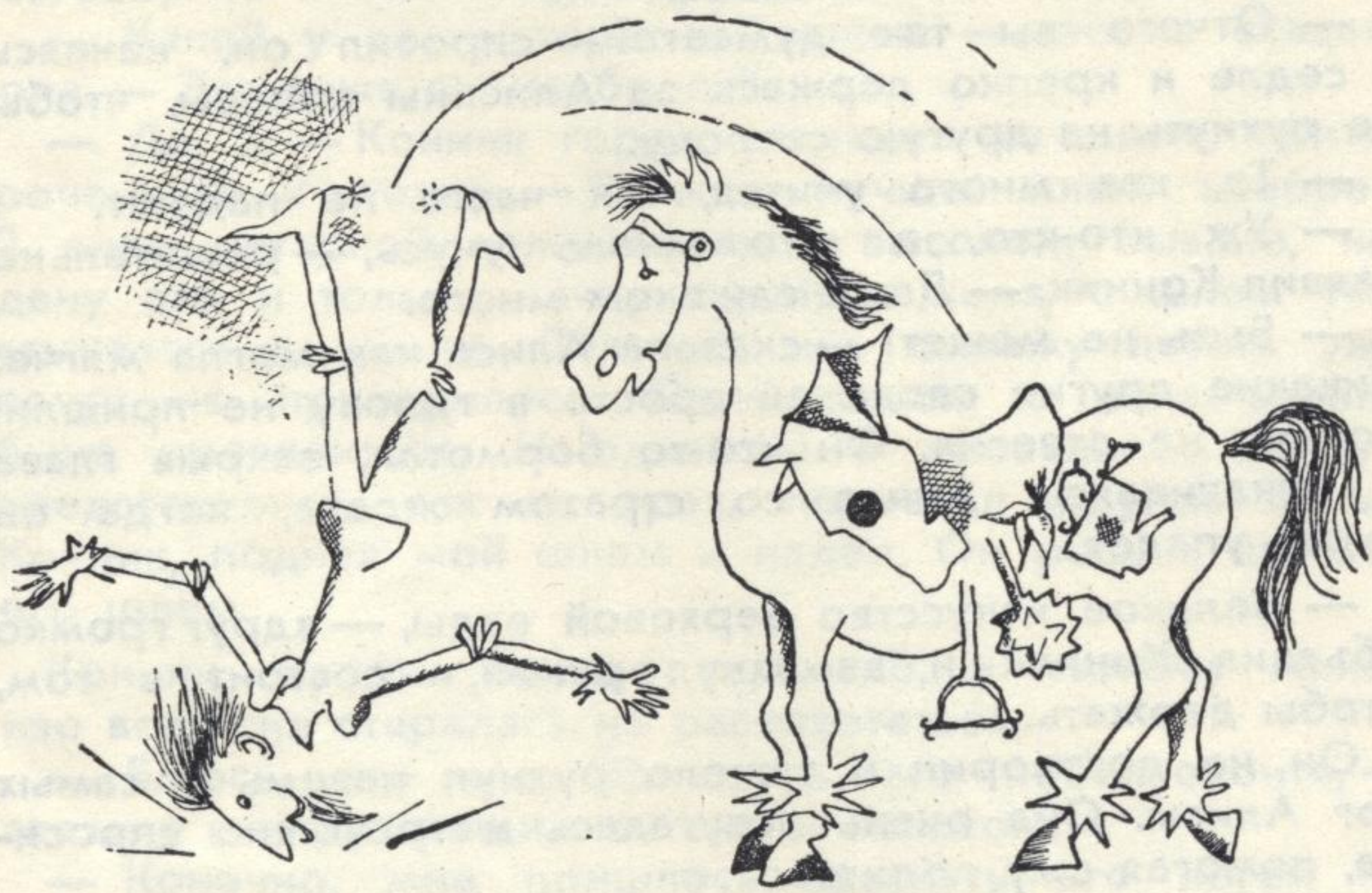
«Вот что значит — «от столицы отгоняют барабанным боем», — мелькнуло у нее в голове.

Глава восьмая

„ЭТО Я САМ ИЗОБРЕЛ“

Только после того как гул постепенно замер вдали и воцарилась мертвая тишина, Алиса осторожно подняла голову. Вокруг никого не было. Она подумала, что Гербанты и эти удивительные Скороходы со своими полноскачаниями ей просто приснились, но блюдо, на котором она пыталась резать бисквит, лежало у ее ног. «Значит, это не приснилось, — подумала она, — если только... если только мы все нечаянно не попали в один и тот же сон. Только, надеюсь, в мой сон, а не в сон Короля Черных. Мне в чужом сне как-то не по себе... Вот разбудю того, кому я снюсь, и посмотрю, что тогда получится!»

Но тут ее мысли были прерваны громким криком: «Гей! Гей! Стой!» Прямо к ней, размахивая громадной черной булавой, несся Конник, весь в черном, на вороном коне. Конь, поравнявшись с Алисой, стал, как вкопанный, а Конник, крикнув: «Ты моя пленница!» — вылетел из седла и грохнулся оземь головой.

Алиса попятилась. Правда, она испугалась больше за него, чем за себя, и с беспокойством следила, как он с трудом встает и карабкается на коня. Устроившись в седле, он начал было снова: «Ты моя...» — как вдруг опять раздался крик: «Гей! Гей! Стой!» Алиса удивленно оглянулась.

На этот раз кричал Белый Конник. Он во весь опор подскочил к Алисе, остановил коня, тут же вылетел из седла и грохнулся оземь головой точно так же, как и Черный. Затем он взобрался в седло, и оба Конника молча воззрились друг на друга. Алиса смущенно смотрела то на одного, то на другого.

— Я взял ее в плен, — сказал, наконец, Черный Конник.

— Да, но раз явился я, она снова свободна! — ответил Белый.

— Коли так, нам придется из-за нее сразиться, — проворчал Черный, снял с луки седла шлем, похожий на лошадиную голову, надел его и опустил забрало.

— Само собою разумеется, бой будет по всем правилам, — сказал Белый Конник, тоже надевая шлем.

— Как всегда, — ответил Черный, и они принялись лупцевать друг друга булавами с таким пылом, что Алиса на всякий случай спряталась за дерево.

«Интересно, что это за правила, — думала она, робко наблюдая за поединком из своего укрытия. — Первое правило, кажется, такое: когда один Конник ударит другого, он сбивает его с коня, а когда промахнется, валится сам. Второе правило: оба Конника должны размахивать булавами изо всех сил, как Петрушки в кукольном театре. С каким грохотом они падают! Словно каминные щипцы! А коням — словно бы ни почем. Стоят, как столы!»

Алиса не заметила еще одного правила: падая, Конники всегда ударяются головой оземь и заканчивается их поединок падением бок о бок. Именно после такого падения они встали, пожали друг другу руки, а затем Черный Конник взобрался на коня и умчался прочь.

— Ну как, славная была победа? — спросил, отдуваясь, Белый Конник.

— Не знаю, — Алиса покачала головой. — Я не хочу быть чьей-то пленницей. Я хочу быть Королевой.

— Переидете ручей и будете, — сказал Белый Конник. — Я буду охранять вас в пути, пока не кончится лес. А затем нам придется расстаться. Там кончается мой ход.

— Большое спасибо, — поблагодарила Алиса. — Давайте я помогу вам снять шлем.

Самому Коннику с этим явно было не справиться. Но Алисе после долгой возни удалось вытряхнуть его из шлема.

— Ну, теперь полегче дышать, — сказал Конник, приглаживая пряди белых волос и глядя на Алису большими кроткими глазами. «В жизни я не видела таких странных воинов,» — подумала Алиса.

Конник был облачен в луженые доспехи, очень плохо пригнанные, а сзади к панцирю, во всю ширину спины, была приделана вверх дном жестяная коробка необыкновенной формы; коробка была открыта, и крышка болталась на петельках. Алиса с любопытством осмотрела коробку.

— Я вижу, вам понравилась моя коробочка, — обрадовался Конник. — Это я сам изобрел. Туда можно прятать одежду и бутерброды. Я ношу ее вверх дном, чтобы туда не попал дождь.

— Но из нее же все выпало! — воскликнула Алиса. — Коробка-то открыта!

— Неужели? Я об этом не знал, — тень досады пробежала по лицу Конника. — Действительно, оттуда все вывалилось. Теперь мне она ни к чему.

С этими словами он отцепил коробку и уже собрался забросить ее в кусты, как вдруг, словно озабоченный внезапной мыслью, направился к ближайшему дереву и повесил коробку на ветку.

— Вы понимаете, зачем я это сделал? — спросил он. Алиса покачала головой.

— А вдруг в ней пчелы поселятся! Тогда у меня будет мед.

— Но у вас же и так к седлу прицеплен пчелиный улей, — удивилась Алиса.

— Да, это замечательный пчелиный улей, самый лучший, — вздохнул Конник. — Но ни одна пчела в него не залетает. Тут рядом висит мышеловка. И, наверное, пчелы и мыши друг дружку терпеть не могут. Не знаю только, кто больше.

— А зачем мышеловка? — удивилась Алиса. — Разве мыши забираются на лошадей?

— Возможно, вы и правы, — ответил Конник. — Ну, а вдруг они нагрянут. Не могу же я позволить им бегать, где вздумается.

— Видите ли, — продолжал он, помолчав, — надо всегда ко всему быть готовым. Именно поэтому у моего коня вокруг копыт шипы.

— А зачем? — полюбопытствовала Алиса.

— Чтобы акулы не покусали, — пояснил Конник. — Это изобрел я сам. А теперь помогите мне, пожалуйста, сесть верхом. Я поеду с вами до конца леса. А зачем это блюдо?

— Для бисквита, — сказала Алиса.

— Возьмем-ка его с собой, — предложил Конник. — А то вдруг мы найдем бисквит! Тогда без блюда как без рук. Помогите мне уложить его в мешок.

С блюдом пришлось повозиться, хотя Алиса очень старательно держала мешок: уж очень неловко Конник укладывал блюдо и раза два или три чуть сам не нырнул в мешок.

— Смотрите, отлично поместилось, — сказал он, когда, наконец, они справились с блюдом. — А ведь в мешке полно подсвечников.

Он прицепил мешок к седлу, уже и так увешанному каминными щипцами, совками, пучками морковки и множеством других вещей.

— Надеюсь, ваши волосы крепко держатся на голове? — осведомился Конник, когда они тронулись в путь.

— Как обычно, — улыбнулась Алиса.

— Значит, не очень крепко, — озабоченно сказал Конник. — Здесь такие густые ветры. Прямо сметанные. Все сметают.

— А вы еще не изобрели чего-нибудь, чтобы волосы уцелели? — поинтересовалась Алиса.

— Еще нет, — ответил Конник. — Но я придумал средство, чтобы они не падали.

— Очень интересно, какое?

— Сначала надо поставить палку торчком, — сказал Конник. — А затем надо привязать к ней волосы, как привязывают ветки в саду. Тогда волосы не упадут, даже если и выпадут. Вот что я изобрел. Если хотите, можете испробовать.

«Не очень-то это удобно», — пробормотала Алиса.

В раздумье она несколько минут шла молча. То и дело ей приходилось останавливаться, чтобы помочь бедняге Коннику, который из рук вон плохо ездил верхом.

Стоило коню остановиться, — а он только и делал что останавливался, — как Конник летел через его голову. Стоило коню тронуться с места, — а трогался он ни с того ни с сего, — как Конник летел назад через круп. На ходу он держался почти прилично, но время от времени внезапно падал то вправо, то влево. При этом он чаще падал на ту сторону, с которой шла Алиса, и она быстро сообразила, что лучше держаться не слишком близко к коню.

— Боюсь, что вы мало учились верховой езде, — заметила она, помогая Коннику встать после пятого падения.

Конник, казалось, очень удивился и даже немножко обиделся, услышав эти слова.

— Отчего вы так думаете? — спросил он, качаясь в седле и крепко держась за Алисины волосы, чтобы не рухнуть на другую сторону.

— Те, кто много учится, так часто не падают.

— Уж кто-кто, а я-то много учусь, — решительно заявил Конник. — Даже слишком много.

— Быть не может! — сказала Алиса как могла мягче. Никакие другие слова ей просто в голову не пришли. Конник не ответил. Он что-то бормотал, закрыв глаза и покачиваясь. Алиса со страхом ждала, когда он снова упадет.

— Великое искусство верховой езды, — вдруг громко объявил Конник и взмахнул рукой, — состоит в том, чтобы держать...

Он не договорил и тяжело рухнул наземь у самых ног Алисы. Она очень испугалась и тревожно спросила, помогая ему подняться:

— Надеюсь, у вас все кости целы?

— Да ну их совсем! — отмахнулся Конник, словно поломать две-три косточки — пустячное дело. — Великое искусство верховой езды, я хотел сказать, состоит в том, чтобы хорошо держать равновесие. Вот смотрите!

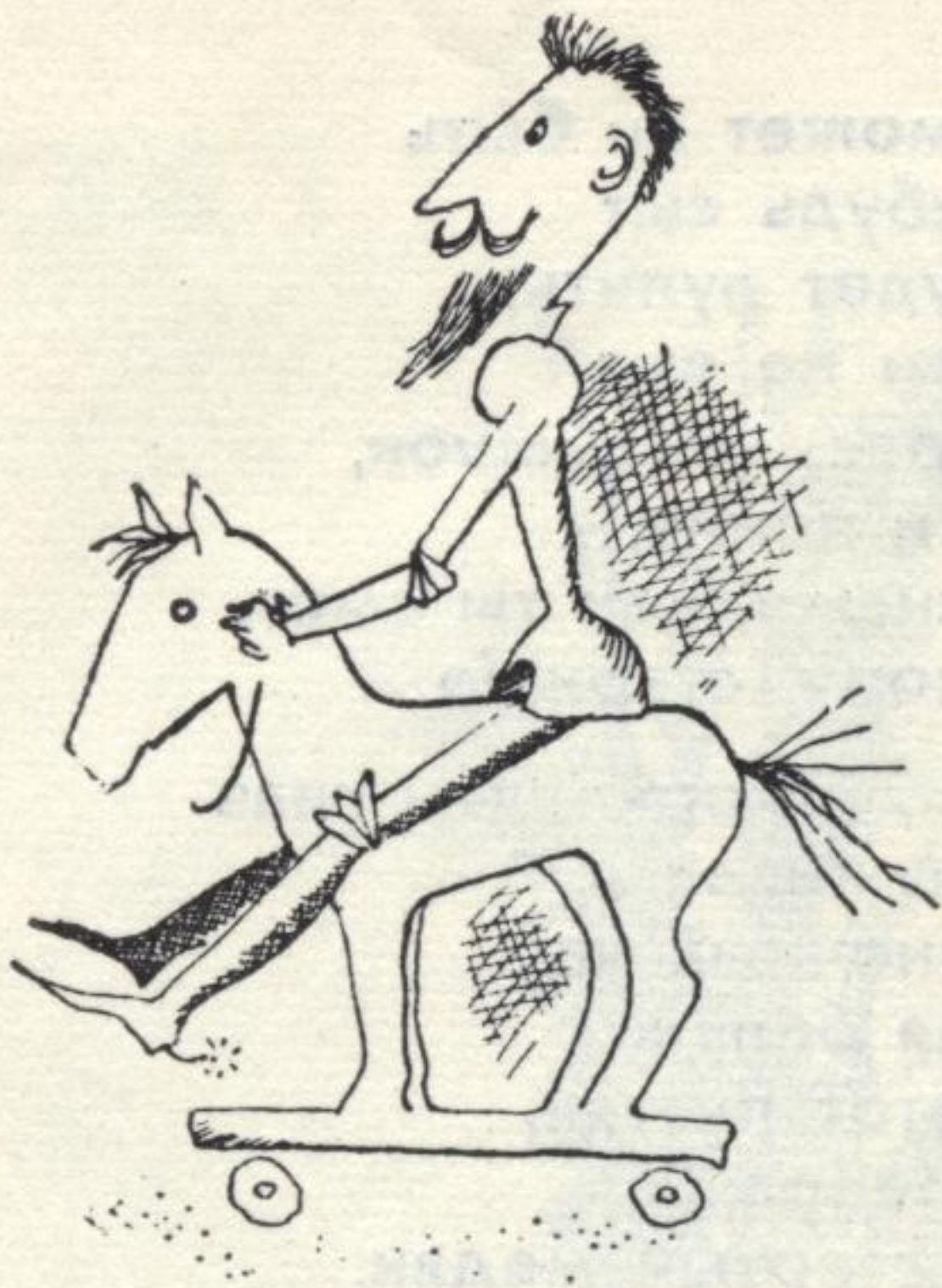
Он отпустил поводья и широко расставил руки, чтобы показать Алисе, как это делается, и тут же упал навзничь, прямо под копыта коня.

— Вот видите я даже слишком много учусь, — повторил он, пока Алиса пыталась его поднять. — Слишком много.

— Что за посмешище! — теряя, наконец, терпение, крикнула Алиса. — Знаете что, вам впору ездить на деревянной лошадке с колесиками.

— А у нее ровный ход? — с большим интересом спросил Конник, хватаясь за лошадиную гриву, чтобы снова не упасть.

— Уж ровней, чем у живой! — Алиса тщетно пыталась подавить смех.

— Надо бы завести одну такую, — озабоченно сказал Конник. — Или даже парочку.

Помолчав немного, он вдруг сменил тему разговора.

— Я, знаете ли, очень ловко умею изобретать. Вы, надеюсь, заметили, когда любезно помогали мне подняться, что я был погружен в глубокую задумчивость.

— И в песок, — сказала Алиса.

— А все потому, что как раз в этот момент я изобретал новый способ проходить через калитку. Хотите знать, какой?

— Да, очень, — учтиво ответила Алиса.

— Я расскажу вам все по порядку, — сказал Конник. — Мне вдруг пришла в голову мысль: «Голова и так достаточно высоко. Она через калитку пройдет. Вся трудность в том, чтобы через калитку прошли ноги». Теперь представьте себе: я упираюсь макушкой в верхнюю перекладину калитки — голова как раз на этом уровне — затем становлюсь на голову, и вот ноги тоже достаточно высоко, чтобы пройти через калитку. Через. Понимаете?

— Что через, а не сквозь, я понимаю, — озабоченно сказала Алиса. — Но вы не думаете, что это слишком сложно?

— Я еще не испробовал, — серьезно ответил Конник. — Пока ничего определенного сказать не могу, но боюсь, что это, может быть, и не просто.

Он как-то сразу сник, и Алиса решила быстренько заговорить о чем-нибудь другом.

— Какой у вас интересный шлем! — весело сказала она. — Это тоже вы изобрели?

— Да, я. — Конник гордо поглядел на шлем, притороченный к седлу. — Я еще лучше шлем изобрел. В виде сахарной головы, такой высокой. Бывало, надену его и только начну падать с коня, а шлем уже втыкается в землю. Так что мне самому лететь уже почти не приходилось. Одно плохо: в него можно было провалиться. И однажды я провалился. И тут, представляете, как на грех, подъехал другой Белый Конник, поднял мой шлем и надел. Он решил, что это его шлем.

Конник говорил вполне серьезно, и поэтому Алиса изо всех сил старалась не расхохотаться.

— Боюсь, что вам пришлось его побеспокоить, — сказала она дрожащим от смеха голосом.

— Конечно, мне пришлось трахнуть его ногой по голове, — все так же серьезно продолжал Конник. — Он сбросил шлем и убежал. А я бился несколько часов, чтобы выбраться оттуда. Я бился... как лев!

— Но ведь это «биться» совсем в другом смысле, — возразила Алиса.

— Я бьюсь во всех смыслах, — покачал головой Конник. — Во всех, уверяю вас!

Он взмахнул рукой, но тут же скатился с седла и глубоко уткнулся головой в какую-то яму.

Последние минуты Конник держался совсем прилично. Поэтому его падение застало Алису врасплох. Вдобавок, она испугалась, что на этот раз он сильно ушибся. Но, подбежав к яме, из которой торчали его ноги, она с облегчением услышала, что, стоя на голове, он совершенно спокойно продолжает разговор.

— Я бьюсь во всех смыслах, — говорил он. — А с его стороны было по меньшей мере легкомысленно надевать чужой шлем, тем более когда внутри шлема его настоящий хозяин.

— Как вы можете так спокойно рассуждать, торча вниз головой! — сказала Алиса, вытаскивая его за ноги из ямы на кучу песка.

Конник очень удивился.

— А при чем тут положение тела? — сказал он. — Ход мыслей от этого не изменяется. По правде говоря, чем дольше прстоишь на голове, тем хитроумней штуку изобретешь.

— Самое лучшее мое изобретение, — продолжал он, немного помолчав, — это третье, я изобрел его, когда ел второе.

— Как раз вовремя, чтобы его успели приготовить, — сказала Алиса. — И то, наверное, пришлось поторопиться?

— То-то, что не вовремя, — Конник призадумался. — Даже вовсе не вовремя.

— Ну, так приготовили бы назавтра!

— То-то, что и не назавтра, — Конник опустил голову. — По правде говоря, его не приготовили вообще. По правде говоря, его никогда не приготовят. Но это очень хитрое третье, и 'его очень трудно было изобрести.

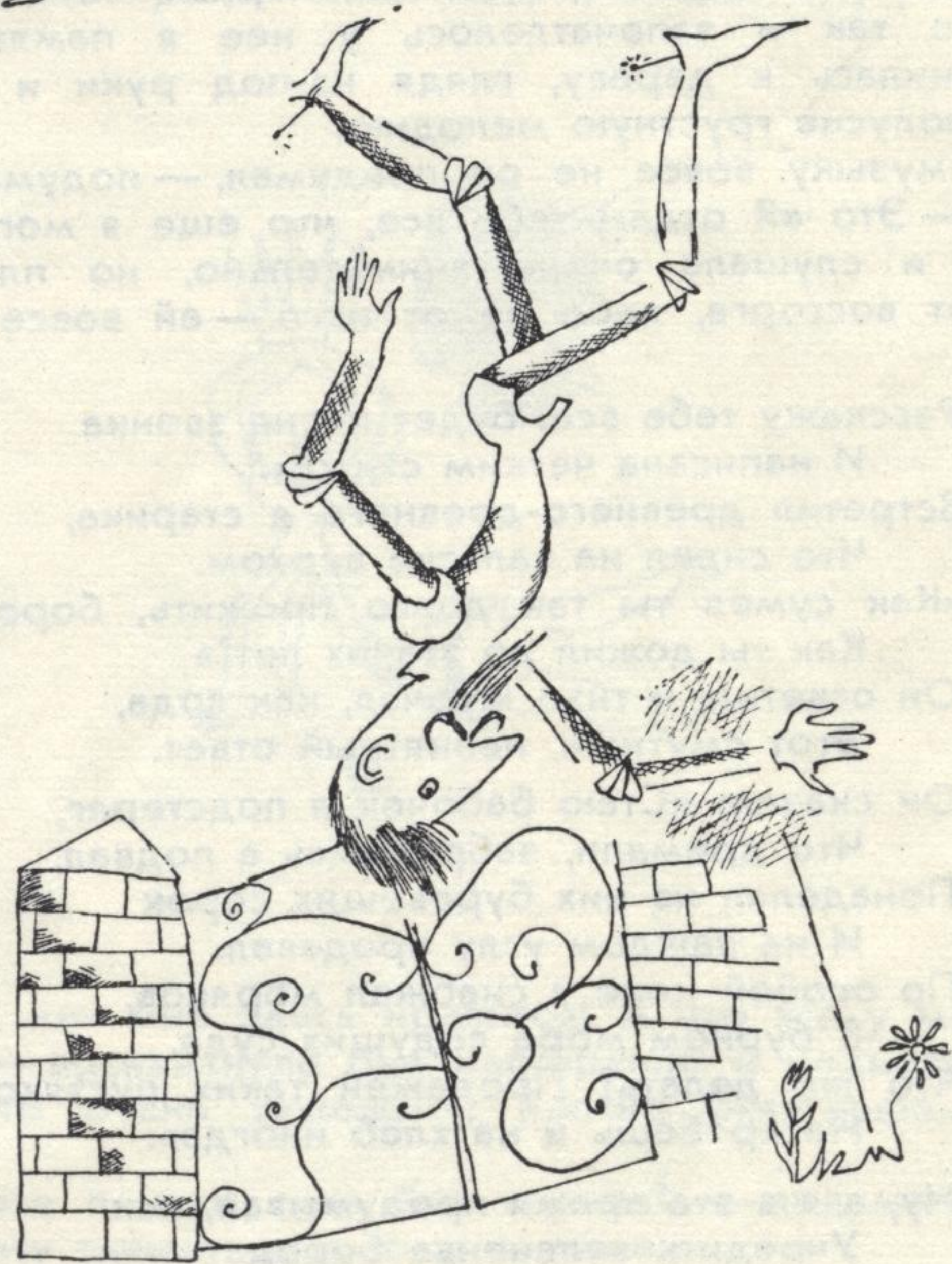
Бедный Конник совсем пал духом.

— А из чего его надо делать? — спросила Алиса, надеясь приободрить Конника.

— Сначала надо смять бумажку, — всхлипнул он.

— Боюсь, что это немножко не то...

— Конечно, само по себе не то, — оживляясь, пере-

бил Конник. — Но вы представить себе не можете, как все изменится, если подмешать пороха и сургуча. Но тут я должен покинуть вас. Мы дошли до конца леса.

Алиса не ответила; она все еще думала о третьем.

— Вы опечалены, — заволновался Конник. — Разрешите мне утешить вас песней!

— Она длинная? — спросила Алиса. На ее долю в этот день и так пришлось слишком много стихов.

— Она длинна, — ответил Конник, — но зато прекрасна. Все, кто слышал ее, плакали либо от восторга, либо...

— Либо от чего? — спросила Алиса, потому что он внезапно умолк.

— Либо не от него, — закончил Конник. — Название этой песни называется «Корюшкин глаз».

— Это песня так называется? — Алиса старалась сделать вид, что ей очень интересно.

— Да нет же, вы не поняли, — с некоторой досадой сказал Конник. — Так называется название. А само название по-настоящему — «Древний-древний старик».

— Ага, значит, это песня про древнего-древнего старика?

— Нет. Одно дело название, другое дело — про что песня. Это песня про то, как, почему и посредством чего. Понимаете?

— Что ж это за песня такая? — проговорила Алиса, окончательно сбита с толку.

— Всеми свой черед, — сказал Конник. — «На калитке верхом» — вот такая это песня. А музыку к ней я придумал сам.

С этими словами он остановил коня и отпустил поводья.

Одной рукой неторопливо отбивая такт, он светло и мягко улыбнулся, словно мелодия, которую он затянул, доставляла ему большую радость.

Изо всех невероятных вещей, виденных и слышанных во время ее путешествия по Зазеркалью, эту песню помнила она лучше всего и дольше всего. Много лет прошло с тех пор, а в памяти ее эта сцена вставала как живая: кроткие голубые глаза Конника, предзакатное солнце, горящее в его волосах, яркие солнечные блики на его доспехах, медленно выступающий конь (он щиплет траву у ее ног, потряхивая поводьями), длинные черные тени леса, — все это так и запечатлелось у нее в памяти. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки и слушая как в полусне грустную мелодию.

«Но музыку вовсе не он придумал, — подумала она тогда. — Это «Я отдам тебе все, что еще я могу». Она стояла и слушала очень внимательно, но плакать — либо от восторга, либо не от него — ей вовсе не хотелось.

Расскажу тебе все. Будет песня звонка
И написана четким стихом.
Встретил древнего-древнего я старика,
Что сидел на калитке верхом.
«Как сумел ты так долго прожить, борода?
Как ты дожил до таких лет?»
Он ответил, и тихо журчал, как вода,
Этот смутный, невнятный ответ.
Он сказал: «Стаю бабочек я подстерег,
Что дремали, забравшись в подвал,
Понаделал из них буревищих сорок
И на каждом углу продавал.
По особой цене я снабжал моряков,
В бурном море ведущих суда.
Что же делать? Продажей таких пустяков
Наскрбешь и на хлеб иногда».

Ну, а я в это время продумывал, как
Учредить зелененье бород
И раздать веера, чтобы скрыть от зевак
Эту новость на годы вперед.
Я вклеил старику здоровенный щелчок,
Не придумав достойный ответ,
И опять закричал: «Расскажи, как ты смог,
Как ты дожил до таких лет?»

Непонятен был смысл его смутных речей.
Он сказал: «Я бродил среди гор,
И как только встречался мне горный ручей,
Я совал его тотчас в костер.
Выходила из этого нужная смесь —
«Блестелин» для начистки ножей.
Исчислялся доход мой от этого весь
То ли в пять, то ли в десять грошей».

Ну а я все обдумывал, может ли быть
Колотушками кто-нибудь сът
И как часто его надо будет лупить,
Чтобы он был упитан на вид.
Я схватил старика и затряс, как мешок,
Так что он посинел и поник,
И опять закричал: «Расскажи, как ты смог,
Как ты жив по сию пору, старик?»

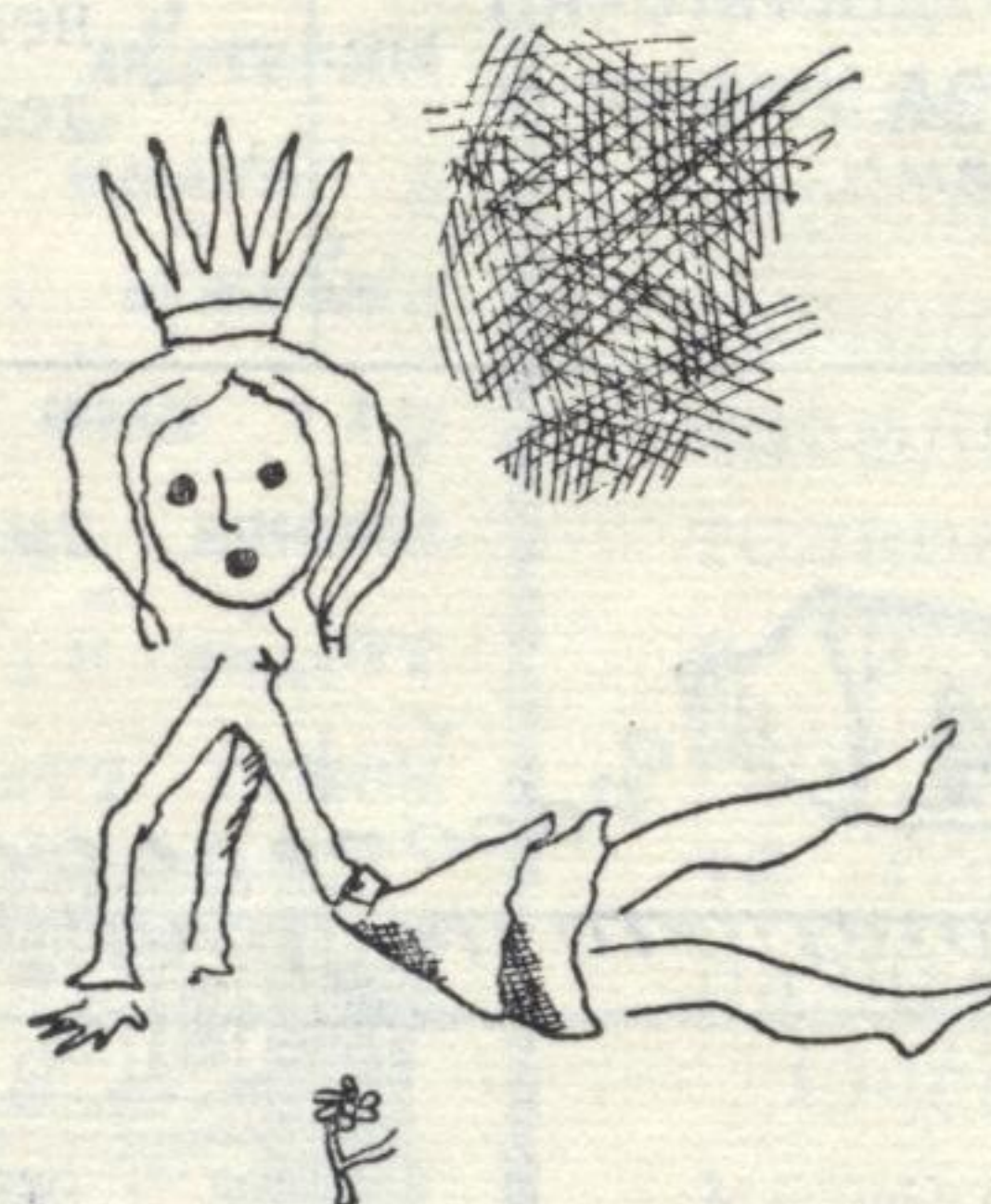
Он сказал: «А случилось, и корюшкин глаз
В ясный полдень выуживал я,
И из этого глаза в полуночный час
Делал пуговичку для белья.
Золотой не отваят за этот пустяк,
Не отваят тебе серебра,
Заработаешь разве что стертый медяк,
Если в нем в серединке дыра».

«То, глядишь, отыскал пирога уголок,
То изюминку в булке, то две,
То нечаянно жук попадет в силоч,
То найдешь колокольчик в траве.
Так, с того да на сё, жизнь я прожил свою
И под старость стал даже богат.
И за ваше здоровье, почтеннейший, пью!
Очень рад, очень рад, очень рад!»

Эти речи я все же поймал на лету,
Но зато рассчитал не вполне,
Как мосты сохранять, кипятя их в спирту,
За отсутствием спирта — в вине.
Я «спасибо» сказал, сколько раз — и не счесть,
И за повесть, как он богател,
И особо за то, что он пил в мою честь,
Хоть не пил он, а только хотел.

И теперь, если локти я в клей обмакну,
Если стукнусь об угол плечом,
Не на ту себе ногу сапог натяну,
Или палец порежу мечом,
Я, конечно, всплакну потихонечку, но
Не по поводу всех этих дел,
А по том старики, что качался смешно,

Королева! Но сперва постойте здесь, посмотрите мне вслед, — добавил он, увидев, что Алиса нетерпеливо глядит вперед. — Это долго не продлится. Помашите мне платочком, когда я буду скрываться за поворотом. Мне кажется, это меня очень поддержит.

— Конечно, я подожду, — сказала Алиса. — Большое спасибо вам за то, что проводили меня так далеко, и за песню. Она мне очень понравилась.

— Хорошо, если так, — неуверенно ответил Конник. — Но вы не плакали от восторга, как я ожидал.

Они пожали друг другу руки, и Конник медленно направился в лес. «Надеюсь, недолго мне придется смотреть ему вслед, — думала Алиса, провожая его взглядом. — Вот так езда! Опять вниз головой, как всегда! Однако, он и сам легко забирается в седло! Еще бы! У него там столько разных зацепок повешано». Конь плелся не спеша по дороге, а Конник валился с него то вправо, то влево. После четвертого или пятого падения он добрался до поворота, и тогда Алиса стала махать ему платочком и махала, пока он не скрылся за деревьями.

«Надеюсь, это его поддержало, — подумала она, сбегая с холма. — Последний ручеек, и я — Королева! Как это замечательно звучит».

До ручейка осталось несколько шагов.

— Восьмая клетка! Ур-ра! — крикнула Алиса, прыгнула...

...и с размаху бросилась на мягчайший луг, усеянный цветами.

Чьи глаза, как огонь, борода, как руно,
Чье лицо было белое, как полотно,
Кто умел отвечать до того мудрено,
Что не мог ничего я понять все равно,
Что казался ужасно подавленным, но
За здоровье мое был готов пить вино,
Что мне встретился очень и очень давно,
Что верхом на калитке сидел.

Допев последние слова, Конник подхватил поводья и повернул коня обратно.

— Вам осталось пройти совсем немножко, — сказал он. — Спуститесь с холма, перейдете ручей и вы —

— Ой, как мне здесь нравится! А что это у меня на голове? — воскликнула она растерянно и подняла руки к чему-то очень тяжелому, плотно охватившему голову.

«Как это попало туда без спроса?» — подумала она, снимая эту тяжесть с головы на колени.

Оказалось, это золотая корона.

Окончание следует

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ,

помещенные на последней странице обложки «Костра» № 4

«Лето спорту»; «Динамо» Тбилиси, «Динамо» Киев, «Спартак» Ереван, «Заря» Луганск.

Дерево-фонарик

В Северной Африке растет дерево под названием чия, кора которого содержит в себе большое количество фосфора, излучающего свет. Этого света достаточно для чтения под деревом в темное время.

Картошка, не дыши!

Если взвесить мешок картофеля, пролежавший зиму, то окажется, что он стал на 2—3 килограмма легче, чем был осенью. Это клубни израсходовали на дыхание часть крахмала, содержащегося в них.

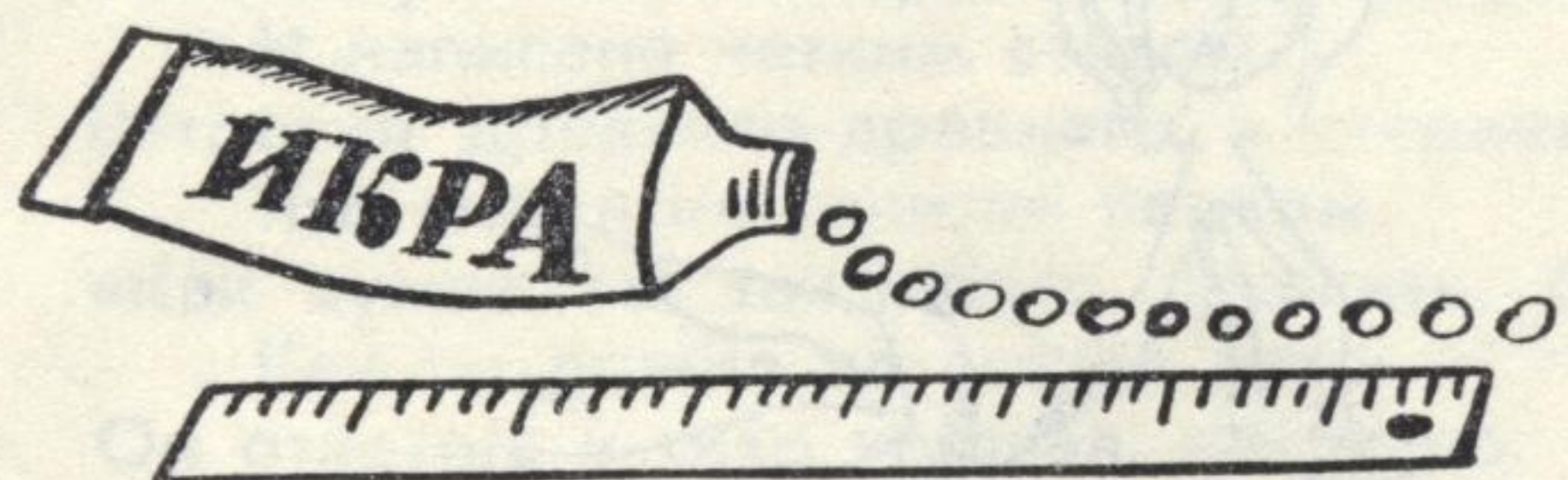
Еще больше растения затрачивают крахмала на дыхание, когда растут. Выходит, что часть урожая из-за этого никогда не попадает в закрома.

Как же сберечь эту часть? Советские ученые установили, что для этого надо перед посадкой вымочить клубни в растворе из суперфосфата с небольшой дозой железного купороса.

„Стоять под кроной опасно“

Такую надпись читают посетители Сухумского ботанического сада, подходя к дереву, огороженному металлической сеткой. Ствол дерева, листья, цветы покрыты ядовитым растительным воском. Стоит прикоснуться к ним, как на коже образуется опухоль. А если с дерева упал лист на незащищенную часть тела — жди нарыва.

Но опасное дерево — оно называется сумах лаковый — приносит большую пользу художникам. Смолистое вещество, получаемое из него, обезвреживают на химических заводах и делают лак для росписи шкатулок, ваз, блюд.

Икра на метры

Фабрика по изготовлению рыбных консервов в Осло выпустила икру в небольших 55-граммовых тюбиках. Одновременно в прессе появилось рекламное объявление: один такой тюбик содержит 2,4 метра икры.

Для проверки рекламы необходимо только... уложить все икринки друг за другом.

Взрывающаяся устрица

Обычным весенним днем по центральной улице американского города Атланта промчалась полицейская машина и следом грузовой автомобиль с саперами.

Кавалькада остановилась у ресторана.

Столпившиеся на улице зеваки решили, что в ресторане злоумышленниками подложена бомба.

Однако дело было в... устрице. Приготовляя закуски, повар обнаружил в раковине одной устрицы взрыватель от артиллерийского снаряда.

Устрица была обезврежена. Но на этом история не кончилась. В район, где выловили устрицу, были посланы водолазы. Они обнаружили затопленный груз боеприпасов.

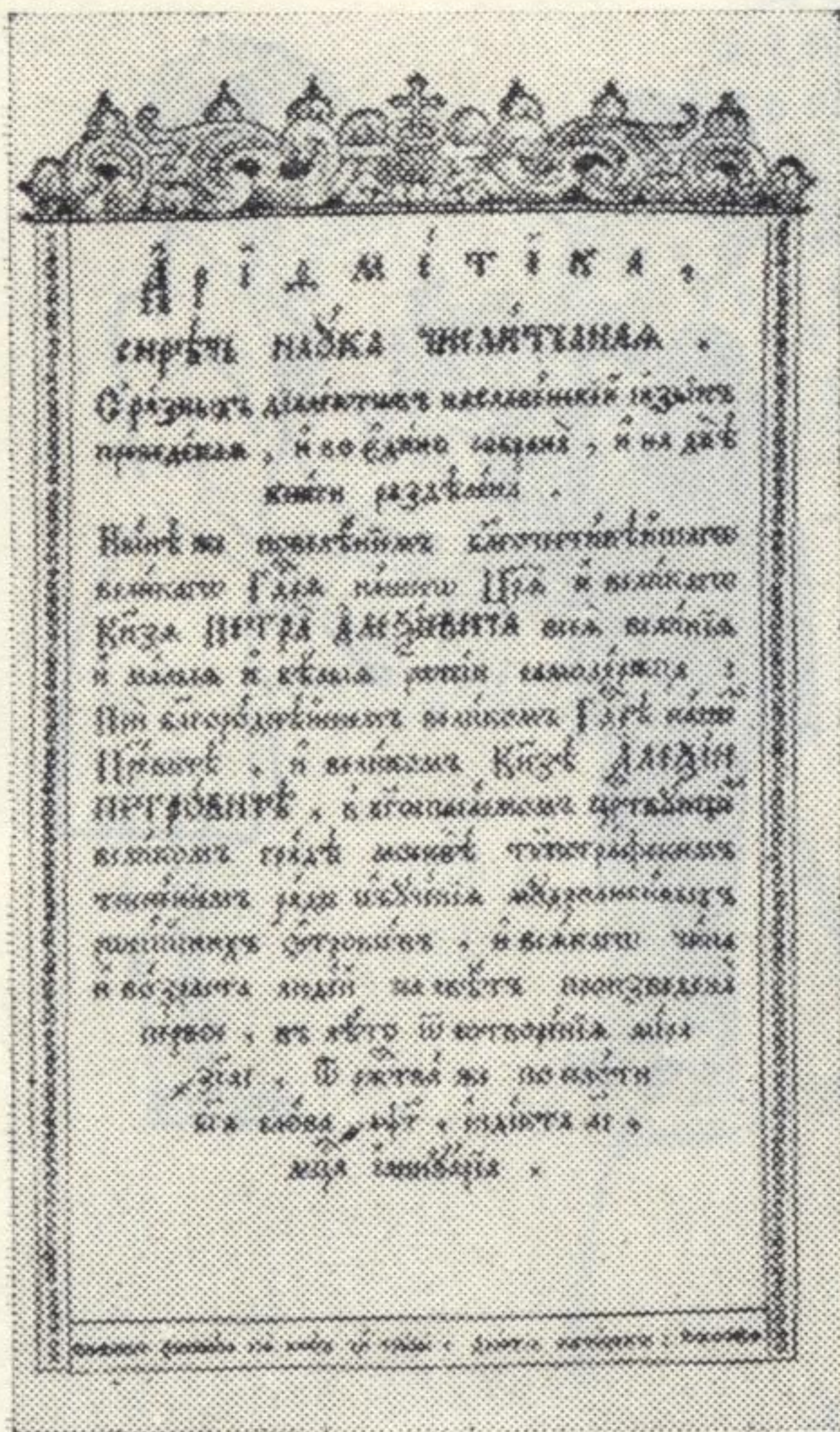

Молния за рулем

Недавно в Вене случилось весьма редкое происшествие. Молния угодила в антенну стоявшего у тротуара автомобиля. Сильный разряд тока включил стартер, и машина поехала. Она двигалась до тех пор, пока не врезалась в стену.

„... Через труды Леонтия Магницкого“

науками. Но самым сильным увлечением его была математика.

Ее он изучил самостоятельно, без наставников, без помощников, — не даром на одной из первых страниц «Арифметики» неброская, но гордая надпись:

«Сочинена сия книга чрез труды Леонтия Магницкого».

Магницкий рассказывал в своей книге о числах целых и о «числах ломаных и с долями» (так называл он дроби и смешанные числа), о числах-«перстах» (однозначных) и

о числах-«составах» (многозначных), о том, как «исчислить великое и малое в продажах и куплях, в мерах и весах, и во всякой цене и во всяких деньгах, и во всех царствах всего мира».

В книге есть сведения не только по математике, но и по астрономии, географии, мореплаванию. Здесь названия ветров, таблицы «земных измерений», толкования о длине дня в различных местах, географическая широта городов «всяких и разных».

Очень много в «Арифметике» рисунков: зубчатые башни, воины в шлемах, мешки с житом, коробка, связки копий, бочки, ядра... Рисунки эти поясняли задачи, «проблемы» как называли их тогда.

Вот одна из «проблем». Попробуй решить!

«Такоже 329 человек солдат посланы на службу. Дано им корму на 10 месяцев. Они же токмо были на службе 7 месяцев, и на сколько человек корму еще осталось?»

В ленинградской Публичной библиотеке хранится книга. Красный кожаный переплет, на боку бронзовые застёжки. Страницы из серой плотной бумаги, их шестьсот двадцать пять — представляешь, какая книга толстая. И формат ее большой — в твой портфель она бы не вошла.

А книга эта — учебник.

В 1703 году в «великом граде Москве типографским тиснением ради обучения мудрлюбивых отроков и всякого чина и возраста людей на свет произведена Арифметика, сиречь наука числительная» Леонтия Филипповича Магницкого.

Многие русские ученые начинали путь в науку с этой «Арифметики».

Магницкий родился в июне 1669 года, ровно триста лет назад.

Он был образованнейшим человеком. Окончил Славяно-Греко-Латинскую академию. Знал языки, увлекался

**Шприкладахъ потребны ко гражданствъ
иже чрезъ извлеченіе квадрата творится**

Слѣдуетъ нѣкому человеку к стѣнѣ лѣстницы
прислѣсти, стѣны же томъ вышота есть 117 стопъ.
И ширѣта лѣстницы долготой 125 стопъ.
И вѣдати хощетъ колѣко стопъ сѣмъ лѣстницы
нижній конецъ ш стѣны шстоитъ имать;
прѣдетъ 44 стопы. А творитъ снце: оумножи
прѣжде колѣчество стѣны квадратныи, иже 117
сх 117, и прѣдетъ 13689. Потомъ множи
колѣчество лѣстницы иже 125 сх 125, и прѣдетъ
15625, и изъ негоже вычти квадратъ стѣны
13689, и шоставшее 1936,
раздѣли квадратнымъ извлеченіемъ, и прѣдетъ 44 иже
выше сказано, а зри заѣ:

117	125	
117	125	2 1936
819	625	16
117	250	84 336
117	125	000
13689	15625	
	13689	вычти:
	1936	извлечы 1936 квадратомъ:

44 толко
стопъ шстоитъ
конецъ имать
шстѣны.

Попробуйте прочесть текст! Это трудно, но возможно. А если прочтете, — сообщите нам формулу, по которой задача решается. Формула эта одна из древних и самых важных в геометрии

КОСТЯ-МАТЕМАТИК

Н. Нешатаева

С КОНЧИКА ПУШКИНСКОГО ПЕРА 1799-1969

Веселый архивариус открыл календарь на странице, заложенной ломким цветком.

— Шестое июня. День рождения Александра Сергеевича Пушкина... А известно ли вам, что рыться в архивах было для нашего славного поэта занятием едва ли не самым увлекательным?

Он любил шорох древних бумаг и медлительные рассказы много повидавших стариков. Он от души смеялся над нелепыми положениями, в которых оказывались титулованные, а порой и коронованные особы.

Вот выбранные наугад листки из пушкинского архива с необходимыми пояснениями.

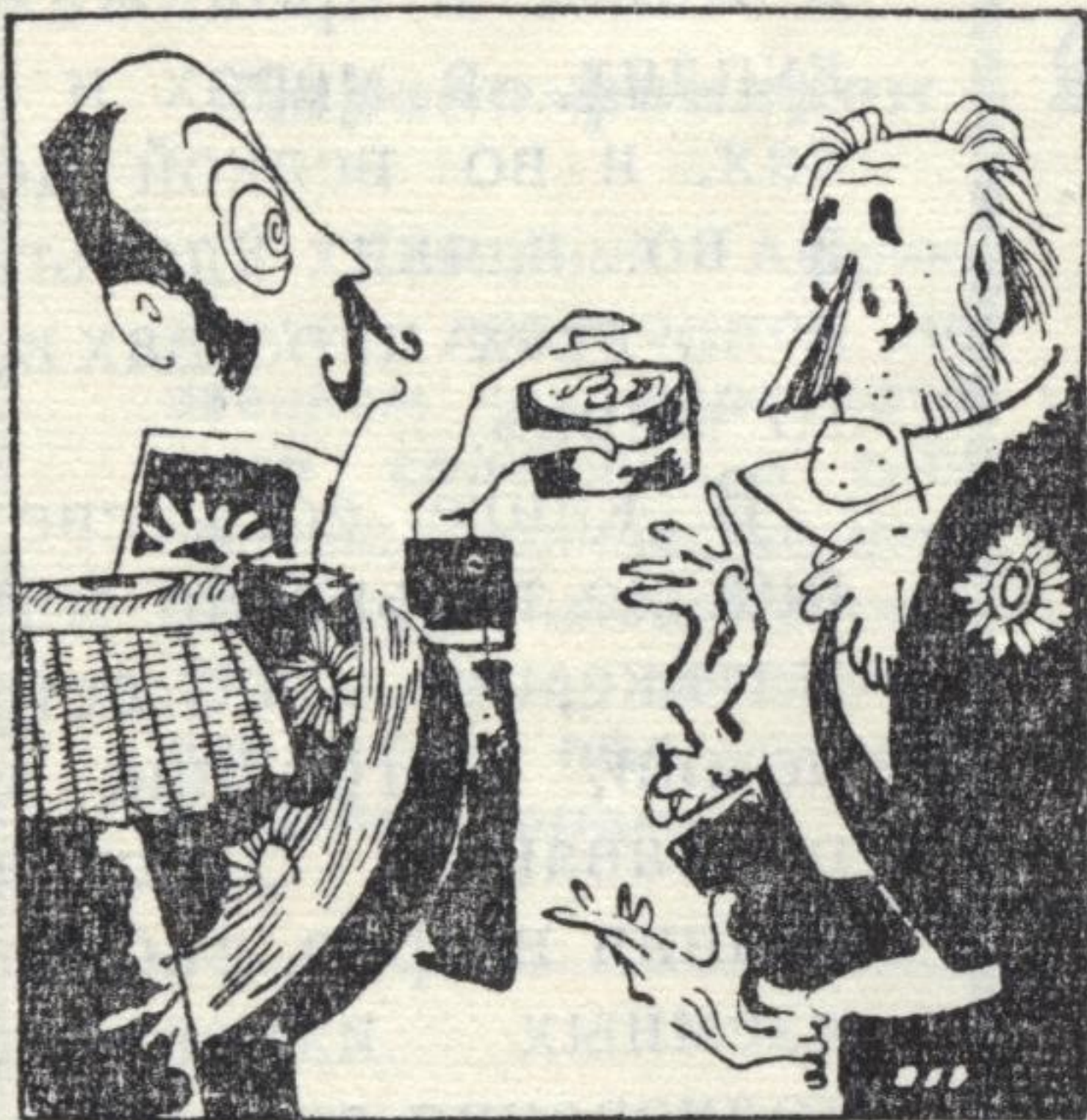
ТАБАКЕРКА

Был в царском правительстве министр двора. Среди многообразных, но ничуть не утомительных обязанностей этого министра значилась и такая — наблюдать за тем, чтобы в «Кабинете» (конторе, ведавшей царским добром) всегда имелся запас бриллиантовых перстней и золотых табакерок для награждения лиц, угодивших царю.

Николай I сделал министром двора князя П. М. Волконского. Мало кто любил этого жадного, сварливого, вечно хмурого царедворца.

8 января 1835 года Пушкин с удовольствием пересказал в своем дневнике историю про то, как князь Волконский попал впросак из-за своей жадности.

«Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. «Дороже нет», — отвечал Волконский. — «Если так, делать нечего, — отвечал государь, — я хотел тебе сделать подарок — возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги... Теперь в Кабинете табакерки завелись уже в 60 000 руб.»

НАВОДНЕНИЕ

7 ноября 1824 года невские волны хлынули на Петербург.

Сенатор граф В. В. Толстой по своему обычаю в тот день проснулся поздно. Зевая, он выглянул в окно. В первый миг вид улицы представился ему обыкновенным. Ветер трепал перья на шляпе петербургского генерал-губернатора (тоже графа) Милорадовича, совершавшего в должный час ежедневный объезд столицы.

О том, что случилось дальше, рассказывает А. С. Пушкин.

*Со сна идет к окну Сенатор
И видит — в лодке по Морской
Плывет военный губернатор.
Сенатор обмер: «Боже мой!
Сюда, Ванюша! Стань немножко,
Гляди, что видишь ты в окошко?»
— Я вижу-с: в лодке генерал*

*Плывет в ворота мимо будки.
«Ей-богу?» — «Точно-с». —
«Кроме шутки?»
— Да-с. — Сенатор отдохнул
И просит чаю: «Слава богу!
Ну! Граф наделал мне тревогу,
Я думал: я с ума свихнул».*

Эти строки были предназначены для поэмы «Медный всадник», но остались в черновых бумагах. Поэт писал брату: «Этот поток с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется». Веселым стихам не нашлось места в поэме, повествующей о народном бедствии.

ДОРИСУЙ!

„Я в зеркало свое гляжу,
но в нем себя не нахожу!
Совсем я, видно, хвораю...
На помощь, „Помощь скорая“!

8

ЛЕТОМ

Уходили коровушки
На луга
Поутру.
Приносили коровушки
Молока
По ведру.

А ягнята с телятами
На дороге пылят, —
Как ребята, шалют они,
В хлев идти не хотят.

Вл. Лифшиц

1

**ТРИ ВОИНСТВЕННЫХ
ЧЕРВЯКА**

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Три воинственных червяка
хвалились друг перед дру-
гом.

— Я бы мог целого цы-
пленка съесть! — сказал
первый.

— А вот, кстати, и цыпле-
нок на холмике стоит, —
сказал второй.

4

— Кто из нас первый до него доползет, тому
цыпленок и достанется, — предложил третий.

Первый червяк приполз первым.

Второй червяк приполз вторым, но подумал,
что приполз первым.

Третий червяк приполз третьим, но, оглядевшись,
закричал:

— Я первый! Я перв...

Тут цыпленок склюнул его и пошел в курятник —
вздремнуть после сытного завтрака.

Перевел М. Федоров

5

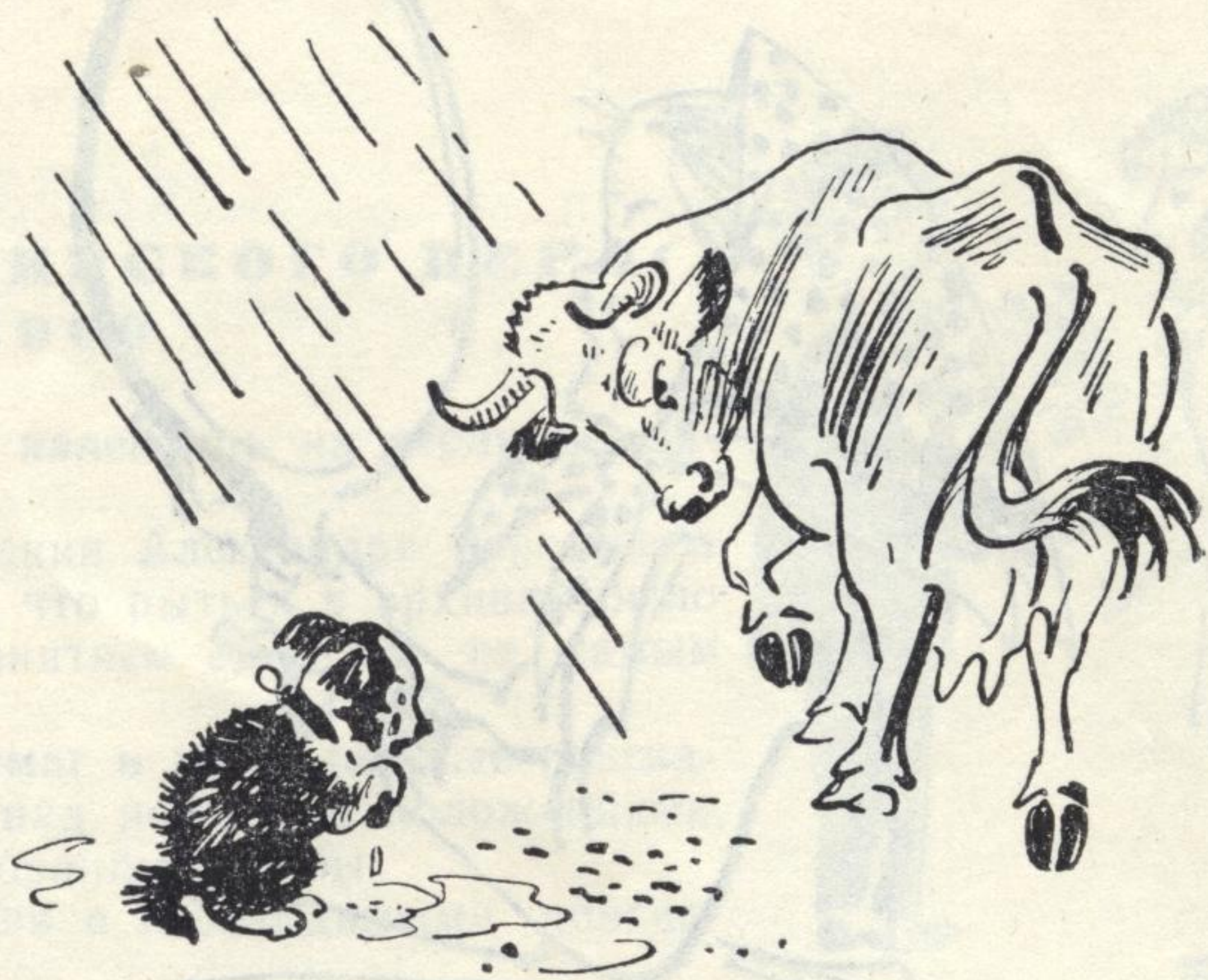
КТО НА КОГО ПОХОЖ

Дерево немного
похоже на осьминога,
Не так уж немножко
похожа на тигра

кошка,
Почки на ветке весенней —
почти

как птички.
Расправили крылья.

Присели.
И только боятся лететь
с непривычки.

ДОРИСУЙ!

Бодливая шла мимо будки корова,
боднула — и Бобик остался без крова.
И плачет, и стонет несчастный щенок:
— Художник, на помощь! Я страшно промок!

2

7

ПОЖАЛУЙСТА

Когда родные к нам добры и говорят „пожалуйста“,
то это сладко, как халва, как пирожок,
поджаристо.

Но если сердятся они и говорят „пожалуйста“ —
оно чихательно звучит, отрывисто, безжалостно:

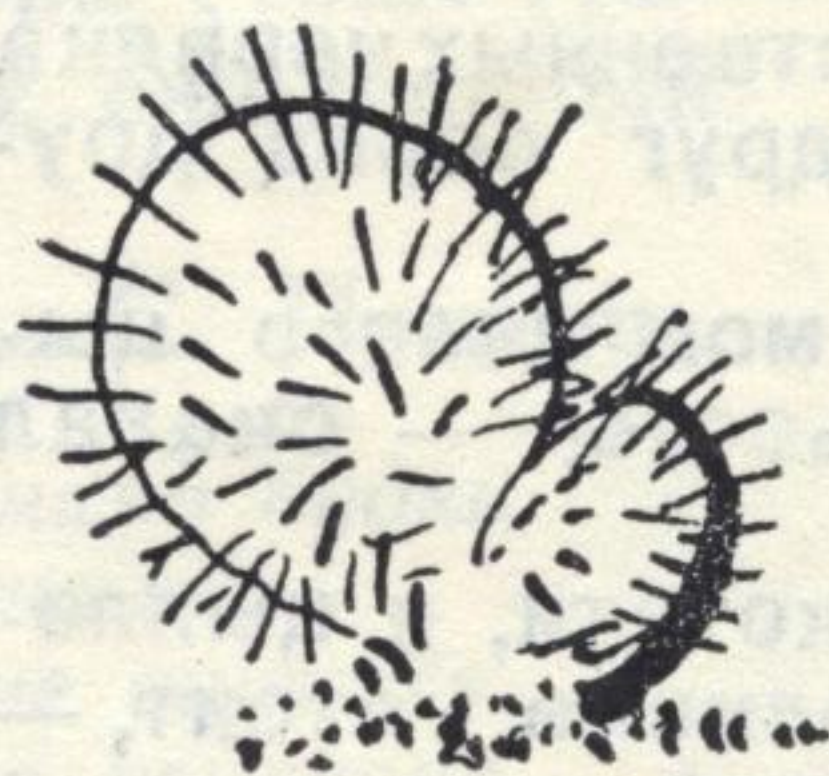
— П-жалста!

Ева Мерриэм
Перевод с английского Н. Слепаковой

Шары воздушные —
похожи на гроздь винограда.
В небо рвутся
шары непослушные
прямо
посреди Ленинграда!
Кактус —
колюч, как еж.
Еж —
на щетку похож.
А я —
если надену шляпу —
буду очень похож на папу!

Лев Мочалов

Рисунки Е. Захарова

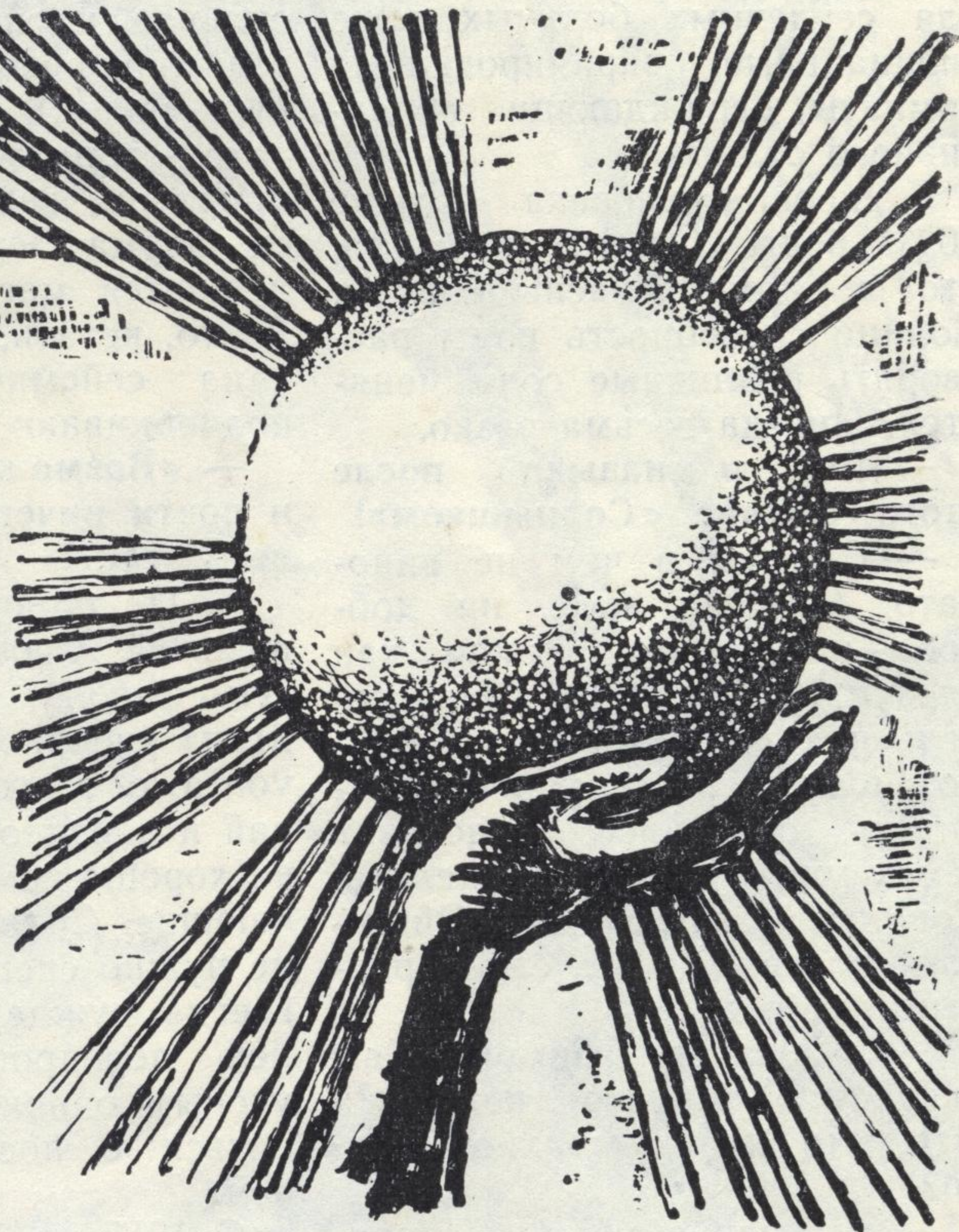
6

3

PROVONTO E REPROVONTO

Солнце — самая близкая к Земле звезда. Вся жизнь планеты целиком зависит от Солнца. Вот почему огромная армия ученых не спускает с него глаз.

Наш корреспондент Игорь Войтенко встретился со старшим научным сотрудником Совета «Солнце — Земля» Владимиром Ефимовичем Обротько.

— Владимир Ефимович, что значит активное и спокойное Солнце?

Прежде всего — эти понятия относительны, Солнце всегда беспокойно; ведь в его недрах постоянно при температуре 20 000 000° бушует термоядерное пламя. Атомному ледоколу «Ленин» на целый год плавления хватает нескольких килограммов «горючего», а солнце каждую секунду сжигает его четыре миллиона тонн. Каждую секунду!

В телескоп Солнце видно огнедышащим диском. Но иногда на поверхности светила появляются странные пятна. Еще в XVII веке их заметил Галилео Галилей.

Длительные наблюдения показали, что пятен то больше, то меньше. Они перемещаются, а их диаметр в десятки раз превосходит диаметр Земли.

И уже сравнительно недавно было установлено, что солнечные пятна — зона гигантских выбросов энергии из недр све-

тила, как бы кратеры титанических вулканов.

Когда пятен мало, Солнце называют спокойным, когда много — активным.

В считанные минуты энергия активного Солнца достигает атмосферы Земли. Теряется радиосвязь, стрелки компасов путают все части света, зато полярные сияния в период магнитных бурь самые длинные и красивые.

— Часто происходят на Солнце такие гигантские возмущения?

— Они повторяются примерно через каждые одиннадцать лет.

Есть даже природный календарь солнечной активности. Вы его много раз видели в лесу: пень. Обыкновенный пень. Приглядитесь когда-нибудь получше: каждое одиннадцатое кольцо толще, чем остальные. Это потому, что в годы активного Солнца обычно выпадает больше дождей. А с водой растение втягивает

необходимые минеральные соли. Больше дождей — лучше питание.

Но годовые кольца — лишь одно доказательство одиннадцатилетнего цикла солнечной активности. И притом не самое главное.

— А какое Солнце сейчас?

— Сейчас — самое деятельное!

— Газеты и радио то и дело сообщают о катастрофах: в Америке небывалые ураганы и наводнения, в Австралии — засуха, в Чили и Перу — сильные землетрясения... Есть ли связь между солнечными пятнами и стихийными бедствиями?

— К сожалению, видимо, есть! Многие грозные явления природы удивительно совпадают с появлением на Солнце пятен.

— А на здоровье человека солнечные пятна влияют?

— Статистика, очень точная наука, говорит, что влияют. В некоторых клиниках созданы

для сердечных больных даже специальные экранированные комнаты, ограждающие от активного солнца.

В крови человека больше 80% воды. Опыты показали, что в момент вспышки на Солнце способность воды растворять различные соли меняется. Иногда весьма резко.

— **Вот и называй после этого Солнце «Солнышком»!**

— Оно ни в чем не виновато. Оно ни злое, ни доброе — просто его нужно как следует познать, приспособиться к нему. Разве не важно, к примеру, заранее предвидеть стихийные бедствия? А мы уже пробуем это делать. Советский астрофизик Эйгенсон составил даже своеобразный график.

— **Владимир Ефимович, вы сказали: «Просто познать!» Что, это действительно просто?**

— А попробуйте! Попробуйте ответить хотя бы на несколько связанных с Солнцем вопросов.

Некоторые микроорганизмы задолго до появления солнечных пятен меняют окраску — почему? Климат в Арктике потеплел — почему? Сутки, наши земные сутки, удлиняются — почему?

— **Ну, с сутками как раз понятно. Ежедневные приливы тормозят вращение Земли, — это давно выяснили.**

— Да, конечно. Но иногда замедление становится в сто — двести раз больше расчетного. Почему? Версий много, и одна заслуживает особого внимания. Ученый Могилевский предположил, что энергия выбрасывается с поверхности Солнца не только потоками, но и в виде мощнейших облаков плазмы — плазматидов. У плазматидов очень

сильное магнитное поле. Оно взаимно действует с магнитным полем Земли, в результате — торможение. И еще при этом, вероятно, изменяется форма Земли, перераспределяются массы в ее недрах. А это, кстати, возможная причина сейсмических явлений, подчеркиваю: возможная!

— **«Возможно», «вероятно» и почти ничего — «точно». Почему так?**

— На одном из зданий французской Академии наук высечен символ Солнца, а под ним девиз учеников Галилея: «Provonto e rergovonto» — «проверяй и перепроверяй». Эти слова хорошо помним все мы, изучающие Солнце. С выводами не нужно спешить. Результаты всегда нуждаются в тщательной перепроверке. И часто ученым одной страны не справиться с поставленной задачей.

С 1957 по 1965 годы проводился Международный год Спокойного Солнца. Семьдесят стран вели наблюдения за светилом с помощью самых совершенных приборов и ракет. Были созданы мировые центры информации в Москве, Вашингтоне, Токио, Лондоне...

Теперь мы следим за активным Солнцем. В новой программе большое место отводится получению сведений со специальных спутников. Любой метеорологический спутник за один оборот вокруг Земли дает больше информации, чем все десять тысяч метеостанций планеты за сутки!

Ученые держат друг с другом постоянную связь. Если рано утром, скажем, японские исследователи что-то заметят на светиле — буквально через секунды это сообщение получат все обсерватории мира и вовремя приведут в боевую

готовность астрономические орудия разных калибров.

— **В программе заняты только астрономы?**

— Конечно, нет. В Новосибирске и Иркутске изучают действие Солнца на живые организмы. В Мурманске — влияние его на погоду. Узбекских ученых интересует практическое использование солнечной энергии.

— **А вы? Ваш Совет?**

— Советуем и советуемся. В остальное же время изучаем космические лучи, обрабатываем материалы со спутников и геофизических ракет, определяем состав Солнца по газовым спектрам, фотографируем пятна и короны, исследуем затмения, выдвигаем гипотезы, создаем новые приборы... Хватит?

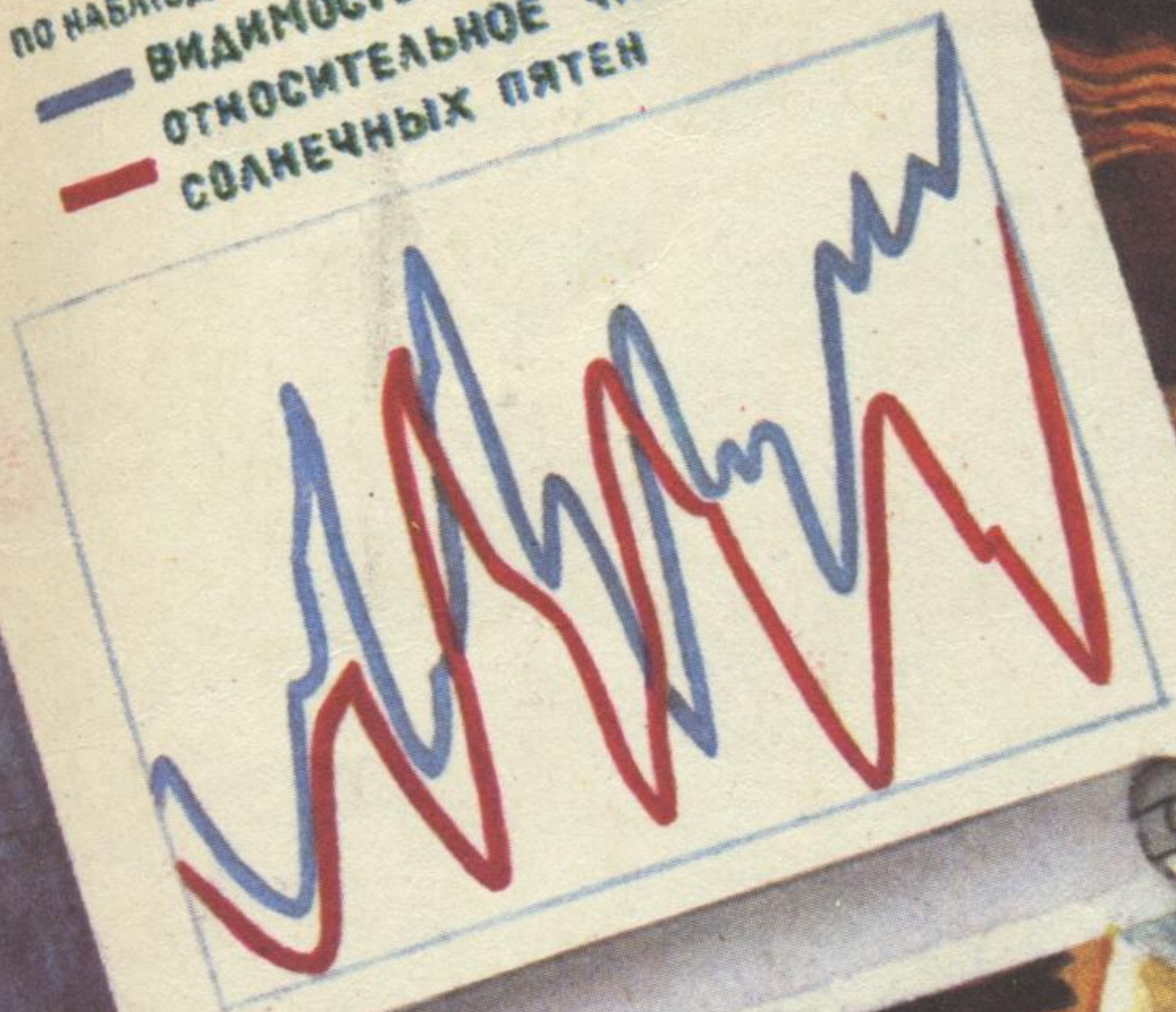
— **Последний вопрос. Школьники в силах чем-нибудь помочь в изучении Солнца?**

— Они нам всегда помогают! Ребята, объединенные в кружки юных астрономов, выполняют целые научные задания. Ну, а те, у кого нет под боком кружка или телескопа, могут зарисовывать полярные сияния, следить за тем, как ведут себя домашние животные во время затмений, — да мало ли чем можно заняться!

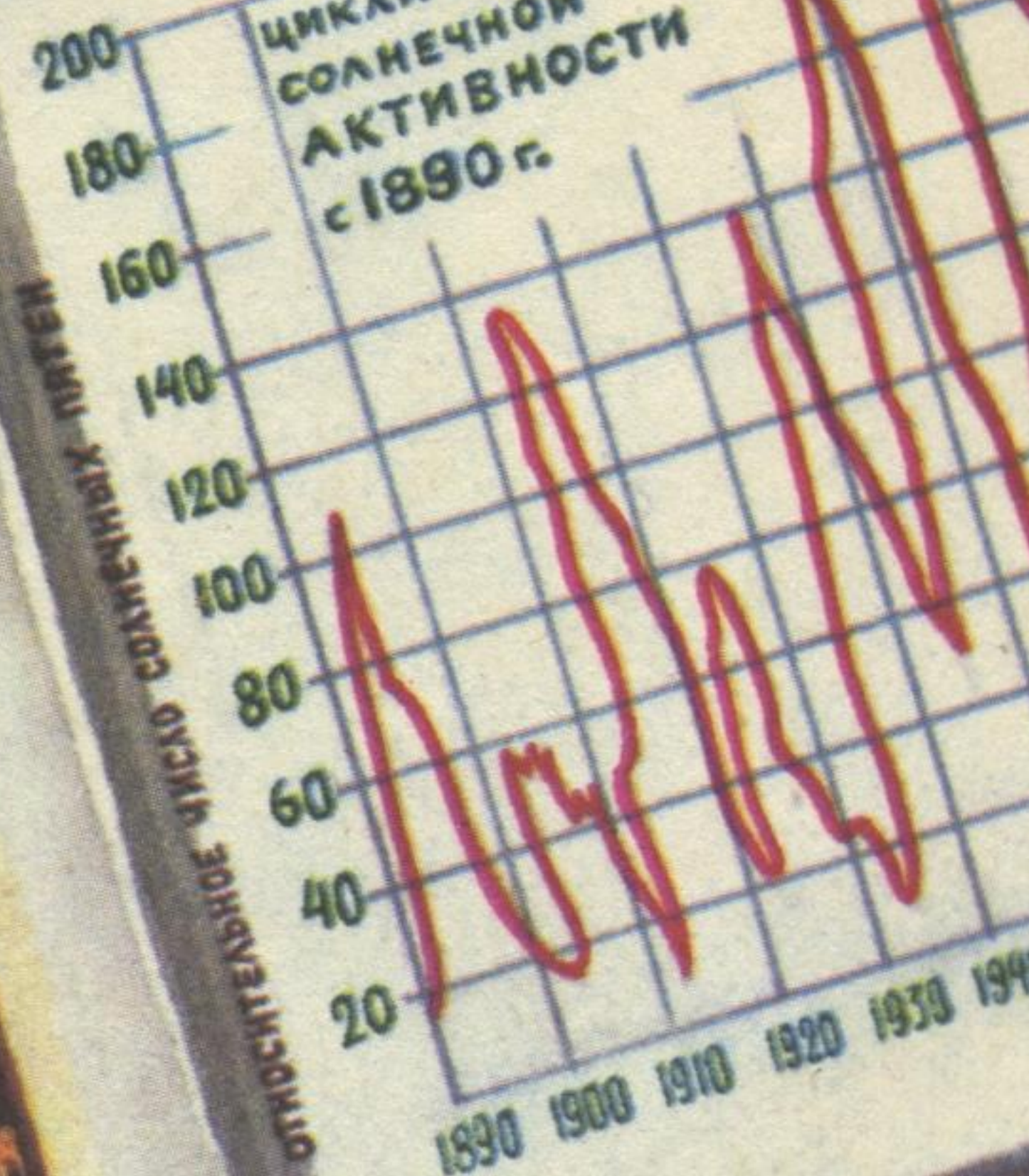
Проводить наблюдения лучше после получения специальных указаний. У нас в стране существует Всесоюзное астрономогеодезическое общество. Пишите по адресу: Москва, К-9, абонементальный ящик 918, Попову В. Г.; сообщите, где живете и чем хотите заниматься.

Но, повторяю, всегда помните, занимаясь Солнцем, изречение: **ПРОВОНТО Э РЕПРОВОНТО.**

ПО НАБЛЮДЕНИЯМ УЧЕНОГО ТРОМБЛА
 — ВИДИМОСТЬ ПОЛЯРНЫХ СВЯТИЛ
 — ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО
 СОЛНЕЧНЫХ ПЯТЕН

ЦИКЛИЧНОСТЬ
 СОЛНЕЧНОЙ
 АКТИВНОСТИ
 с 1890 г.

ЛУЧИ РЕНТГЕНОВСКИЕ ЛУЧИ УЛЬТРА-ФИОЛЕТ ИНФРАКРАСНЫЕ ЛУЧИ РАДИОВОЛНЫ

ШКАЛА ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ВОЛН,
 ИЗЛУЧАЕМЫХ СОЛНЦЕМ

ПЕЙЗАЖ

Валера Моисеев 14 лет. Иркутская обл.

ПОДРУГА

Лена Власова 12 лет.
Ленинградская обл.

МАМА ШЬЕТ

Иза Науменко 12 лет. Свердловск

ТВОЙ РИСУНОК

...Две вертикальные черточки, над ними — кружок. Что это такое? Дерево. Какое? Береза, сосна, тополь? Неважно. Просто дерево, все равно какое. Сверху рисунок густо замазан синим карандашом: небо. Внизу течет речка. Она закрашена тем же синим карандашом, что и небо. Таня К. или Сережа М., которые ее нарисовали, знали, конечно, что синий цвет воды совсем не такой, как синий цвет неба. Но ведь они рисовали «все равно какую» речку: не Дон, не Кубань, не Волгу. Вот им и было все равно, какого она цвета.

Страничка с неровными, рваными краями. Она в спешке вырвана из тетради по арифметике. Клеточка (или линейка) грубо просвечивает сквозь дерево и небо. Тут же, на рисунке, надпись огромными буквами: «Напечатайте, пожалуйста, мой рисунок в «Костре».

Допустим, «Костер» напечатает этот «все равно какой» рисунок, и его увидят тысячи ребят. Что они узнают о местах, где живет их ровесник-художник? И о самом художнике?

А ведь если художник внимательно, с любовью относится к тому, что изображает, по его работе можно многое сказать о нем самом. Вот он рисует своего друга. Он хорошо знает этого человека, — знает, например, что он добрый, но малость рассеянный и неуклюжий. Художнику важно сделать портрет не только похожим, но и выразить в нем свое отношение к другу — сердечное и в то же время чуточку насмешливое. Друг, может быть, и не красавец, и одет не изысканно, — но для художника он прекрасен тем, что он один такой на свете, тем, что неповторим его характер.

Ну а дом, река, цветок, дерево? Скажете, неодушевленные предметы? Ничуть не бывало! У каждого дерева свой характер. Даже деревья одной породы для художника — разные. Художник видит, что утром дерево иное, чем вечером. Утром оно пронизано солнечным светом, легкое, сквозное. Вечером темнеет, «тяжелеет». Художник передает в своем рисунке время дня и года, погоду, состояние природы, которое можно сравнить с человеческим настроением. Пасмурный, дождливый, осенний день — грусть, уныние. Ясное весеннее утро — радостная бодрость. И средства, которыми художник добивается этого, — неодинаковые. Не всегда, например, нужно по-

дробно и тщательно вырисовывать каждый листик и травинку.

Вообразите себе непогоду. Изогнутые стволы молодых березок. Взъерошенные, темные кроны дубов. Поле, по которому, как по морю, пошли волны. Тревожное состояние природы как бы сообщается самому художнику. Тут уж не до травинки, не до листика! Ведь нужно изобразить порывы ветра, ливень...

Предположим, Оля Д. задумала нарисовать котенка. Как же она это делает? Котенок «загнан» в самый угол большого листа. Он слишком мал для такого простора. Его так и хочется сделать покрупнее, выделить: ведь он герой рисунка. Котенок, правда, нарисован внимательно, но, кроме Мурзика, на рисунке почти ничего нет. Лишь кое-где на белой бумаге разбросаны палочки, изображающие кусты. Можно только догадываться, что Оле хотелось нарисовать котенка на снегу.

Можно было бы продолжить рисунок!

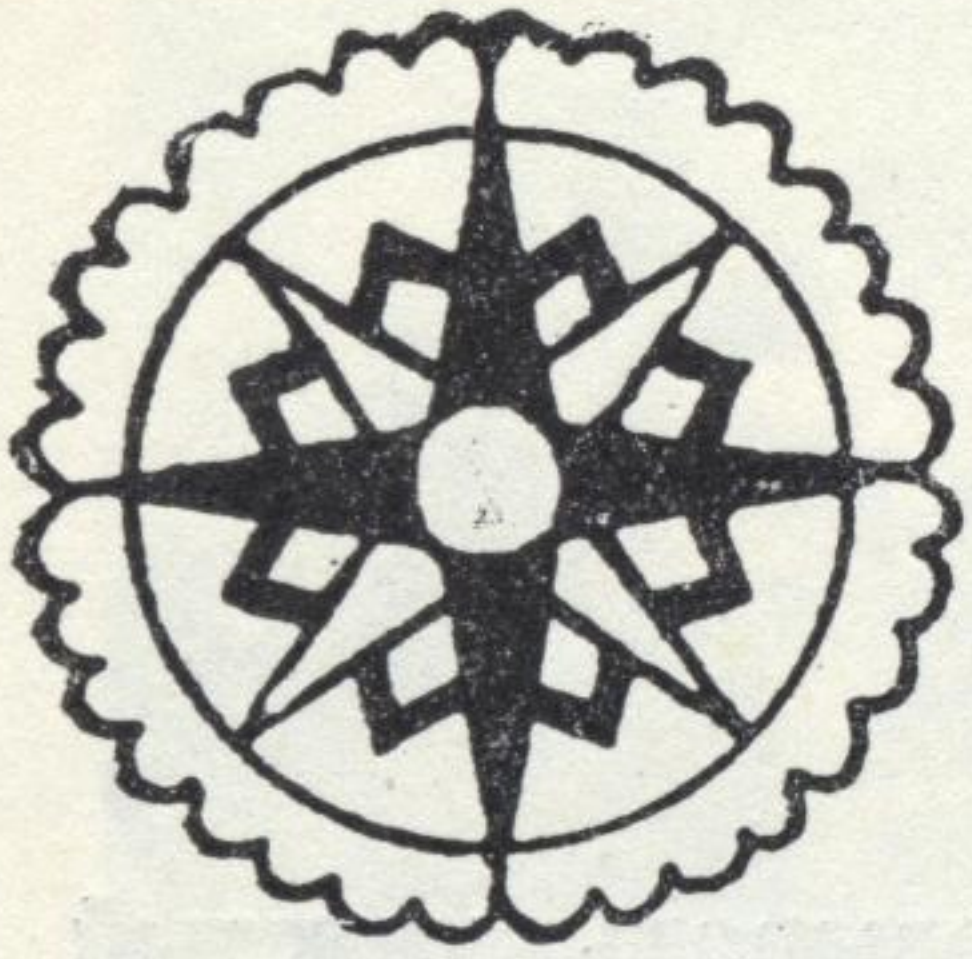
...Снег на дворе рыхлый, мягкий. Местами он синеватый, местами розоватый или желтоватый. Котенок, наверно, впервые видит снег. Он с любопытством озирается, принюхивается. Может быть, Мурзик встретит во дворе собаку, а может быть, он испугается, а может быть, обрадуется: сейчас поохочусь!

Рисуйте же! Придумывайте с помощью кисточки и красок свой рассказ или сказку. Но только — свою собственную сказку.

К Новому году «Костер» получил от читателей тридцать шесть одинаковых Дедов-Морозов. Все были похожи на одну и ту же поздравительную открытку. Непонятно, ребята, зачем вы срисовываете? Срисовать — все равно что списать. Придумать рисунок самому — гораздо увлекательнее!

Вы можете нарисовать своего товарища, когда он сидит перед вами. Можете нарисовать его потом, без него, по памяти. Рисуйте животных, деревья, посуду и овощи на столе. Можете что угодно нарисовать по воображению. Но в какие бы времена и страны ни завела фантазия вашу кисточку, — всегда помните, что вы рисуете живое, будь то человек, дерево или ваза с фруктами. Вы ведь хотите, чтобы все на свете увидели их вашими глазами и полюбили их так же, как любите вы.

Н. Слепакова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахинова

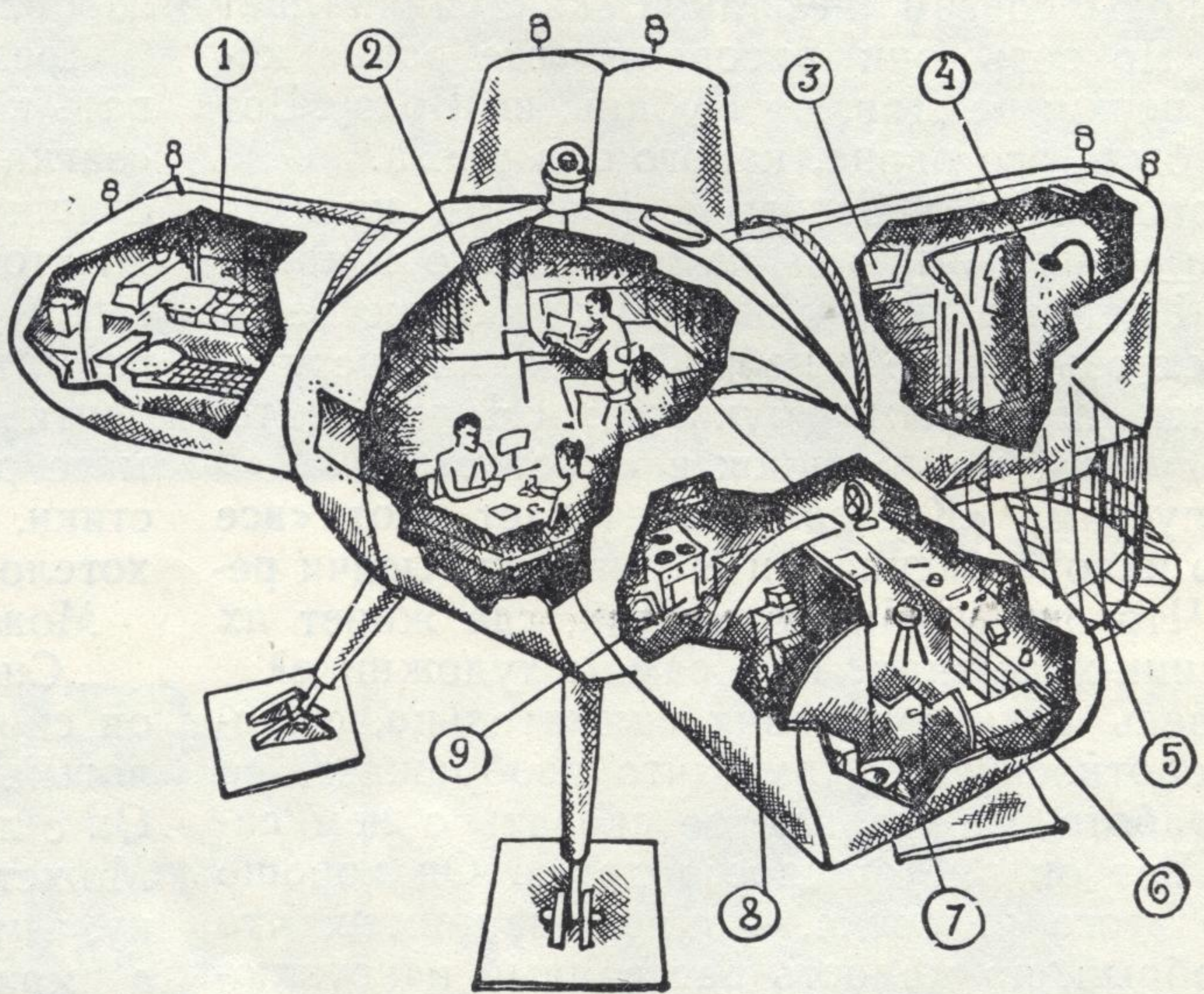
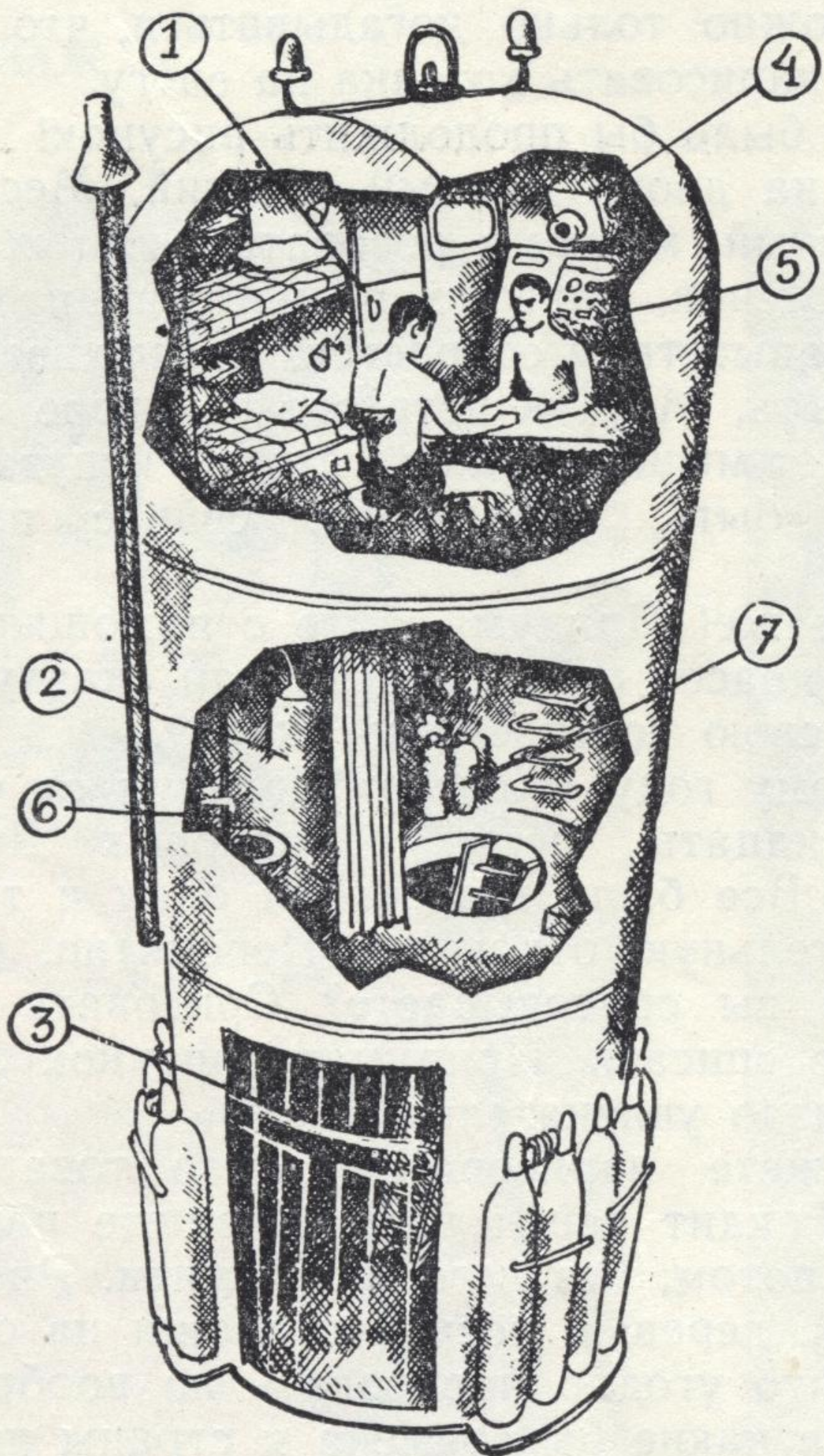
Год издания тринадцатый

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

КАК УСТРОЕН ПОДВОДНЫЙ ДОМ?

Этот вопрос ребята часто задают в письмах. Печатаем чертежи «Морской звезды» и «Ракеты». Дома эти были установлены на глубине 12 и 30 метров в Красном море.

„МОРСКАЯ ЗВЕЗДА“

- 1. Спальни
- 2. Салон
- 3. Кабина для переодевания
- 4. Душ
- 5. Ограждение от акул
- 6. Лаборатория
- 7. Санузел
- 8. Фотолаборатория
- 9. Кухня

РАКЕТА

- 1. Кабина
- 2. Душевая
- 3. Затопленный отсек
- 4. Телекамера
- 5. Приборы, показывающие содержание кислорода и углекислого газа в воздухе
- 6. Умывальник
- 7. Гидрокостюмы и акваланги

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

РЫБА-КУРОК

Выплыл человек из подводного дома, подплыл к скале. Как облако, вьются вокруг нее красные, желтые, зеленые рыбки. Только подберешься к ним, а они, одна за другой, в норы, щели юрк-юрк! Пестрое облако растаяло, исчезло.

А кто это? Крадется вдоль скалы угловатая плоская рыба. На желтой голове темные полосы поперек глаз — ну точно маска! На

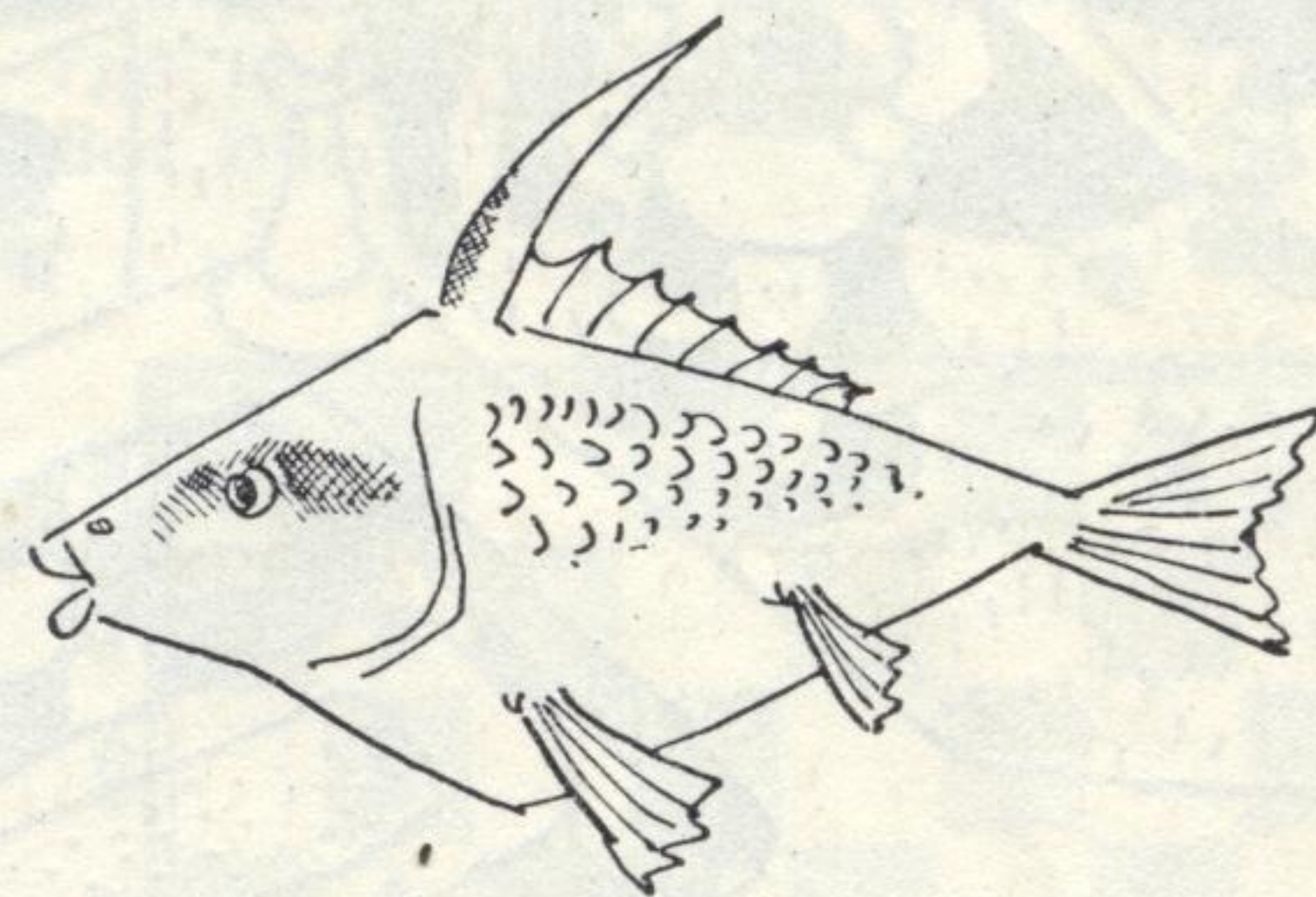
горбатой спине — толстый костяной шип. Ни дать ни взять — курок! Прижат, плыть не мешает, за водоросли не цепляется.

Увидела рыба человека и тоже в каменную нору — шаст! Заскочила туда, шип подняла и уперлась им в каменный потолок: взвела курок. Теперь ей человек не страшен: попробуй вытащи!

Уплыл человек. Опустила рыба «курок» и выбралась из норы.

За ней и другие рыбы показались.

Снова закружилось вокруг камня, запестрело разноцветное рыбе облако.

— Что самое неприятное под водой, а? Наверно, когда увидишь что-нибудь непонятное. Вот оно приближается, приближается, шевелится... Брр!

— Да нет, к непонятному привыкнуть можно. Под водой на каждом шагу тайны. Самое неприятное — слышать там собственный голос. Те, кто жил в подводных домах, рассказывают, что звук человеческого голоса кажется там визгливым и противным. Привыкнуть к нему, утверждают они, почти невозможно.

— Это отчего же так?

— Оттого, что воздух в доме

сжат: все время под давлением. Под таким же, как давление воды снаружи.

КЛУБ МОРСКИХ ЗНАТОКОВ

Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель получили письмо.

В конверте лежала карточка, на которой была нарисована извилистая черная линия, а на обороте — несколько слов.

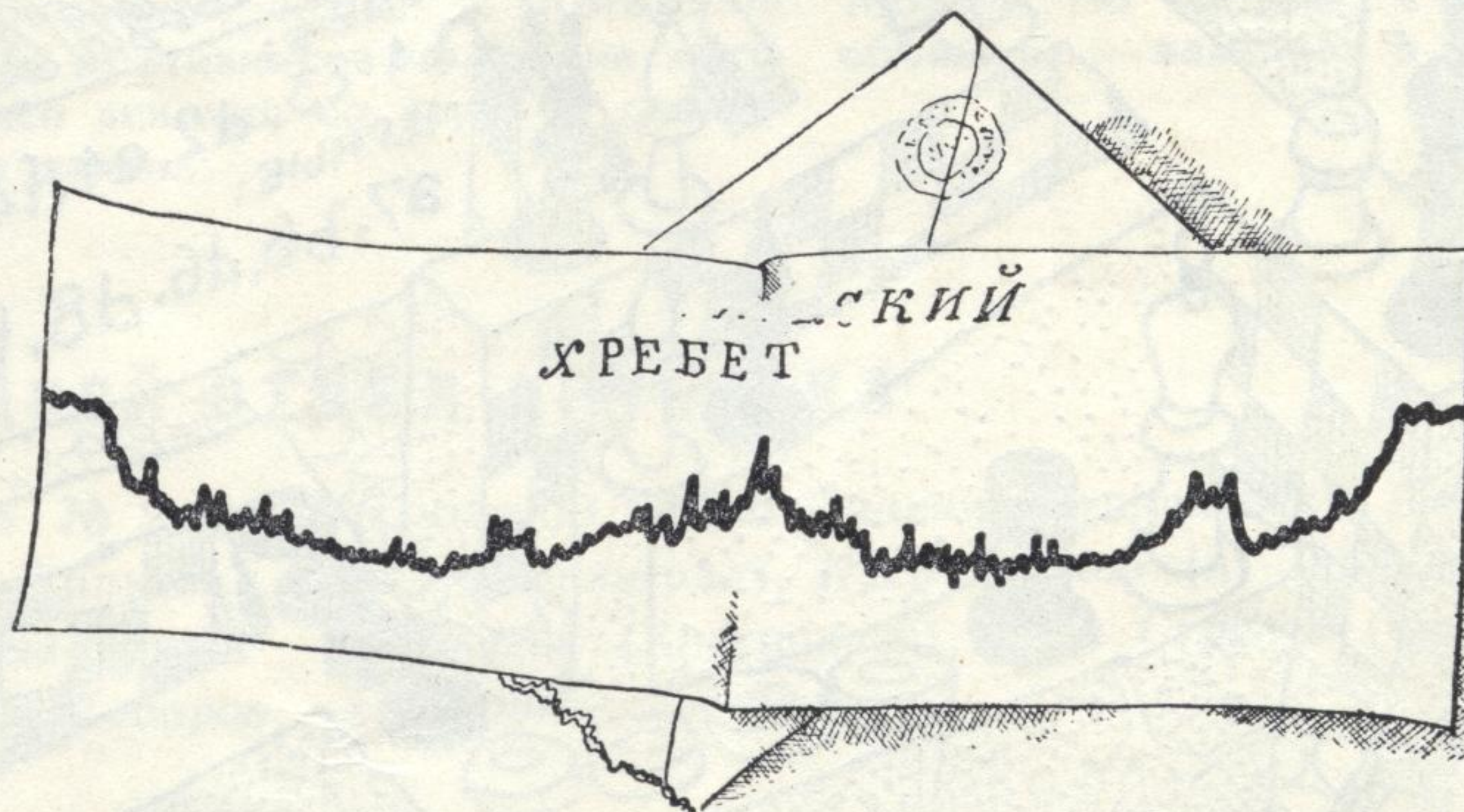
— Судя по обратному адресу, ее прислали нам моряки экспедиционного судна! — сказал Быстроходов, рассматривая конверт. — Но что изображено на карточке? Что это за хребет? Смазано первое слово.

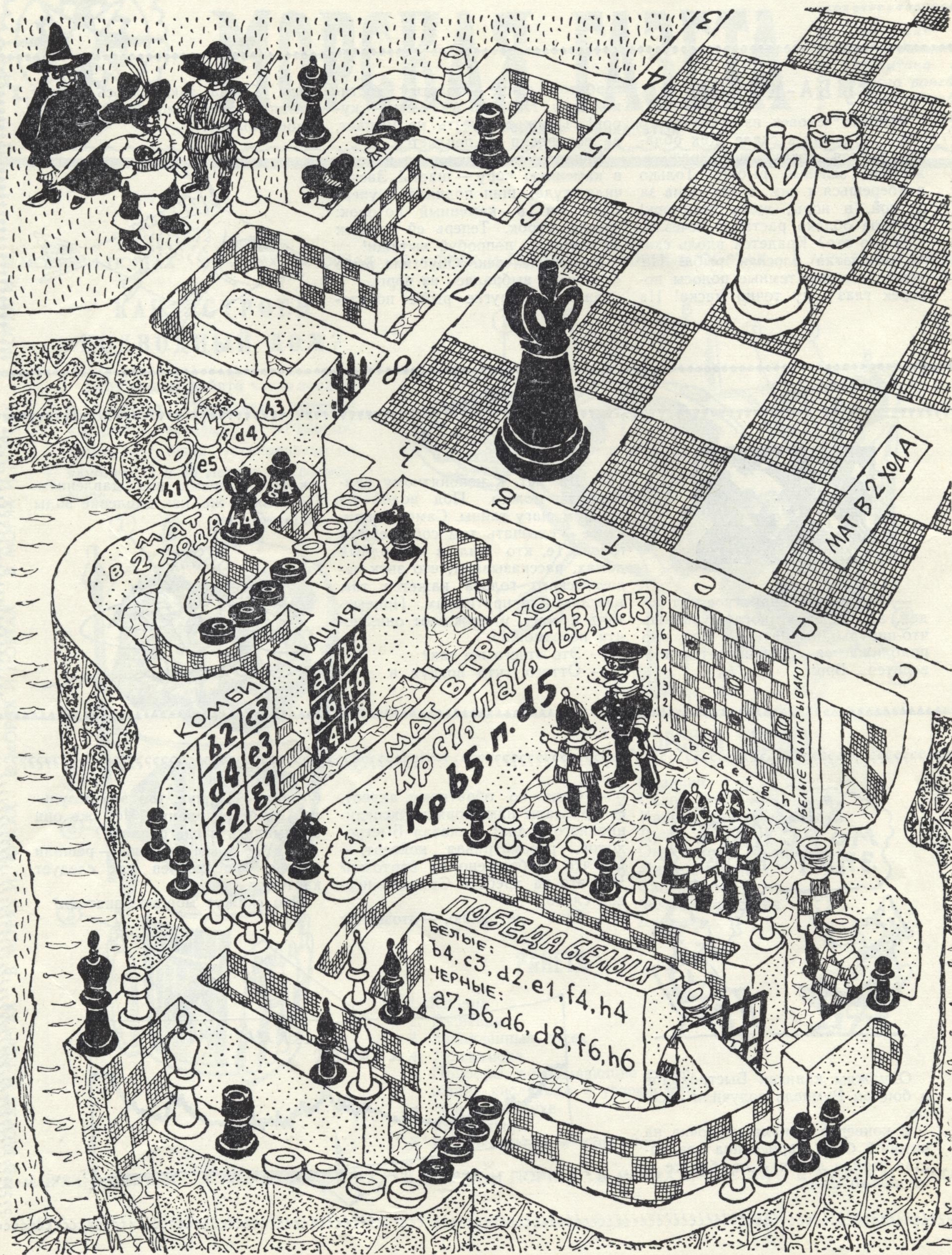
— Еще не знаю, — отозвался

боцман. — Пишут, что это результат их исследований. Чем же они занимались и где плавали?

— А-а, все ясно! — решили друзья, рассмотрев как следует карточку.

Что скажут морские знатоки?

МАТ В 2 ХОДА

МАТ В 2 ХОДА

КОМБИ
b2, c3
d4, e3
f2, e1

НАЦУЯ
a7, b6
d6, f6
h4, h8

МАТ В ТРИ ХОДА
КР c7, Л a7, С b3, К d3
КР b5, П d5

ПОБЕДА БЕЛЫХ
БЕЛЫЕ:
b4, c3, d2, e1, f4, h4
ЧЕРНЫЕ:
a7, b6, d6, d8, f6, h6

БЕЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТ

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

В ЛАБИРИНТЕ

Вел Ферзьбери рыцарят...

— Смотрите! Там крепость, что ли? — показал Коля Степин.

— А на ней доска с задачей! — воскликнул Петя Крюков. — Король с ладьей и король! Я могу мат в два хода дать!

— Подумаешь! — отозвался Сережа Гальт. — И я могу!

Петя начинал свое решение ходом ладьи, а Сережа — ходом короля. И мат получался в обоих случаях.

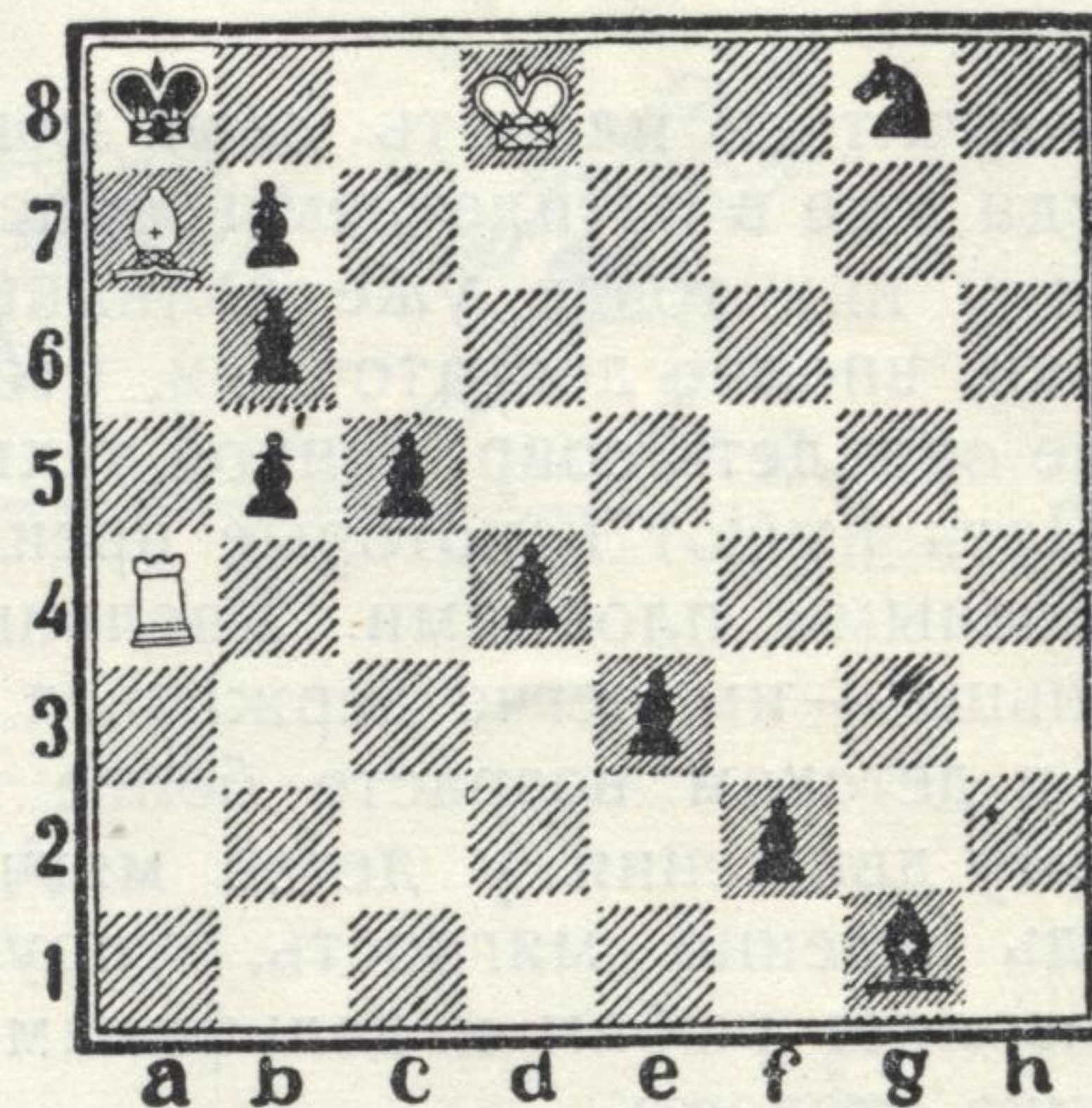
— Как же так, товарищ шахмат-адмирал? — удивились рыцарята. — Вы говорили, в задачах всегда только одно решение, а тут два!

— Что? Где? — отозвался Ферзьбери. — Два решения? Чудовищно!

Они зашли в крепость, а на это и рассчитывали бандиты: пройдя сквозь здание, Ферзьбери с рыцарятами попали в лабиринт! Назад — не выйти, вперед — без решений не пройти. Адмирал, разумеется, легко справился бы с любой задачей, но как быть с рыцарятами? Из лабиринта выходит только тот, кто сам решит три задачи. И будь ты главнокомандующим, разве оставил бы ты хоть одного рыцаренка в беде?

А бандиты на все идут, лишь бы навредить нашему АРЧЕБЕКУ. Они даже пользуются похищенными задачами самих арчебековцев! Ведь на стене, возле которой стоят Ферзьбери с рыцаренком — трехходовка Саши Салова, рыцаря из Няндомы. А на листке, который рас-

сматривают два рыцаренка, задача, где надо дать мат в 13 ходов! Вот она.

Итак, доблестные рыцари, объясните рыцарятам решения! Откройте им выход из лабиринта!

ПРИКАЗ № 6

Ввиду отсутствия шахмат-адмирала, попавшего в затруднительные обстоятельства, я, заместитель главнокомандующего АРЧЕБЕКОВОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям решить задачи лабиринта.

Шахматистам — А) двухходовку на стене; Б) трехходовку Саши Салова; В) задачу на листке.

Шашистам — найти три комбинации, которые в лабиринте названы: А) «Комбинация»; Б) «Победа белых», В) «Белые выигрывают».

§ 2. Рыцарятам — показать оба решения задачи на крыше.

§ 3. Срок присылки рапортов — до 1 октября.

Шахмат-капитан Пешкоедов

20 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

В 1927 году состоялся матч тогдашнего чемпиона мира Капабланки с русским гроссмейстером Александром Алехиным. Алехин сумел так подготовиться, что убедительно доказал свое превосходство. Впервые шахматной короной завладел русский шахматист; Александр Алехин

стал четвертым по счету чемпионом мира.

Алехин часто выступал в сеансах одновременной игры. В Аргентине один из противников чемпиона мира в сеансе вскочил со стула и громко заявил:

— Маэстро, вам мат в три хода!

— Почему в три? А разве в два нельзя? — улыбнулся Алехин. — Можно! Но не мне, а вам, что я и объявляю — вам мат в два хода!

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 2 награждены дипломами — Наташа Атаманенко (Харьков), Игорь Крючков (Москва), Виктор Уфнаровский (Кишинев), Лена Корневская (Николаев), Сергей Хабаров

(Путивль), Дима Опарин (Свердловск), Александр Полек (Ленинград), Петр Рычков (п. Запрудня), Сережа Пацкевич (Красноярск), Юра Страгис (Омск) и другие доблестные рыцари.

ПОЧЕМУ ДЕТИ ПЛАВАЮТ БЫСТРО?

В прошлогоднем сентябрьском номере «Костра» было рассказано о 14-летней американской пловчихе Дебби Мейер. В Мехико эта школьница выиграла четыре золотые медали. Почему Дебби и ее сверстницы побеждают взрослых? — спрашивают Тоня и Лена Величко из Запорожья.

На этот вопрос отвечает заслуженный мастер спорта доцент Н. Бутович.

Научиться плавать дети могут без особого труда уже в пятилетнем возрасте. К 10—12 годам у них тогда уже солидный стаж подготовки, вполне достаточный, чтобы в совершенстве овладеть современной техникой плавания.

Дети имеют некоторые преимущества перед взрослыми пловцами. Удельный вес у детей меньше — им легче держаться на воде. Суставы в детском возрасте более подвижные, поэтому движения у детей мягче, естественнее. Ведь именно мягкость, упругость движений позволяет рыбам и дельфинам развивать высокую скорость.

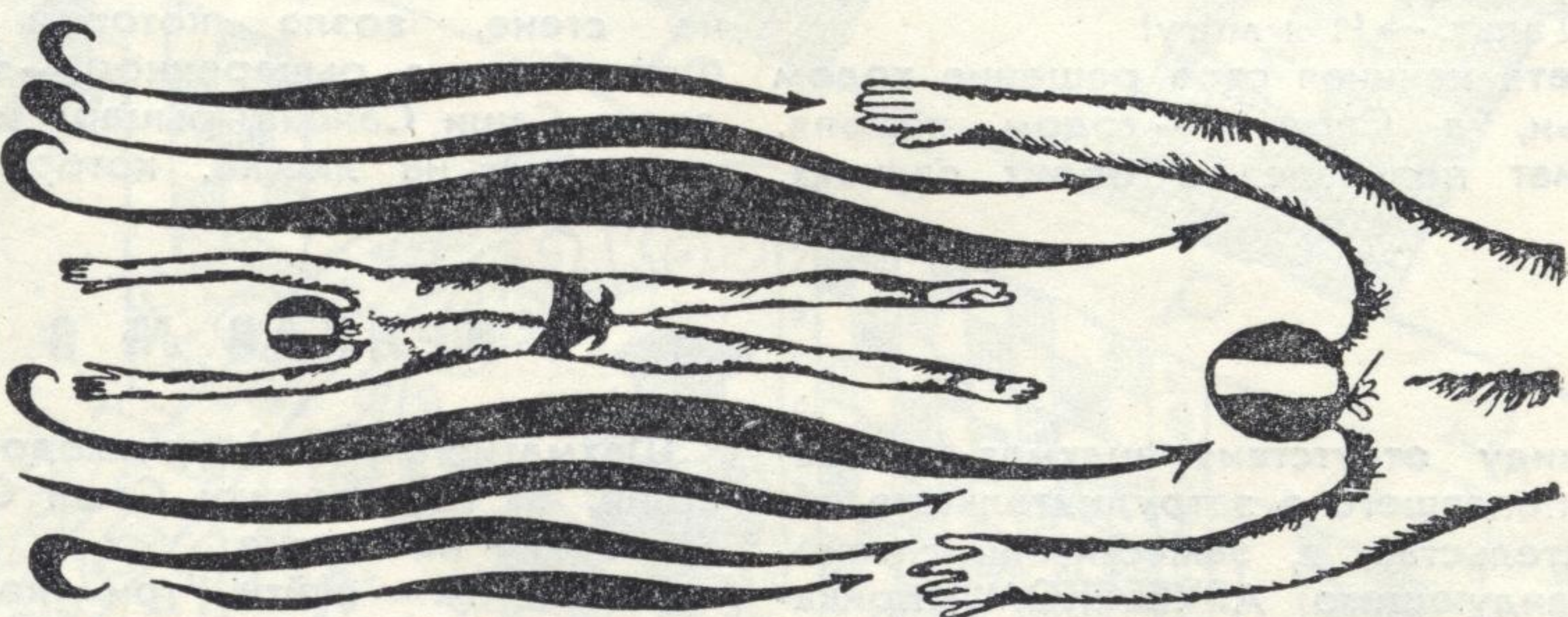
Тело ребенка гладкое, обтекаемое, его поверхность почти в два раза меньше, чем у взрослого. Сопротивление воды в результате этого заметно уменьшается, и, не тратя лишних сил, дети могут плыть быстрее. Наконец, форма тела ребенка с длинными тонкими ногами напоминает каплю, что

также уменьшает сопротивление воды при движении с большой скоростью.

Стенки кровеносных сосудов у детей обладают большей упругостью, лучше сопротивляются сдавливающему действию воды. Значит, кровоснабжение, питание мышц у детей в воде лучше, чем у взрослых.

Если добавить, что дети с особым увлечением занимаются плаванием, что они могут больше времени уделять спорту, то становится понятным, почему они добиваются мировых рекордов и побеждают взрослых иногда даже на олимпийских играх!

ФИННИШ

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СКОРОСТИ

Этот комплекс предназначен для мальчиков и девочек 13—14 лет — новичков, приступающих к занятиям в школе «Спринт». Упражнения из него можно включать в основную часть тренировочного занятия, отводя для этого 30—40 минут. От занятия к занятию нужно менять различные варианты упражнений. Между упражнениями следует отдыхать 1—2 минуты.

Юные спринтеры 11—12 лет также могут пользоваться этим комплексом, но им достаточно половинной нагрузки в каждом упражнении. Например, они делают пробежку с высоким подниманием бедра не четыре раза, а два.

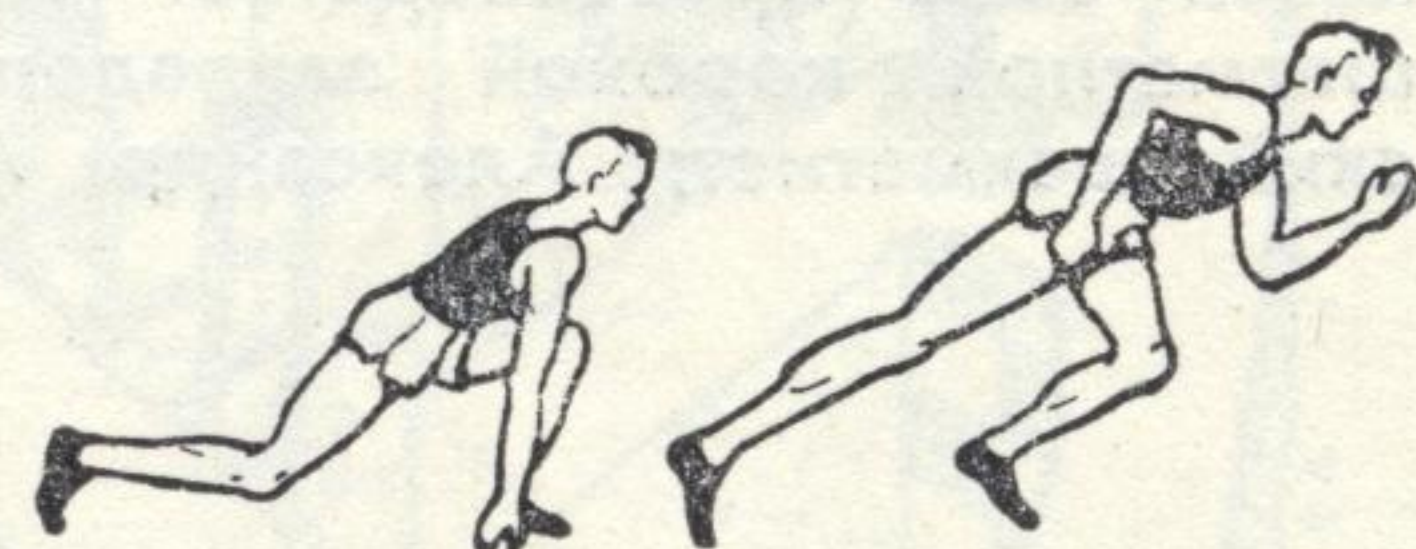

1. Бег с высоким подниманием бедра. Четыре раза с подсчетом на одну ногу до десяти. Темп средний — 2 раза, быстрый — 2 раза. Варианты: а) держа руки за спиной; б) расставляя ноги пошире.

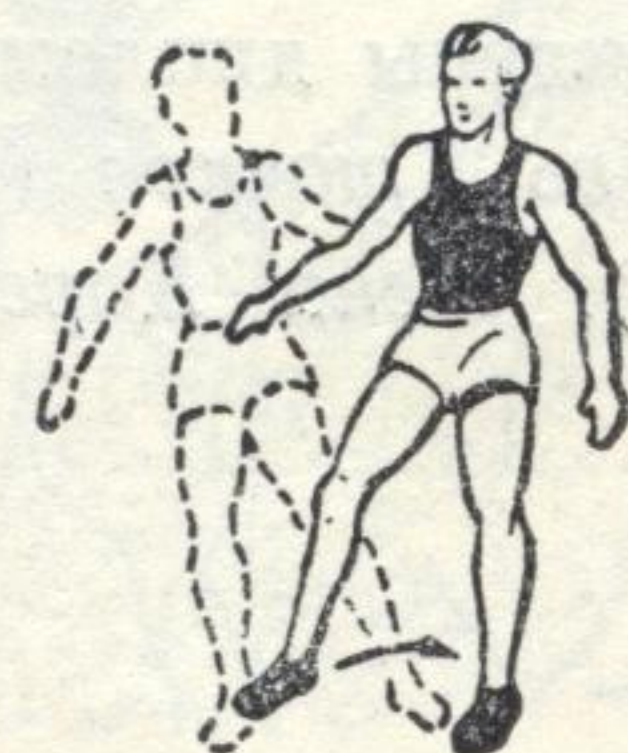
2. Бег из различных стартовых положений. Два раза по 15 м. Темп быстрый. Варианты: а) сидя со скрещенными ногами; б) сидя спиной по направлению бега; в) вставая без помощи рук.

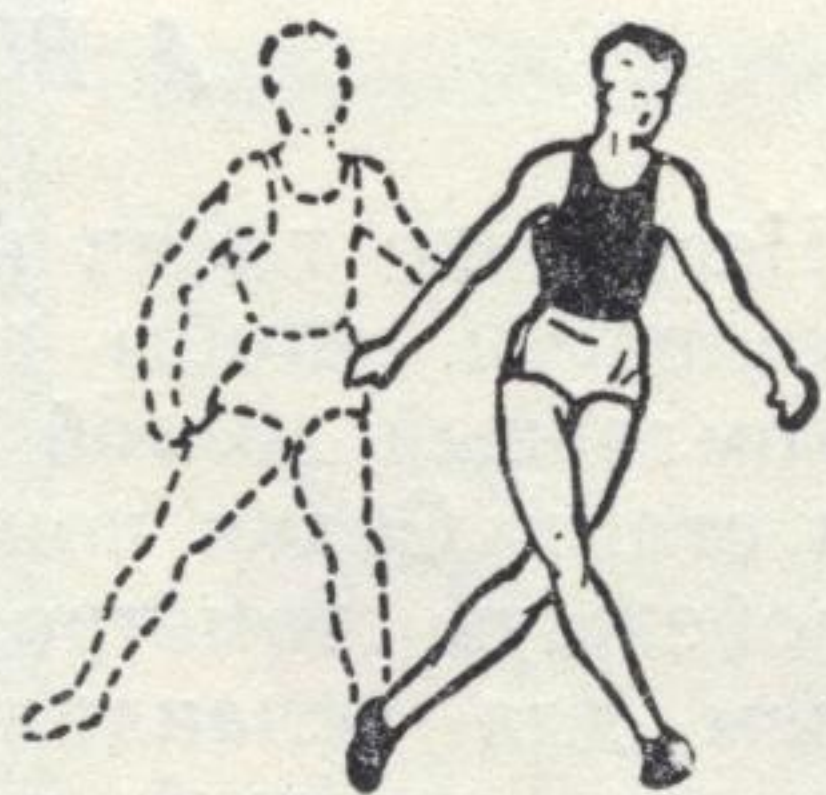
3. Старты из «упора присев» с отставлением ноги назад или в сторону. 3 раза по 15 м, быстро. Вариант — без опоры руками.

4. Бег приставными шагами. 4 раза по 10 м, быстро. Вариант — поднимая высоко колени, темп средний и быстрый.

5. Бег скрестными шагами. 4 раза по 10 м. Темп средний. Вариант — бежать спиной вперед.

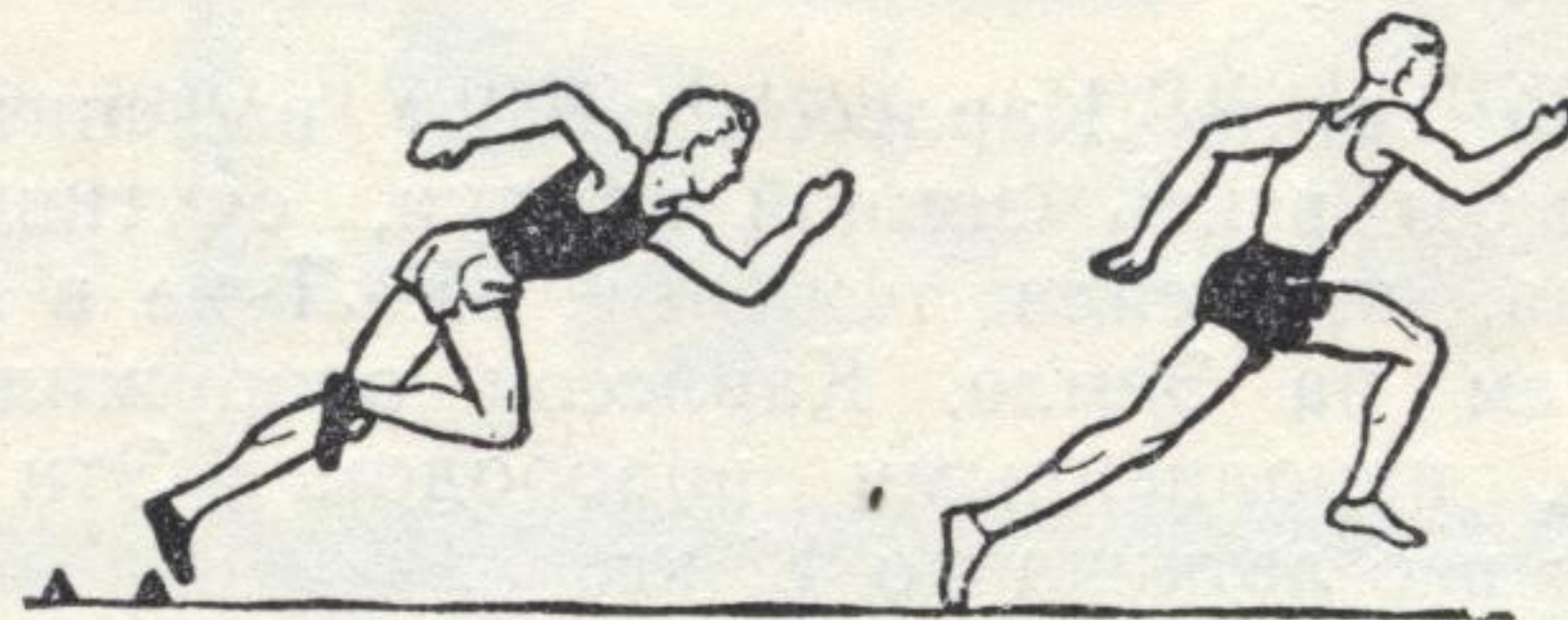
6. Бег по малому кругу с наклоном туловища внутрь круга. Варианты: а) уменьшая диаметр круга; б) догоняя партнера.

7. Бег по дуге вправо и влево. 4 раза по 15 м. Темп средний и быстрый. Варианты: а) изменяя кривизну дуги; б) догоняя партнера.

8. Догонять партнера, стартующего впереди на 2—3 метра. 2—3 раза.

УПРАЖНЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЙ БЕГА

Ходьба на носках с высоким подниманием бедра. Обращай внимание на прямое положение туловища с незначительным прогибом в пояснице.

Бег с забрасыванием голени назад. Старайся касаться пятками ягодиц. Продвижение вперед незначительное.

Бег с руками за спиной, с палкой, со скакалкой. Три варианта выполнения упражнения:

а) держа палку в изгибах локтевых суставов за спиной;

б) со скакалкой или полотенцем, перекинутым через шею;

в) с руками, заложенными за спину.

Бег с возможно более высоким подниманием бедра. Выполняй с высокого старта на отрезках 15—20 метров.

Имитация бегового шага на месте. Движение начинай с опускания бедра маховой ноги вниз с последующим движением замаха назад. После замаха бедро выноси вперед-вверх (пятка проходит под ягодицей). Постепенно увеличивай амплитуду движения каждой ногой.

Имитация движений рук при беге. Выполняется со скакалкой или полотенцем, перекинутыми через шею, стоя на месте, ноги на ширине плеч, с небольшим наклоном туловища вперед.

Поднимание бедра, стоя у опоры. В момент подъема маховой ноги поднимайся на носок опорной ноги, полностью ее выпрямляя.

Бег по прямой линии. Внимательно следи за постановкой стоп строго на линию.

Бег через предметы: набивные мячи, эстафетные палочки, чурки. Меняя расстояние между предметами и скорость бега, можно совершенствовать ритм и длину бегового шага.

Бег под уклон небольшой крутизны (3°—5°). Разгоняйся до достижения предельной скорости.

Бег с высокого старта. Активно поднимай и опускай бедро, старайся энергичнее отталкиваться от колодок.

Бег с ускорением. Выполняется как на прямой, так и по повороту на отрезках 30—80 м, в среднем темпе.

Бег с высоким подниманием бедра. Выполняется с палкой на уровне пояса. Поочередно касайся коленями палки с незначительным продвижением вперед во время бега.

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ПРЫГНУЛ ВЫШЕ КРЫШИ

Шведский летчик Карлссон решил выяснить, какую высоту сумеет взять земной прыгун, очутившийся на Луне. Зная, что сила тяжести на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле, Карлссон вооружился двумя баллонами, наполненными водородом. Эти баллоны уменьшили вес летчика до 12 кг.

Разбег, толчок — и взята высота 4 метра!

КРОСС С ПРУТИКОМ

Вот что писал журнал «Русский спорт» в 1909 году.

«...В воскресенье 1 июня в Москве состоялось первое спортивное развлечение, являющееся в Англии, на родине этого вида спорта, одним из любимейших — кросс. Это бег по чистому полю.

Публики собралось немного. Записались для участия в беге 15 спортсменов в возрасте от 15 до 21 года. Форма одежды — трико, обнаженная грудь, обнаженные с колен ноги и сандалии. В руках некоторых прутики — для защиты от собак. Участвовали в беге господа Назаров, Лифшиц, Хорьков, Бартазарьянц, Скуйс, Парин и другие.

Бегуны выпускаются на поле Петровского парка. Пятиверстную дистанцию состязающиеся должны сделать по Ходынскому полю и вернуться обратно на площадку. Рекорд побил г. Назаров, он пробежал дистанцию в 18 мин. 57 сек.

Кросс будет повторен...»

Обложка И. Казаковой

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова. Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

Технический редактор
А. А. Двораковская

М-40120
Тираж 382 000 экз.

Подписано к печати 7/V 1969 г.

Формат 84×108^{1/16}.
Зак. 110

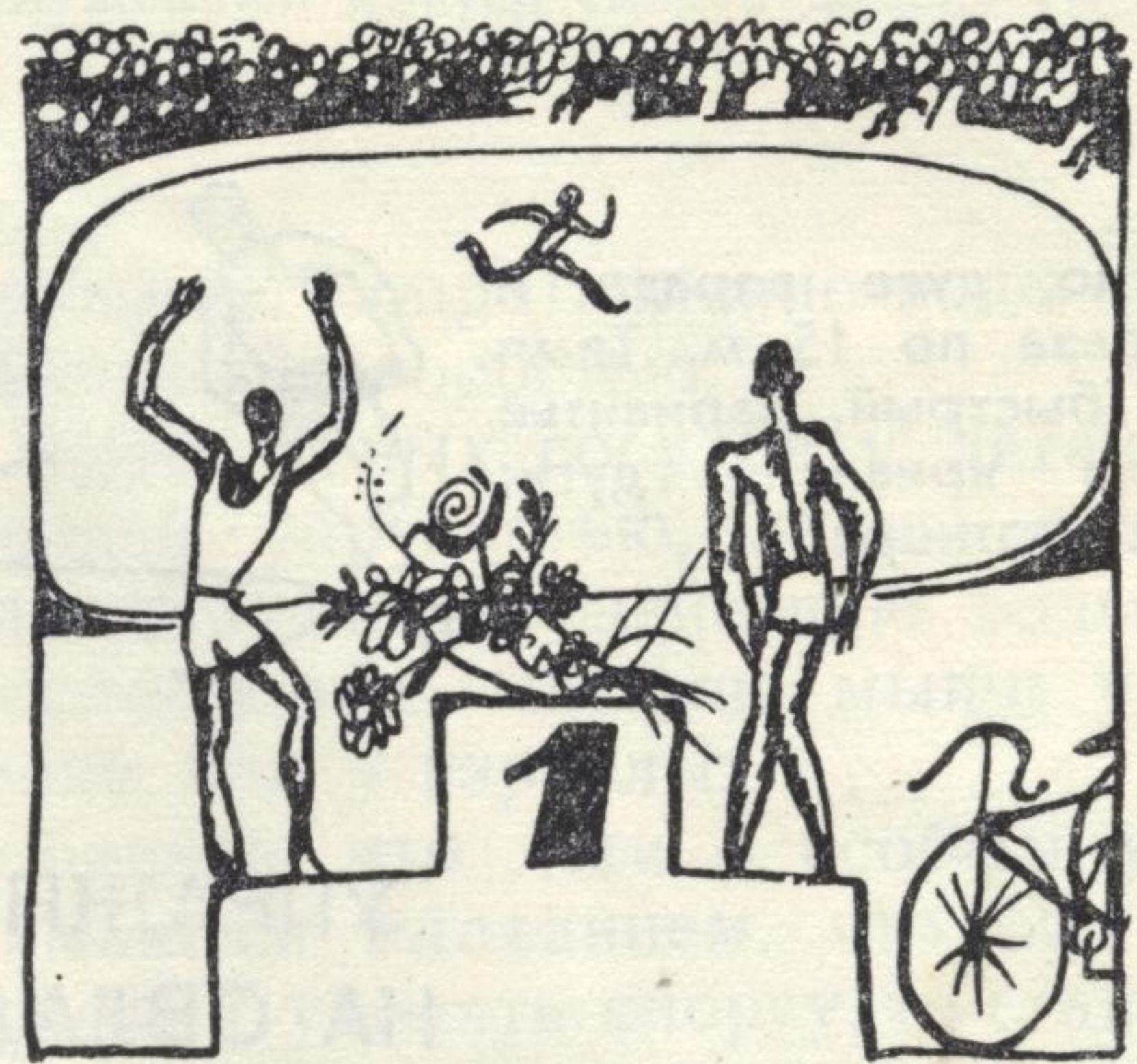
Печ. л. 4+1 вкл.

6,56 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

А ВСЕ-ТАКИ ПЕРВЫЙ!

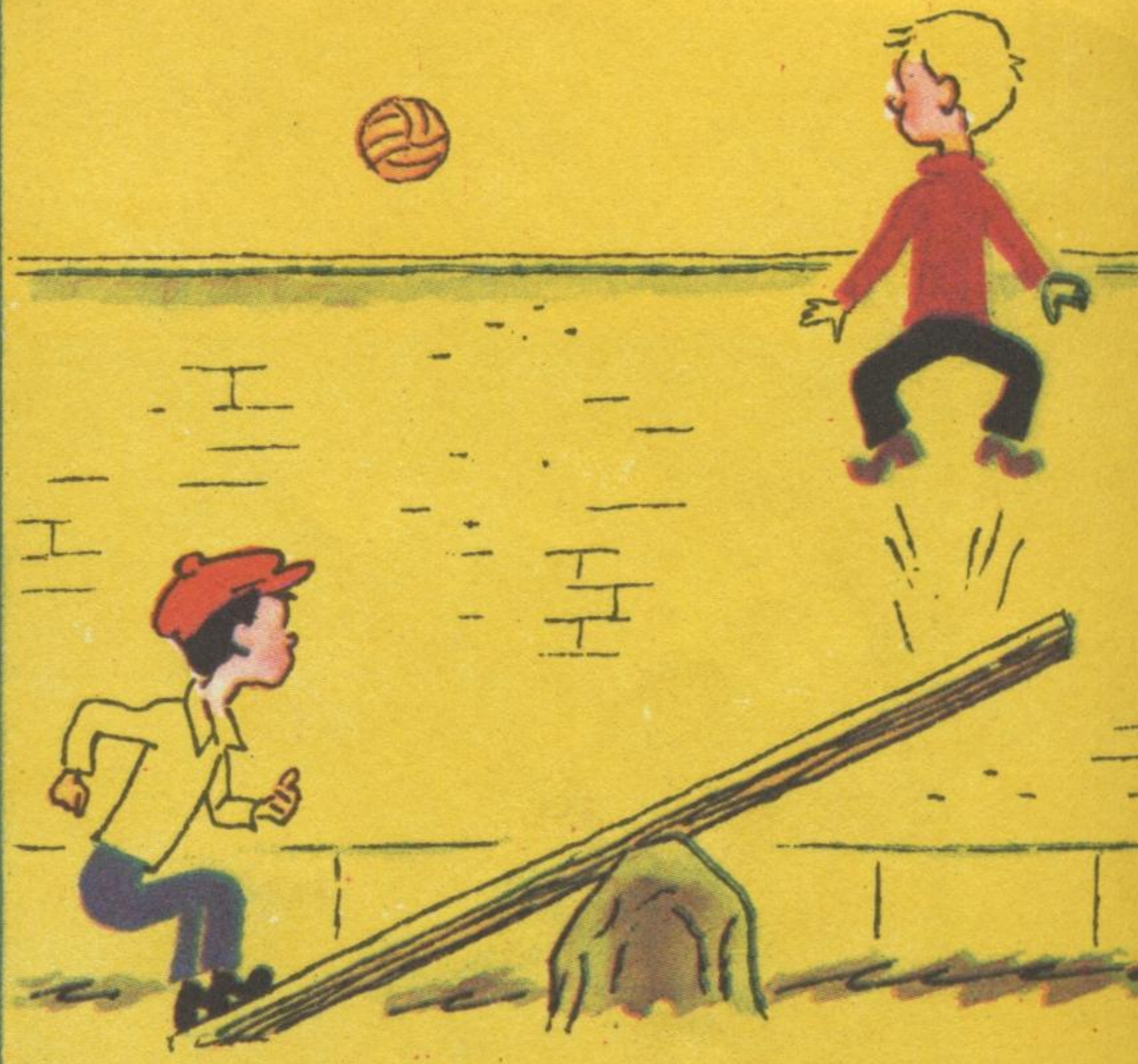
Несколько тысяч километров проехал исландец Вильмундерсон, чтобы выступить в беге на X Олимпиаде. Утомленный долгой дорогой бедняга проспал и опоздал на старт. Судьи пожалели спортсмена и разрешили ему пробежать стометровку в одиночку, после всех. Утешением для исландца было то, что в отличие от большинства олимпийцев он финишировал... первым.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ + ВЫНОСЛИВОСТЬ

Некий Хяркинен из финского города Раума считает самым лучшим видом спорта... бег на четвереньках. Хяркинен добился определенных успехов: пробежал 23 километра за 12 часов 5 минут.

ЯБЛОЧКО

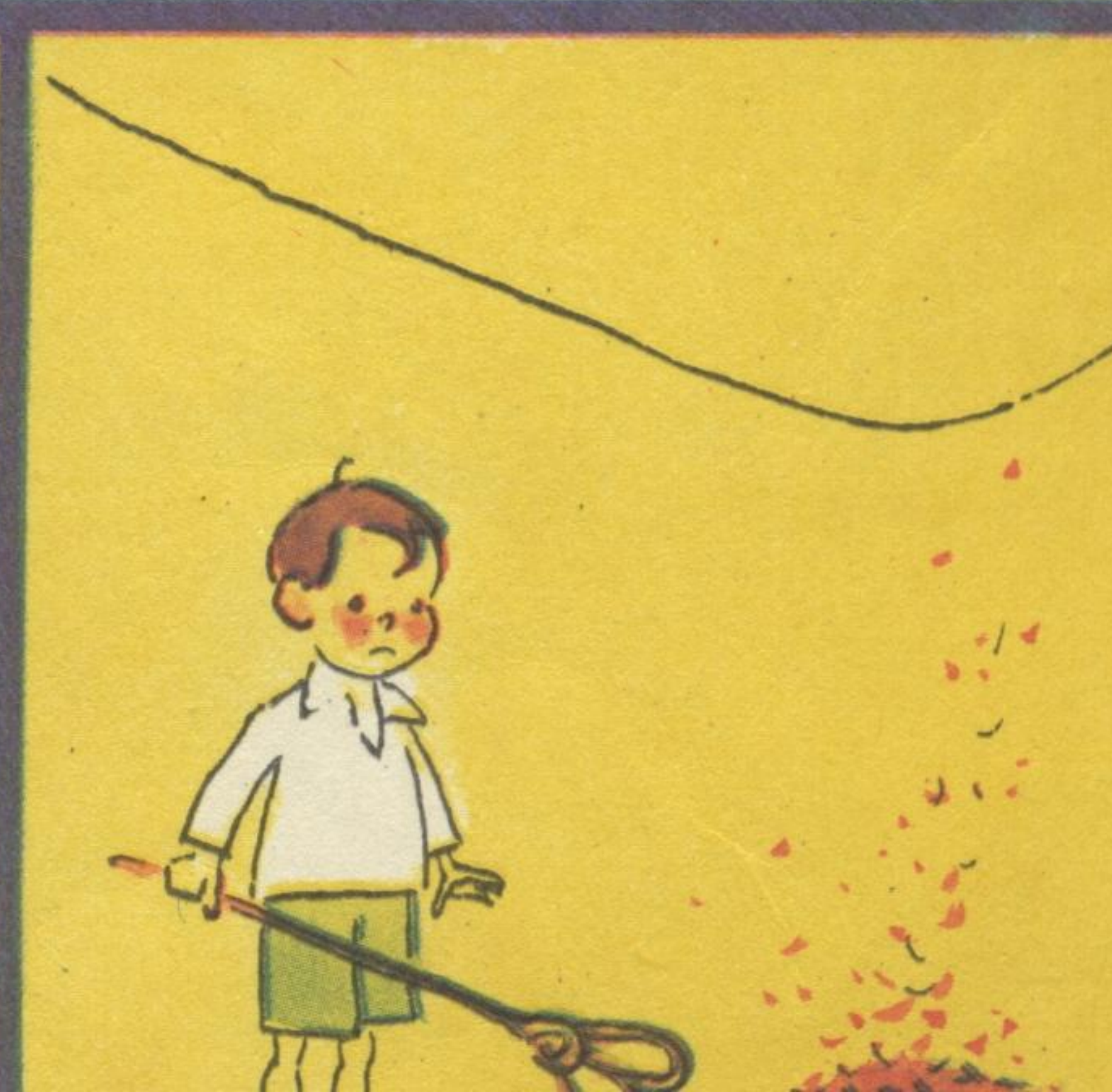
ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

ЛЕТНИЕ УЛЫБКИ

Рисунки
Б. Семенова

Жюри конкурса художников-юмористов „Яблочко“ продолжает прием отметок участникам конкурса. Присылайте ваши отметки за рисунки Б. Семенова, а также за рисунки В. Гальбы („Костер“ № 1), Н. Муратова („Костер“ № 3), Н. Зверева („Костер“ № 5).

Отметки присылать на открытках!

8-4

ЛЕНИНГРАД ВЕЧЕРОМ

Фото Р. Мазелева